

ГЕНРИ КАТТНЕР

Приложение БАЗУФ

ЗАПОМНИ БУДУЩЕЕ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

ЗАПОМНИ БУДУЩЕЕ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ЗАПОМНИ БУДУЩЕЕ

Генри Каттнер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2018

БААКФ-приложение 13 (2018)

Клубное издание

ЗАПОМНИ БУДУЩЕЕ. Генри Каттнер.

Сборник фантастики.

(а.л.: 10,37)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

THRILLING

WONDER

STORIES

15¢

JAN.

**A THRILLING
PUBLICATION**

FEATURING:

REMEMBER TOMORROW

**A Complete Novel
By HENRY KUTTNER**

**CITADEL OF SCIENCE
By ARTHUR J. BURKS**

ЗАПОМНИ БУДУЩЕЕ

ГЛАВА I. *Странное пробуждение*

СТИВ ДОУСОН утонул — даже хуже, чем утонул. Лишь тонкая металлическая оболочка защищала его от тонн воды над головой. Он был совершенно один, застрял на дне моря в крошечной батисфере, которая теперь была как пузырек в вакууме.

— Я умру, — хрипло сказал вслух Доусон и услышал отзвуки своих слов в пустоте, первые человеческие звуки, которые он слышал за последние тридцать часов.

Теперь, когда он высказал мысль, которую прежде избегал обдумывать, то почувствовал странное облегчение. Почему-то внезапно исчезло напряжение. В конце концов, лучше глядеть даже на самую темную сторону ситуации, чем цепляться за ложные надежды. Слишком много его надежд уже было разбито — когда кабели и телефонная линия порвались во время шторма, отрезав всякую возможность общаться с «Искателем приключений», качающимся наверху, на волнах Карибского моря. Так что самое худшее уже произошло.

Доусон прекрасно отдавал себе в этом отчет. Никакие дайверы не смогут опуститься на такую глубину. Но он не хотел мириться со смертью. По его прикидкам, прошло уже более тридцати часов. После открытия пятого баллона с кислородом он специально не смотрел на хронометр. Было бы слишком плохо наблюдать медленный ход стрелки, неумолимо ползущей к гибели.

Он достал сигарету, поколебался, но все-таки зажег ее. А почему бы и нет? Он мог позволить себе этот жест — ведь все равно он мало что мог сделать сейчас. Он сидел на полу, опершись спиной в изогнутую стену, и глядел в иллюминатор.

Снаружи, сквозь полуночно-черную океанскую воду в поле зрения показалось и тут же исчезло пятнышко тусклого света. Какая-то светящаяся рыба. Если бы все пошло хорошо, он бы сейчас сидел и заносил в каталог этих обитателей бездны, захватив через специальные клапаны несколько экземпляров для доставки на «Искатель приключений». А затем, через несколько дней, корабль вернулся бы во Флориду, а он отправился в Нью-Йорк, где ждет Мэриэн...

Не стоит думать об этом. Подумай о чем-нибудь другом — о чем угодно...

Экспедиция была организована музеем. Ученые специально построили для этого батисферу, а недавно открытый газ мог прекрасно консервировать глубоководную океанскую жизнь. До этого глубоководные рыбы взрывались, когда их вытаскивали на поверхность. Но этот новый газ, о котором думал сейчас Доусон, обла-

дал свойствами каким-то образом сохранять, замораживать живые ткани.

Понять принцип его действия было сложно, но управлять устройством очень просто. В различных отсеках клапана уже была при-манка. Доусону нужно было только открыть клапан, позволив рыбе заплывать внутрь, а потом захлопнуть его, после чего выпустить консервирующий газ, который предотвратит распад тканей. Его взгляд скользнул по рядам тупых металлических цилиндров, содержащих этот странный газ. Но ему они не помогут. Только баллоны с кислородом продлят его жизнь — на какое-то время. Затем придет смерть, и он ляжет навечно в океанскую грибницу. А жизнь наверху будет продолжаться. Мэриэн...

Забудь о Мэриэн! Теперь брак может не состояться никогда. Забудь о Мэриэн с ее милыми, мягкими губами и завитками каштановых волос...

Доусон почувствовал, что дрожит. Он загасил сигарету, пытаясь справиться с внезапно нахлынувшим на него чувством ужасного одиночества. Затем подошел к иллюминатору и поглядел через специальное, усиленное стекло, увидев в нем свое отражение — вытянутое, худощавое, загорелое лицо с тонкими чертами, которые за последние несколько часов еще больше заострились.

Там, за иллюминатором, было так же темно, как в безлюдном космосе.

Внезапно свет замерцал. Это садились батареи. Повинуясь импульсу, Доусон щелкнул выключателем, погрузив батисферу в темноту. Затем снова с напряжением поглядел в подводные глубины, ища хоть какой-то огонек. Ничего.

Уровень кислорода снова понизился. Доусон включил свет и открыл клапан очередного баллона, наклонившись, чтобы вдохнуть живительный газ. Он сделал глубокий вдох и почувствовал волну-ющее возбуждение...

Кислород опьянил его. Какой смысл тянуть последние жалкие минуты своего существования? Он же сейчас не живет. Он только ждет... Ошеломленный, опьяненный изливом кислорода, Доусон подошел к следующему баллону и открыл его. Зашипел, выходя, газ. Он прошел к следующему, затем еще к одному. И открыл их все! Прощальный жест...

Он даже не понял, что выпустил вместо кислорода консервирующий газ. Он просто повернул все колесики, и к концу, едва сознавая, увидел, что делает. Нос его уже учуял странный, сладковатый запах, Доусон почувствовал слабость и головокружение. Опять погас свет.

Мэриэн... не надо думать о ней...Лучше открыть люк, и пусть море ворвется... Зачем ждать смерти? Пусть все произойдет как можно быстрее...

Нога запуталась в валявшемся мотке веревки, и Доусон упал на пол батисферы, больно ударившись и разбив лоб о кислородный баллон. Металлический пол вздыбился ему навстречу.

Он ошеломленно поднял руку и ощупал сырой разрез, тянувшийся от лба к виску. Пальцы почувствовали горячую кровь. Он... Он...

Стены батисферы начали вращаться, сначала медленно, но затем все быстрее, до тех пор, пока за иллюминаторами не замерцал безумный свет. Шипение выходящего газа поднялось да пронзительного свиста. Доусон уплывал... Нет, умирал!

Он уже ничего не видел. Вращающиеся стены слились в какой-то хаос, который постепенно темнел. Доусон почувствовал, что погружается в этот черный бархат.

Это была смерть. После тридцати часов попыток в одиночном заключении так хотелось умереть...

Но он не умер. Об этом сообщила ему боль в глазах. Доусон почувствовал резкую дезориентацию, словно мозг его двигался внутри черепа. То же самое он чувствовал, когда получил нокаут. Затем, постепенно, к нему начала возвращаться память.

Он попытался открыть глаза, но потерпел неудачу. Веки были крепко сжаты, и Доусон хотел поднять к ним руку. Но руку пронзила волна колющей боли, когда он чуть шевельнул ею.

Тогда он расслабился. Зачем пытаться прийти в себя? Зачем откладывать неминуемый конец? Лучше просто лежать в темноте, пока снова не вернется беспамятство.

И все же... Все же было здесь было что-то не так. Свет! Свет проникал через закрытые веки, и каким-то образом Доусон понял, что этот свет походит на лунный. Затем он почувствовал легкое прикосновение к лицу и влажные брызги. Ему показалось, что на него льется дождь. А потом до ноздрей донесся запах моря. Воздух был острый и свежий.

Невероятно, но его уши уловили какой-то отдаленный гул. Он походил на прибой на пляже. Но как это может быть в батисфере на дне Карибского моря?

Никак не может. Доусон снова поднял руку, и на этот раз сумел вытерпеть боль. Пальцы плохо гнулись, но все же ему удалось открыть ими веки. Его тут же ослепил яркий свет, веки машинально зажмурились.

Тогда ему пришла в голову мысль, что его спасли. Возможно, он лежит на больничной койке, и к нему уже спешит медсестра. Доу-

сон попытался вскрикнуть, но боль парализовала его пересохшее горло.

Затем Доусон долго лежал, моргая, и его глаза постепенно привыкли к свету. В поле зрения появились какие-то искаженные очертания. Свет проникал через иллюминаторы батисферы. Большая ее часть находилась в глубокой тени, но Доусон все же разглядел, что внутри царит хаос, а газовые баллоны и другое снаряжение были сброшены со своих крюков и держателей. Он попытался подняться, и левую руку тут же пронзило копьё отвратительной боли. Тогда Доусон понял, что рука сломана.

Он неуверенно пополз к разбитому иллюминатору, через который врывался свежий воздух, и уставился за него. Сцена, которую он увидел, было незнакома, но все же утешительна. Там шел дождь, а сквозь рассеянные облака проникал лунный свет. Батисфера лежала на песке пляжа.

Все еще ничего не понимая, Доусон нашел большой гаечный ключ и выбил зазубренные осколки стекла иллюминатора, чтобы пролезть в отверстие. Сверхпрочное стекло по какой-то причине оказалось неожиданно рыхлым, так что работа была нетрудной. Потом Доусон рухнул на песок, задышавшись от усталости. Он был слабее, чем подумал вначале.

ЧТО ЖЕ произошло? По пляжу была раскидана рыба, а неподалеку от нее лежал мертвый осьминог. Глядя на серебристый зеленый океан, Доусон решил, что какая-то мощная волна, посланная ему Провидением, вынесла его на берег вместе с батисферой. Он повернул голову, чтобы поглядеть на батисферу, и от изумления у него перехватило дыхание.

Шар батисферы был все тем же, и одновременно не тем. Батисферу снаружи теперь было трудно узнать. Она выглядела круглым валуном, инкрустированным морской живностью. За ее бока цеплялись моллюски, засохшие водоросли и полипы. А также... Великий боже! Доусон вскочил, чтобы смотреть свою находку. Да, на корпусе действительно росли кораллы, но он прекрасно знал, что кораллы растут долгие, очень долгие годы. Сколько же батисфера пробыла под водой?

Доусон огляделся. Вокруг не было ни малейшей подсказки. Пляж казался пустынным. Но слева, на юге, он увидел слабое свечение в ночном небе. Деревня или, возможно, лагерь, хотя свечение не походило на костер.

Нужно идти туда. Там будет еда и выпивка. Доусон почувствовал, что ему просто необходимо выпить бренди. Он был очень слаб, но, шатаясь, все же пошел на юг.

Моноotonно шумел прибой. Ветерок стал теплее. Надежда Доусона окрепла, когда свечение в небе стало ярче. Нужно немедленно отправить телеграмму, как только он доберется до цивилизованных мест. В первую очередь, нужно послать телеграмму Мэриэн. Она ведь волнуется...

Склон начал подниматься. Доусон взшел на самый верх и остановился, глядя вниз на лежащий у подножия противоположного склона городок. Затем поморгал.

Больше всего городок походил на студию Голливуда. Хрупкие, окрашенные нежной краской дома были маленькими и казались такими непрочными, что их бы мог сдуть ветер. Но они пережили бурю, которая, должно быть, только что прошла по этим местам. Невероятный игрушечный городишко!

Там были башни и минареты, а также какие-то пандусы и арки, и все это окрашено пастельными тонами, с улицами и парками, освещенными мягким светом, исходящим, казалось, из самого сердца города. И, как ни странно, весь городок, казалось, был под стеклом! Нет, не под стеклом, а под мерцающим полупрозрачным полушарием, слабо блестящим в лунном свете. Городок накрывал огромный купол.

ДОУСОна ОХВАТИЛО странное чувство нереальности. Во Флориде были киностудии и строились вот такие временные городишки. Возможно, это какой-то правительственный проект, хотя прежде он не слышал о нем. Он как-то необычно освещен... Ну, и что с того?

Доусон продолжил свой путь, спускаясь в долину. Море шумело слева, потому что долина была открыта в ту сторону. С трех сторон ее ограничивали холмы. По мере того, как Доусон продвигался вперед, он все хуже видел город. В поле зрения оставались лишь самые высокие здания, тянущиеся к небу. Доусон шатался от усталости, но упорно шел дальше.

Городок утопал в парках. Там была масса ярких цветов. Доусон не видел их, но чувствовал их запах. Странно только, что они цвели ночью...

Внезапно воздух перед ним замерцал. Доусон остановился перед мерцающей, полупрозрачной вуалью, повисшей в воздухе. Это был купол, который он видел сверху. Но это был никакой не барьер, а всего лишь свет. Доусон мог легко пройти через него.

Он сделал шаг вперед. Одновременно он услышал пронзительный крик, и кто-то метнулся к нему. Доусон замер, с одной ногой уже в воздухе, затем потерял равновесие и тяжело рухнул на землю. Боль пронзила сломанную руку. На секунду он ослеп от этой боли.

А затем он увидел глаза девушки, маленькой, стройной и прекрасной, со струящимися золотистыми волосами, окружавшими ее личико. Голубовато-синие глаза испуганно глядели на него.

— Какого дьявола? — прохрипел Доусон.

— Ты сумасшедший? — прошептала девушка. — Ты...

Она бросила взгляд на мерцающую стену света, затем пристально оглядела Доусона.

— Ты собирался коснуться Барьера!..

В ее голосе звучало недоумение.

ГЛАВА II. *Тень над утопией*

Странно, но Доусон остался лежать на спине, глядя на девушку. Он понял не сразу, что ее слова звучат как-то странно, протяжные гласные и очень короткие согласные звуки, придававшие ее речи странный акцент. Горловые звуки были мягкими. Одежда... Она была одета в почти непроницаемую эластичную ткань из светло-голубого материала, покрывавшую ее от запястий до лодыжек. На ногах были стеклянные тапочки. Совершенно прозрачные, но гибкие, что стало видно, когда девушка поднялась и на шаг отступила назад.

Доусон тоже встал.

— Это что за затыка? — тихонько спросил он.

Девушка озадаченно нахмурилась.

— Я не понимаю... Затыка? — Она произнесла это слово каким-то горловым звуком, звучащим так, словно состоял из одних гласных. — Подождите. Через секунду выключится Барьер.

Доусон проследовал за ее взглядом. Внезапно сквозь странную вуаль пробежало яркое свечение, и барьер исчез. Исчез мгновенное и бесследно.

— Что это было? — спросил Доусон. — И где я, леди?

На него глянули васильково-голубые глаза.

— Барьер? Но почему вы спрашиваете о нем? Ведь все знают о Барьерах!

Мягкие губы девушки раскрылись в удивлении, обнажая маленькие, совершенной белизны зубы.

— Вот как? Ну, так я не знаю. Я здесь чужой...

— Мы создаем Барьер, когда наступает буря, — пояснила девушка.

— Он охраняет Дасони от оорикана... От того, что вредит городу. А когда ветер умрет, мы, разумеется, отключим энергию.

— Оорикан?

Она махнула рукой в сторону моря.

– Большой ветер... Дождь...

– Да, я понял! Ураган! А этот город называется Дасони? Я никогда не слышал о нем.

Девушка улыбнулась.

– Да, наш город очень маленький. Вы, наверное, из больших городов или даже из Европы. У вас такая странная одежда... – Она прикоснулась к рукаву Доусона, и тот вздрогнул от боли. – О, ваша рука! Она болит!

– Кажется, она сломана. Послушайте, леди, в этом городе есть врач?

– Врач... Врач? Медики исправят вашу руку. Идемте. – Она потащила его в парк. – Меня зовут Бетья... Бетья Дорн.

– Давайте возьмем такси, мисс Дорн, – сказал Доусон.

Девушка остановилась и повернулась к нему.

– Погодите-ка... Мисс Дорн, а недавно вы называли меня леди. Почему вы пользуетесь такими архаичными терминами? Я не понимаю... – Она пожала плечами. – Я достану вам машину. Но не могу поехать с вами. Я должна сказать Фереду о странном металлическом шаре, который увидела на пляже.

– Это батисфера, – сказал Доусон. – Хотя и не очень похожа на нее. Я вылез из этого шара.

БЕТЬЯ ДОРН побледнела и поглядела на Доусона так, словно впервые увидела его.

– Но вы... Но ей же, должно быть, много веков!

– Похоже на то. Но она была построена в прошлом году.

– Когда? Когда именно?

– В апреле...

– В каком году?

– В тысяча девятьсот сороковом.

Реакция Бетьи была удивительной. Она торопливо, почти что украдкой огляделась. На дорожках среди ярких цветов парка не было заметно никакого движения.

– Кто вы? – тихонько спросила она.

– Стивен Доусон. Я...

– Сэфен Доусон... Пойдемте со мной. Поспешим!

И она настойчиво потянула его вперед. Сначала Доусон сопротивлялся, но потом у него появилось какое-то странное предчувствие. Почему девушка спрашивала у него год?

– Идемте! Я должна отвезти вас к Фереду!

– А какой сейчас год? – рискнул спросить Доусон.

Бетья заколебалась, прикусила губу и, наконец, без всякой охоты ответила:

— Двадцать шестой век. Двадцать пять тысяч тридцать третий год.

Доусон застыл. Значит, это правда. Он не позволял себе даже подумать о том невероятном, что могло произойти. Его странное пробуждение... Наросты кораллов на батисфере... Этот удивительный город...

— Мне... Мне нужно выпить, — хрипло сказал Доусон. — Я просто поверить не могу...

— Идите! Феред поможет вам. Не знаю, как, но он поможет. Вашей рукой тоже нужно заняться.

Ошеломленный Доусон позволил Бетье протащить его по парку. Они вышли на краю пустынной дороги, выложенной сияющим белым веществом, тянущейся среди подлеска, точно зияющий шрам. Прямо перед ними у обочины стояло нечто, что, наверное, считалось автомобилем двадцать шестого столетия. Больше всего машина была похожа на овальную чашу из блестящего пластика длиной не более четырех метров, стоящую на трех колесах.

Машина была оборудована мягкими сиденьями, и один рычаг, заканчивающийся небольшим шаром, заменял собой все управление. Край машины был такой низкий, что Доусон легко перешагнул его. Бетья скользнула на сиденье рядом с ним.

— Ничего не говорите. Просто расслабьтесь, Сэфен Доусон.

— Да-да...

Доусон повиновался, чувствуя, как мягкое сиденье поддается под его весом. Он откинулся на спинку и вздрогнул. Это небо... Неужели созвездия могли так измениться за шестьсот лет? *Это же совсем немного времени*, подумал он. *Просто невероятно*. Ну, скоро он все узнает.

Он отвлекся от своих мыслей и стал разглядывать город Дасони, пока они ехали по нему.

Но меньше чем через полминуты пластиковая оболочка скользнула вверх, образовав стены и крышу вокруг них, и оставила лишь небольшую горизонтальную цель, через которую могла смотреть девушка, управляя машиной.

ТАК ЧТО Доусон мало что мог увидеть. Машина ехала мягко, почти незаметно, в смотровой щели мелькали встречные транспортные средства, словно летящие облака. Тогда Доусон расслабился,

закрыв глаза. Чуть заметное покачивание напомнило ему о прошедших днях, когда он и Мэриэн ехали вместе по холмам Беркшира...

Мэриэн уже шестьсот лет как мертва! Она обратилась в прах и лежит сейчас в могиле, о которой он ничего не узнает и никогда ее не найдет. Доусона охватило ужасающее одиночество. Слабое пастельное свечение, проникающее через смотровую щель, тишина чужого города: все это внезапно показалось ему ужасным. Он никогда больше не увидит, как солнце опускается за башни Нью-Йорка, не услышит оглушительный рев метро и свист ветра, обтекающего несущийся поезд...

Мэрилин стала прахом! Все, что связывало его с жизнью, все его друзья, его города, весь его мир превратился в серый прах. В груди Доусона образовалась пустота. Ему не хотелось открывать глаза.

Машина остановилась. Беття так быстро вытолкнула его наружу, что у Доусона было время лишь бегло взглянуть на широкую извилистую улицу, тянущуюся между садами и домами, казавшимися симфониями плавных кривых, и светящихся пастельных красок. Смутный свет, казалось, исходил от самой мостовой. В голове у Доусона пульсировала боль. Его лихорадило. Рука нестерпимо ныла.

— Пойдемте, Доусон. Скорее идemте. Он поможет тебе.

Дверь бесшумно скользнула в сторону, когда они подошли к ней. У Доусона осталось краткое впечатление о больших комнатах со странной обстановкой. Беття помогла ему сесть, а сама поспешно подошла к столу и вернулась с чем-то, напоминающим маленькое металлическое яйцо.

Она поднесла яйцо Доусону под нос и резко сломала его. В ноздри ударил приторный, сладкий аромат, и Доусон моментально потерял сознание...

Fred Voloth

ПРИДЯ В СЕБЯ, Доусон мгновенно почувствовал теплую, приятную усталость. Тупая, угнетающая боль в голове и руке исчезла. Он чувствовал себя так же, как после горячего душа и здорового ночного сна. И он тихо лежал, вспоминая.

— Ты снял показания? — послышался тихий голос Бетти.

Доусон собирался открыть глаза, но почему-то передумал. Движимый каким-то непонятным импульсом, он остался лежать неподвижно. Воз-

можно, он услышит что-нибудь интересное... Что-то такое, что девушка постаралась бы скрыть от него.

— Я сам провел все проверки, — сказал мужской голос. — Через несколько дней я могу обратиться с докладом к Совету. Мне должны дать большой грант...

— И этот человек из прошлого... За него тоже дадут грант? Не надо, Ферд...

— Надо! — мужской голос был низкий и приятный. — Тогда мы сможем пожениться, Беття. Но я еще не совсем уверен. Нужно будет расспросить его. Хотя внутренность батисферы подтверждает его историю.

Долгое время стояла тишина. Наконец, Доусон застонал, зашевелился и сел. Он увидел, что его рука аккуратно перевязана и зафиксирована жесткой, легкой металлической рамкой, держащей ее неподвижной.

Комната, в которой он оказался, был освещена отфильтрованным солнечным светом, идущим теплым золотым сиянием через оконные стекла круглых окон. Тут и там в пластиковых стенах виднелась какая-то мозаика из полупрозрачных стеклянных кирпичей. Пол комнаты тоже был выложен мозаикой, доходившей до самых ног Доусона, которые тот спустил с дивана, где сидел.

В целом, обстановка была удобной, но явно необычной. Все было словно составлено из каких-то пересекающихся кривых, изящных и матовых, выглядящих так, словно они были вырезаны из одного куска и окрашены в различные гармонирующие цвета. Доусон увидел удобные кушетки и стулья. На одной кушетке сидела Беття и какой-то мужчина.

Мужчина был стройным, темноволосым молодым человеком с юношеским круглым лицом и мягкими карими глазами. На нем были короткие шорты, легкая безрукавка и сандалии. Только и всего.

Он встал и подошел к Доусону с маленьким подносом, на котором стоял стакан с желтой жидкостью и что-то похожее на целлулоидную капсулу.

— Сэфен Доусон... Меня зовут Ферд Йолат.

Доусон усмехнулся и протянул ему правую руку.

— Рад познакомиться.

Steve Dawson

Не уверенный, что понял этот жест, Феред поднял руки ладонями наружу на высоте плеч.

— Да, я понимаю, а вот наше обычное приветствие. Но прежде, чем мы побеседуем, примите капсулу и выпейте ореховую настойку. Вы долгое время были без пищи, — продолжал он, — когда Доусон повиновался. — Мы питали вас инъекциями, пока вы спали, почти четырнадцать длинных...

— Чего?

— Я не знаю, как вы считали время там, у себя, Доусон. Сейчас уже середина утра. — Он принял пустой стакан и протянул поднос Бетье, которая убрала его в нишу в стене. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — сказал Доусон, хотя у него все еще оставалась смутное чувство дезориентации, нестабильности, будто сама земля то и дело уплывала у него из-под ног. — Я действительно проспал шестьсот лет?

— Да.

— Это все консервирующий газ в батисфере. Наверняка, он. Он погрузил меня в состояние приостановленной жизнедеятельности, затормозил почти до нуля мой обмен веществ, он был разработан для того, чтобы «замораживать» глубоководных рыб, но, по-моему, действует на любую живую ткань. Я сам служу этому доказательством. Даже моя одежда весьма неплохо сохранилась.

— То же самое касается и металлических частей вашей одежды, — добавил Феред. — В батисфере не было водяных паров, так что они не заржавели.

— В это труднее поверить, чем в себя, — с намеком на юмор сказал Доусон. — Погодите-ка... — продолжал он, кое-что вспомнив. — У вас есть зеркало? Ну, предмет, который отображает все вокруг?

— Мы все еще пользуемся словом «зеркало», — Феред улыбнулся, показывая очень белые зубы. — Держите.

Он повернулся к Бетье, которая сняла со своего одеяния маленький блестящий диск и протянула его Доусону. Диск был не больше трех сантиметров в ширину, но изогнутый так, что отражение значительно увеличивалось без искажений. Разумеется, у Бетьи должно быть зеркальце. Эта чисто женская привычка сохранилась даже через шестьсот лет!

— Перед тем, как я потерял сознание, — сказал Доусон, — я помню, как разбил себе лоб. Разбил до самой кости. Но рана исчезла... Нет, еще остался шрам.

— Почти незаметный, — кивнул Феред. — Ваш метаболизм был чрезвычайно замедлен, но все-таки продолжался.

Каким-то образом это открытие стало последним штрихом, окончательно убедившим Доусона. Одновременно у него появились

воспоминания, который он вообще сейчас не желал. Сейчас было бы лучше забыть о Мэриэн. Если бы он только мог! По крайней мере, он должен как-то отвлечь свои мысли о старых временах в Нью-Йорке...

— Мне интересен этот новый мир, — сказал он. — Я хотел бы знать о нем все.

— А нам интересен ваш мир, — сказал Феред. — Естественно, у нас есть записи, но мы не знаем, насколько они преувеличены. А вы настоящая живая окаменелость... — рассмеялся он. — Вы не обиделись?

— Меня звали и похуже, — ответил Доусон, чувствуя, что ему нравится этот легкомысленный парень. — Что в первую очередь рассказать вам о мире, из которого я пришел?

— Пока что ничего. Сейчас вам не нужно переутомляться, пока вы полностью не восстановитесь. А кроме того...

Тут их прервала Бетья.

— Совет будет сомневаться в нем, Феред, — сказала она.

— Да. Конечно. Между прочим, не будет никакого вреда рассказать вам, как мы тут живем, Доусон.

— Хорошо. Благодарю. Что это за Совет?

— Консультативный совет. Группа мужчин и женщин, которые управляют мировым правительством. Время от времени выбирают новых членов, когда старые умирают. Это величайшие умы на Земле.

— Звучит немного похоже на технократию, — сказал Доусон. — Мировое правительство? Нет ни стран, ни государств?

— Государство, конечно, есть. Но совет находится в Столице, здесь, в Америке, в Вашингтоне.

— Раньше у нас был президент. Его избирали...

Феред кивнул.

— Да, я читал об этом. Члены Совета так же избираются государственными избирательными голосами после того, как докажут достоинства своей кандидатуры в результате каких-нибудь достижений. Даже я могу стать...

— Нет! — в голосе Бетьи послышался намек на панику. — Мне это не нравится, Феред, хотя ты шутишь.

Парень улыбнулся ей.

— На то, что я буду избран, шансов мало. Мой вибрационный принцип недостаточно хорош...

— Возможно, — прошептала девушка, широко раскрыв голубые глаза. — Иногда я просто боюсь. Но все же мы не можем позволить себе пожениться, пока ты не получишь грант.

Доусон пожал плечами.

— Я не понимаю.

— На самом деле все очень просто, — сказал ему Феред. — Я разрабатываю одну теоретическую идею, которую придумал некоторое время назад. Совет всегда поощряет научные работы. Они дают гранты — рабочие единицы — на любые стоящие идеи, разработанные и предоставленные им.

— Они присваивают себе эти идеи?

— Разумеется, нет! У нас же не тирания, Доусон. Любые новые научные принципы дорабатываются Советом и возвращаются миру. Естественно, Совет лучше всех подготовлен к разработке таких идей, чем... Ну, скажем, чем я.

Беття снова перебила его.

— Феред не рассказывал вам всего. Когда мужчина или женщина избираются в Совет, то они должны посвятить этому всю свою жизнь. Они больше никогда не смогут видеться со своими друзьями или родственниками. Они живут в Вашингтоне... Браки автоматически расторгаются, если они были женаты. Это как разрезать все узлы.

— Но это не жертва! — сверкнув глазами, заявил Феред. — Для служения миру нужна вся энергия человека — это самая великая честь, какую только можно себе пожелать. Но... — Он взглянул на Беттю, — меня не примут туда, дарля. — Незнакомое слово даже на слух показалось Доусону ласковым. — К тому же, вы должны знать, что я всегда могу отказаться.

ДОУСОН ПООЧЕРЕДНО глядел то на одного, то на другого. Постепенно он начинал понимать. Разумеется, молодые люди были влюблены друг в друга. А все остальное... Что это за Совет? Доусон не знал, но, несмотря на уверенные слова Фереды, почувствовал смутную тревогу, словно здесь было что-то неладно. Хотя он не знал, что именно. Возможно, Феред слишком доверял Совету. Это все равно, что верить в пропаганду, никогда не задавая вопросов.

— И у вас тут нет революций? — спросил Доусон. — Нет расовых барьеров? Нет никаких социальных волнений?

— А зачем бы все это? Совет со всем справляется. Он правит в течение пятисот лет, и его правление всегда было благотворным. Нет никаких причин для беспорядков. Понимаете, наша система выдержала испытание временем.

— Вся власть, правящая миром... сосредоточена в руках нескольких мужчин.

— Мужчин и женщин. Их всегда шестеро. Любого из них может отозвать всенародное голосование, хотя, насколько мне известно, такого никогда не происходило.

– А что будет со мной? – внезапно спросил Доусон.

– Возможно, вас захочет увидеть Совет или группа ученых. Вам не о чем беспокоиться. Для вас все будет легко и просто.

«Для вас все будет просто», этот приговор прозвучал в сознании Доусона каким-то диссонирующим аккордом. Вроде бы все тут казалось Утопией. Все было легко – даже неблагоприятные погодные условия были перекрыты какими-то свертехнологическими Барьерами. Возможно, тут было слишком легко.

– Вам дадут время приспособиться к новой жизни, – продолжал тем временем Феред. – С учетом работы, для которой вы приспособлены и которая вам нравится. Психogramмы позаботятся о любых психологических переутомлениях. Прыжок через шесть столетий мог немного расстроить вас! Но я бы сказал, что, в основном, вас оценят положительно.

Положительно? Несмотря на знакомый язык, Доусон понял, что ему еще нужно изучить много новых речевых выражений и оборотов.

– Мне бы хотелось увидеть ваш город.

– Дасони? Отлично. Я сам отвезу вас.

– А как же отчет? – спросила Бетя.

– Отчет Совету? Ты же сделаешь его для меня, даря, не так ли?
Грасас. А я пока что займусь с Сэфеном Доусоном. До завтрашнего утра у меня все равно еще не будет отчета о вибрационном принципе.

БЕТЯ КИВНУЛА, как-то странно отсалютовала Доусону и вышла из двери, которая снова скользнула перед ней в сторону, открываясь сама по себе.

– Это мой дом, – сказал Феред. – Вы будете моим гостем, пока не придет запрос.

– Запрос?

– Запрос от Совета. Относительно вас.

Это было странное выражение. Почему не приказ? Так было бы гораздо логичнее. И опять Доусон почувствовал в этой утопической цивилизации что-то неопределенное, слишком тонкое для него, чтобы сразу понять или не понять. Это походило на тень, которая на мгновение упала на ярко освещенную солнцем комнату.

– Ваш эксперимент закончен? – спросил он как можно любезнее.

– Моя часть выполнена. Вот почему мы с Бетей вчера вечером были на пляже. Мы хотели записать молнию. Мне нужно было проверить один незначительный момент. Настоящая работа будет проводиться с Советом. Я не приспособлен для нее. Я выдал основную идею, а они доработают ее.

Доусон странно поглядел на него.

— И вы довольны этим? — буркнул он. — Чтобы другие заканчивали ваш эксперимент?

Феред поглядел на него.

— Но я же закончил свою часть! Я выдал эту идею!

— Этот мир совершенно иной, — заявил Доусон. — Вы можете не поверить, но, в свое время, люди получали удовольствие от завершения того, что начинали, даже если это было просто собирание модели игрушечного парусника.

Молодой человек озадаченно нахмурился.

— Но ведь, разумеется, достаточно было бы лишь представить себе этот парусник, и пусть остальное выполняет Совет. Совет гораздо мудрее любого человека. Его члены знают, что будет лучше для всех и послужит всем на благо.

— Я полагаю, все думают так же, как вы, Феред?

— Естественно.

— И вы не будете заканчивать эксперимент?

— Конечно, ведь все уже закончено. Остальное дело Совета! Вы просто не понимаете...

— Я понимаю... — начал было Доусон, но тут же замолчал. — Давайте не будем об этом сейчас. Вы хотели провести меня по городу.

Он последовал за Фередом к двери, испытывая неприятный холодок в животе. И молодой человек, и Бетъя казались совершенно счастливыми, довольными своей судьбой. Возможно ли, что человечество стало расой рабов, не понимающих своего рабства и поклоняющихся тиранам, которые ими правили?

Нет, у меня просто слишком уж разыгралось воображение, подумал Доусон. Здешняя цивилизация оказалась намного лучше той, которую он покинул. Но он знал где-то в глубине души, что здесь что-то не так... что-то очень неправильное.

В конце концов, здесь наверняка не Утопия.

ГЛАВА III. Разлад

НЕСМОТРЯ НА ВСЕ, поездка по Дасони могла бы стать приятной. Но Доусон был слишком занят поиском недостатков. Под теплым, почти тропическим солнцем в легких одеждах прогуливались мужчины и женщины, по улице ехали трехколесные автомобили, по словам Фереда, движимые электромагнетизмом.

— И никто не работает?

— Естественно, все работают. Несколько часов каждый день, или дольше, если того пожелают. Понимаете, Доусон, на нас работают машины. В нашем мире самое главное — счастье человека.

Да, счастье. А также удовлетворение. Но не было никаких волнений, существовавших во времена Доусона, не было никаких признаков авантюрного, смелого духа, который посылал людей в небо и морские глубины, или в другие неизведанные места за пределами цивилизации.

У этих людей была слишком легкая жизнь. Вряд ли что-то могло в ней пойти не так. У каждого мужчины и женщины была своя задача, и каждый отвечал за нее перед кем-то, стоящим над ним, и так поднималось все выше, до самого авторитетного верховного Консультационного Совета. Тем не менее, в жителях Дасони чувствовалась какая-то беспомощность. Они были словно дети. Слепая, бесспорная преданность и послушание. Так ребенок мог относиться к своим родителям. Но ребенок, рано или поздно, учится быть уверенным в себе, а в Дасони не было ничего подобного!

Доусон понял, что это качество, возможно, было самым важным, выработанным в ходе развития цивилизации. Феред был готов разрешить Совету закончить свои эксперименты. Он потерял всякую уверенность в себе. Точнее, не потерял, ее просто у него не было. За шестьсот лет она была выжата из всей человеческой расы. Так решил Доусон после нескольких часов наблюдений и бесед со своим проводником.

Дасони был типичным маленьким городком своей эпохи. Со слугами не было никаких проблем — роботы исполняли самую тяжелую работу. Продовольствие? Сельскохозяйственные предприятия, выращивающие крупно-рогатый скот, или ранчо с овцами, были оснащены ультрасовременным оборудованием, требующим человеческого присмотра лишь время от времени. Ловля рыбы? Люди выходили на специально построенных, огромных лодках, бросали в воду несколько предметов, похожих на пуговицы, которые разворачивались в металлические сетки, что ловили рыбу и сами сбрасывали ее в трюм.

Социальная жизнь? Для детей существовали детские ясли, хотя они были не обязательными. Семейная жизнь продолжала существовать. Были чрезвычайно развиты всякие развлечения, как дома, так и вне его. Правительство активно субсидировало театры. Музыканты исполняли цветомузыку, был балет, в котором танцоры в специальных металлических костюмах, казалось, плавали в воздухе при помощи магнетизма. Но Доусон обнаружил, что все эти развлечения были на удивление дешевыми подделками.

А затем случилась авария. Она произошла на одном из самых высоких пандусов – длинной нисходящей кривой, круто спускающейся на улицу. Феред вел машину. Внезапно перед ними выскочил встречный автомобиль. Феред резко вильнул в сторону, чтобы избежать столкновения. Одновременно раздался резкий щелчок, и машина слегка вздрогнула, а потом заскользила прямо к невысоким перилам, окружающим пандусы.

Доусон не знал, существует ли здесь защитный барьер. Но он понял, что колеса машины заблокированы, по тому, как Феред дергал рычаг управления взад-вперед. Однако парень не испугался. Он схватил какую-то скрытую ручку, потянул ее на себя... Но она осталась у него в руке.

Машина скользила к краю.

Доусон резко поглядел на Фереду. Молодой человек словно застыл.

– Прыгайте! – рявкнул Доусон.

Феред не двигался. На лице у него было выражение испуганного, маленького ребенка – выражение непонимания.

Раздумывать времени не было. Машина уже почти была у поручней, двигаясь с такой скоростью, что вынесла бы хлипкую оградку и ринулась в пропасть, рухнув на улицу вниз. Доусон бросился на Фереду так, что их тела ударились в боковую стенку машины. Под их общим весом колесо оторвалось от земли.

Маленький автомобиль опрокинулся. Феред не делал никаких движений, чтобы спастись, так что действовать пришлось Доусону.

Он вылез из опрокинутой машины и вытащил Фереду. На лице Фереду застыло странное выражение.

– Такого никогда не случалось раньше, – ошеломленно проговорил он.

– А вот и помощь, – проворчал Доусон.

К ним уже подкатывал ремонтный автомобиль. Через несколько секунд он отбуксировал разбитую машину, и тут же подъехала новая. Феред и Доусон сели в нее и поехали обратно домой.

– Почему вы не выпрыгнули, Феред? – резко спросил Доусон.

ФЕРЕД ПОКАЧАЛ головой.

– Не знаю. Такого никогда не случалось со мной раньше... У меня было странное ощущение, словно земля ушла из-под ног.

Разумеется! Фереду научили всегда зависеть от других. Мысль о каких-то независимых действиях даже не могла прийти ему в голову в этом новом мире. Перед любой неожиданностью эти люди становились беспомощными, потому что утратили уверенность в

себе. Без лидеров – руководителей, которые правили ими на протяжении веков – они были просто стадом овец.

Вернувшись в дом Фереда, они стали беседовать дальше.

Доусон по-прежнему задавал вопросы.

– У вас еще нет космических путешествий? – спросил он.

– Нет. А к чему они? Хотя, подождите секундочку...

Феред взволнованно тронул несколько кнопок на телевизоре и уставился на экран. На нем появилась страница какого-то печатного издания. Однако Доусон не смог прочитать его. Буквы были английские, но... «Мтр змчн в ксмс...»

– Это упрощенное правописание, – улыбнулся Феред, – такая форма сокращения слов, особенно в библиотеках. Постепенно вы научитесь читать ее. В космосе был замечен метеор, который летел прямо к Земле... Неизвестно, когда это было, но, очевидно, примерно, где-то в вашу эпоху, Доусон. Оказалось, что это не метеор, а космический корабль, но он был пуст. Так что о нем никто ничего не узнал. Это осталось такой же тайной, как и метеоритный кратер в Аризоне.

– Да, – пробормотал Доусон, думая о чем-то другом. – Кстати, о вашем эксперименте, Феред. Раньше я был ученым-любителем в своей области. Хотя, полагаю, сейчас...

Молодой человек тут же оживился.

– Ну, вы хотите узнать о принципах вибрации? Позвольте мне рассказать вам о своих...

– И вы не боитесь рассказывать это мне?

– Боюсь? Почему? – спросил Феред, но Доусон не стал объяснять.

У него возникла одна идея. Он внимательно слушал, как Феред, достав какие-то записи, рассказывал про свою идею, а иногда зачитывал Доусону комментарии. Потом Доусон начал рассказывать о своих собственных экспериментах, которыми занимался еще в колледже. Феред слушал его с большим вниманием. Затем стал задавать вопросы о лабораториях 1941 года, великих исследовательских бюро, частных мастерских изобретателей...

– Знаете, – сказал он, наконец, – наверное, мне понравилось бы жить в ваше время, Доусон. Вы недавно сказали что-то о том, что людям нравится завершать то, что они начали... Должно быть, это действительно было захватывающе.

– Да, было... И есть. Только вы никогда этого не делали.

ОНИ МОЛЧАЛИ почти минуту, затем Доусон небрежно спросил:

– Наверное, Совет даст вам разрешение продолжить эксперимент, если вы его попросите?

У Фереда сделался почти виноватый вид.

— Но, Доусон, зачем мне просить об этом? Вряд ли я смог бы добиться больших успехов, чем Совет. Это было бы просто эгоистично.

— Но почему? Совет может продолжать действовать так, как привык, а вы можете просто наткнуться на что-нибудь, что они пропустят. Вот, взгляните сюда, Феред... — И Доусон указал на одно место в его записях, в котором было явно что-то пропущено. — Как вибрация повлияет на действия молекул? А на кванты? Предположим...

— Молекулы будут... — начал было Феред и тут же замолчал. — Но это не мое дело?!

Доусон молчал. Феред прошел по комнате из конца в конец, затем снова устался на свои записи и схемы. Больше минуты он не шевелился. Доусон улыбнулся.

Может быть, это было тоже самое, что обезьяна, бросающая гаечный ключ в какой-то сложный механизм. Может быть, Доусон сделал это именно потому, что ему понравился Феред, и еще потому, что он пожалел парня, увидев, что произошло с ним во время аварии, закончившейся чуть было не плачевно.

Но он решил, что небольшая доля уверенности в себе Фереду не повредит. Если бы он сам работал над этим экспериментом, это давало бы ему чувство независимости, осознание того, что он не просто рядовой винтик в машине. С точки зрения Доусона, было нечто нездоровое в полном отсутствии уверенности в себе.

Этим вечером Доусон поужинал с Фередом и Беттей. Он тоже понравился им обоим, но, когда он глядел на них, сидевших рядышком, это приносило ему острые, болезненные воспоминания. Мягкое освещение комнаты напомнило ему о ресторане в Гринвич-Виллидже, где он часто ужинал с Мэриэн.

Внезапно на него нахлынуло ощущение полной нереальности.

Неужели он и правда сидит здесь живой, ест и пьет в двадцать шестом веке, а все, что он когда-либо знал, стало просто историей? А Мэриэн? Она даже не стала историей. Было ужасно думать о том, что она ушла навсегда, не оставив ни малейшего следа на земле. Она стала прахом, и еда внезапно показалась Доусону прахом на губах.

Он постарался взять себя в руки и избавиться от этого нездорового чувства.

Ему нужно оставаться в здравом уме...

— **КАК ВАШ** эксперимент? Вы спросили разрешения?

— Да, — усмехнулся Феред, глядя, как Беття приподняла светлые брови. — Я сам доделаю эту работу, дарля. По крайней мере, попробую.

Девушка покачала головой, но, прежде чем она успела ответить, тихонько звякнул звонок. На столе открылась панель, и перед Фередом появился маленький металлический цилиндр. Феред поднял его, взглянув на остальных.

— Кстати, это должен быть ответ.

Доусон как раз размышлял об эволюции коллоквиализма, — «бесед с дьяволом», — когда Феред поднял взгляд. Глаза у него горели.

— Мне дали разрешение!

— Вот как?

Доусон почему-то почувствовал разочарование. Он ожидал чего-то другого, хотя сам не знал, чего именно.

— Да. Они хотят, чтобы я приехал в Вашингтон. Они дадут мне целую лабораторию, дарля! — Он вскочил, и с энтузиазмом поцеловал Бетью. — Это будет очень большой грант!

Глаза девушки сердито сверкнули.

— Ты собираешься оставить меня? — спросила она.

— Всего лишь ненадолго. Здесь я совершенно беспомощен. А в Вашингтоне у меня будет столько оборудования!.. И всякий раз, когда я с чем-нибудь застряну, то смогу получить помощь и поддержку.

— Ага, — буркнул Доусон.

Феред почему-то покраснел.

— Я не имел в виду... ну, во всяком случае, это не займет много времени. Они хотят, чтобы вы тоже приехали со мной, Доусон. Они послали вам приветствие и попросили меня привезти вас.

— Приятно это слышать. А что будет, если я не пойду в совет?

— Спросил Доусон, почему-то чувствуя себя камешком в хорошо смазанной машине.

— Ну, тогда, я думаю, они отправят кого-нибудь к вам.

Очень приятно и дружелюбно! Даже слишком. Доусону все время казалось, что в нем живет какой-то страх вызвать трение с этим таинственным советом.

Возможно, это просто был подсознательный страх перед встречей с советом.

НО, ПО-ВИДИМОМУ, не было никаких негативных последствий, по крайней мере, сразу. Доусон продолжал жить в доме Фереда, и Беття взяла на себя заботы о нем. Она была добросовестной хозяйкой, хотя было ясно, что она скучала по Фереду.

— Раньше мы никогда не разлучались, Сэфен. Это словно потерять его.

— Но он же вернется.

Бетя резко отвернулась.

— Вы не понимаете. Вы не знаете, что это значит... — она резко замолчала. — Это телевизор. Минутку...

Они находились в доме Фереда. Был поздний вечер. Доусон увидел, как вспыхнул экран телевизора, и на нем появилась фигура какого-то человека в форме.

— Бетя Дорн?

— Да.

— Когда я позвонил в ваш дом, автомат мне ответил, что я найду вас здесь. Я представитель Совета. Это вы присматриваете за человеком по имени Стивен Доусон?

— Он сейчас здесь, рядом со мной.

— Его снова просят приехать в Вашингтон. Совет стремится услышать его рассказ о прошлом. Он придет?

— Спросите его о Ферде, — сказал Доусон.

Очевидно, чиновник услышал его.

— Ферд Йолат был избран в члены Совета.

Сначала Бетя стояла совершенно неподвижно, затем ее рука взлетела к горлу.

— О, нет... — закричала она.

Доусон бросился к ней.

— А что произошло?

— Сегодня умер член совета Йохан Бурк, — сказал человек на экране. — Он уже довольно долго был болен. Вместо проведения выборов, Совет рассмотрел кандидатуру Ферда Йолата и признал его вполне достойным за достижения в теории, которую он представил Совету на рассмотрение. Поэтому он был экстренно назначен членом Совета.

Доусон обнял Бетю за плечи, поддерживая ее и не давая упасть.

— Вы приедете в Вашингтон, Стивен Доусон? Совет приглашает вас.

— Да, я приеду. Я тоже хочу встретиться с Советом!

ГЛАВА IV. Совет

БЕТЯ СО СЛЕЗАМИ на глазах поглядела на Доусона.

— Ферд никогда бы не согласился! Мы часто говорили об этом. Он сказал, что, если его изберут, то он откажется. Он любит меня.

Они сидели в управляемом роботом авиалайнере, летящем в Вашингтон. Лайнер принадлежал правительству и ждал их в аэропорту на следующее утро. Доусон был поражен слишком малень-

кими крыльями и скоростью, которую очень быстро набрал самолет. С такой скоростью нужно немного времени, чтобы добраться до Вашингтона.

— Мы увидим Фереда. Если они позволят нам.

— Они позволят.

Доусон кивнул. Совет должен быть уверен в себе. Но что на Земле могло так внезапно изменить намерение Фереда? Этого Доусон представить себе не мог.

— Хорошо, что вы поехали, — сказала Бетья.

— Да ладно. Все равно мне когда-нибудь придется встретиться с Советом.

— Мне спокойнее рядом с вами. Не так одиноко.

Доусон усмехнулся. Конечно, это и был мотив его решения. Ему нравилась как Бетья, так и Феред, и он понял, насколько беспомощным будет это дитя странно-декадентской культуры, оставшись одно. А, кроме того, ему было просто любопытно.

Выше самолета внезапно вспыхнула полоса света. Доусон кивнул в иллюминатор.

— Что это?

— Стратолет.

— Как быстро он движется.

— У него нет пропеллеров. Он питается от магнитных силовых линий Земли.

Так, значит, они научились использовать электромагнетизм на полную катушку? Доусон присвистнул. О, Боже! Но если человечество овладело этой силой, то почему ее не использовали для строительства космических кораблей? Еще одна загадка, над которой стоит поломать голову! Доусон расслабился, и осмотрел свою сломанную руку. Его немного тревожило неожиданно быстрое выздоровление. Тем более, что боли почти и не было. Металлическая рамка все еще фиксировала ее.

Самолет полетел быстрее. Местность внизу была восхитительна, хотя и немного изменилась по сравнению с тем, как помнил ее Доусон. Холмы, леса и равнины остались прежними. Великие горы тоже не изменились за шестьсот лет. Но города стали совершенно другими, красивыми и хрупкими, словно игрушечные домики.

И еще появилось много широких автомагистралей с несущимися автомобилями, а в воздухе было удивительное количество вертолетов. У людей стало много времени на развлечения. Возможно, у них стало слишком много времени...

НЬЮ-ЙОРК ОСТАЛСЯ нетронутым, и Доусон испытал смутное облегчение. Он обнаружил, что вспоминает огромный мегапо-

лис своей эпохи, когда Эмпайр-стейт исполинской громадой возносился в голубое небо, а снег хрустел под ногами на Таймс-сквере. И всегда с этими воспоминаниями была неразрывно связана Мэриэн, с ее выющимися каштановыми волосами и мягкими губами... Прочь эти мысли!

Доусон выпятил челюсть и поглядел вперед. А впереди уже был другой город.

— Вашингтон, — сказала Бетя.

Доусон тщетно искал купол Капитолия, но вместо большого города, который он помнил, он увидел парк с рядами небольших зданий, окружавших нечто, выглядевшее, как каменный куб. Башен и минаретов, как в других городах, здесь не было и в помине. Был только этот громадный куб из неокрашенного камня, возвышающийся над всеми остальными зданиями в Вашингтоне.

На его крыше был раскинут сад, пышный, с яркими цветами, а точно в центре находился большой эллиптический купол из серебристого металла. Доусона поразил этот контраст с остальными городами, похожими на эльфийские из книжек.

Пассажирам не было нужды прикасаться к элементам управления. После полета по радиолучу, самолет, управляемый роботом, снизил скорость и плавно пошел вниз. Они поравнялись с крышей большого белого куба. Затем куб возвысился над самолетом, когда они опустились еще ниже. Они снижались на небольшое свободное зеленое пространство.

Не было ни малейшего толчка, когда самолет приземлился, и дверь распахнулась. Снаружи стоял человек в аккуратной серой форме из какого-то легкого материала. Его вытянутое лицо было достаточно приятным, но на поясе Доусон увидел маленький легкий пистолет, похожий на игрушечный.

— Входите, — улыбнулся мужчина. — Вы, конечно же, Стивен Доусон. Совет готов принять вас. — Он указал взглядом на огромный куб. — Это недалеко. А вы... — Он вопросительно поглядел на Бетю, которая выходила из самолета.

— Я хочу увидеть Ферда Йолата.

— Нового члена Совета? Вы его родственница? Я должен спросить об этом. Как правило, Совет совершенно изолирован, но в подобных случаях иногда делается исключение. Идемте.

И он пошел вперед, показывая дорогу. Бетя инстинктивным, давно забытым жестом протянула Доусону руку, и он легонько пожал ее.

Не было необходимости ничего говорить.

В кубе оказалась маленькая арочная дверь, к которой они подошли.

Доусон был поражен величиной строения. Больше всего куб подходил на скалу, словно Доусон стоял у подножия большого каньона и, вытянув шею, глядел вверх.

— Идемте.

Дверь скользнула в сторону. Они вошли в коридор, окруженный каменными стенами. По коридору они прошли шагов двести, затем резко повернули налево за своим проводником и оказались в маленькой комнате, в которой не было ничего, за исключением пяти стульев, аккуратно расположенных в ряд.

— Садитесь, — весело сказал их проводник. — Я узнаю, хочет ли Совет увидеть вас, девушка. Вас зовут...

Беття назвала ему свое имя, и мужчина ушел. Они сели и сидели неподвижно, глядя на пустую стену.

Внезапно стена дрогнула и поползла в сторону. Она скользила плавно, совершенно беззвучно, и через пару секунд исчезла. Они увидели длинный коридор. В конце его тоже была каменная стена, совершенно безликая.

Не успел Доусон ничего сообразить, как стулья, на которых они сидели, заскользили вперед, будто на движущейся конвейерной ленте.

— Не волнуйтесь, — раздался словно со всех сторон тихий голос. — Вы входите в помещение Совета. Девушка Беття Дорн может увидеть Фереда Йолата, хотя обычно мы не общаемся с внешним миром.

Когда они подъехали к концу коридора, стена, в которую тот упирался, тоже скользнула в сторону. Стулья двинулись дальше и въехали в довольно большую комнату, которая была пуста, не считая длинной низкой скамьи, оказавшейся перед движущимися стульями.

На этой скамье сидело пять мужчин и одна женщина.

Доусон замер, сам не осознавая этого. Он глядел на пять неподвижных фигур, правивших Землей... Хотя, нет, он глядел на женщину. И при этом у него резко перехватило горло.

Он перестал дышать. Он уже и не думал, что снова увидит это лицо — кудрявые каштановые локоны и серые глаза под густыми бровями...

Доусон судорожно сглотнул. Это не Мэриэн. Она очень похожа, но не совсем.

Однако он все равно испытал потрясение, поняв, что лицо женщины так похоже на Мэриэн. Он всмотрелся в него более внимательно.

Женщина была маленькая, мягкая и хрупкая, слегка склонившая голову. Она казалась очень теплой в безрукавке, что была на ней. Ее глаза встретились с взглядом Доусона, и он почувствовал, как

по его позвоночнику прошел холодный, необъяснимый, пульсирующий шок. Он даже не мог сказать, почему.

Голос Бетьи вернул его к реальности.

— Феред!

Доусон огляделся. Остальные люди были обычными, двое седых, с гладкими, безбородыми лицами, двое примерно среднего возраста, а в самом конце их ряда сидел Феред.

На нем была такая же одежда без рукавов, как и на остальных.

— Да, Бетья? — сказал он.

ДЕВУШКА ПОГЛЯДЕЛА на остальных.

— Мне можно говорить?

— Конечно, — сказал один из старших мужчин. — Говори, что хочешь. Совет существует для того, чтобы помогать и руководить человечеством.

Успокоившись, Бетья снова поглядела на Фереду.

— Зачем ты это сделал? — спросила она неестественно ровным голосом. — Ты же говорил мне, что если будешь избран в Совет, то откажешься.

Доусон тоже ждал ответа. Но все равно был шокирован, когда услышал этот ответ.

— Возможно, я должен тебе все объяснить, — сказал Феред. — Наверное, это трудно понять, но я многое узнал за последние двадцать четыре длинных часа. Я рассказал Совету свою теорию, и они почти мгновенно развили ее даже дальше, чем я. Йохан Бурк умирал, и мне предложили его место.

— Но ты же говорил...

— Сначала я отказался. Но мне открыли много чего. Знания, которыми обладает только Совет, передаются от старых членов Совета к новым. И знания, которые открыли мне, показали, почему я должен пожертвовать своей жизнью ради человечества, вступив в Совет. Я уже сказал, что ты этого не поймешь, Бетья, но все же попытайся.

Девушка опустила голову, и Доусон испытал острую жалость к ней. Как Феред мог сидеть там неподвижно, в то время как Бетья пытается справиться со своими слезами, чтобы не разрыдаться на глазах у всех?

— Не думай, что это было легко, — продолжал Феред. — Я очень любил тебя. Я все еще тебя люблю. Но я научился быть более мудрым. Ради блага нынешнего и будущего человечества, я должен отказаться от тебя и от всего того, что было частью моей жизни.

Бетья вскинула голову и поглядела на Фереду.

– Нет, ты меня не любишь. Я это поняла по твоему тону. Что же так изменило тебя?

Совет сидел перед ними, как ряд каменных статуй.

– Меня изменили знания, – сказал Феред. – Теперь я понимаю, что раньше был просто ребенком. Я столькому научился... Вот почему никто никогда не отказывается служить своей расе, став членом Совета. Ты должна поверить, что у меня были на то причины, очень веские причины.

– А я...

– Ты должна забыть меня. Если хочешь, уезжай из Дасони. В помощь тебе будут предоставлены рабочие единицы. Просто считай меня мертвым и выйдешь за кого-нибудь другого, когда сможешь это сделать.

С губ Бетьи невольно сорвался жалкий вскрик. Но больше она ничего не сказала.

Она только продолжала смотреть на Фереду, вкладывая во взгляд всю свою душу.

Один из старших мужчин тронул руку Доусона.

– Вы Стивен Доусон?

– Да.

– Мы можем задать вам несколько вопросов?

– Вы очень любезны, – сказал Доусон, испытывая сильную неприязнь к этим шести неподвижным фигурам.

Они выглядели совершенно лишенными эмоций... И Феред стал одним из них.

Но его ирония, казалось, была потрачена впустую.

– Да, – сказал тогда Доусон и приготовился ждать.

– Не здесь. У нас есть машины-психографы и многое другое, что экономит массу труда и времени. При этом вы ничуть не пострадаете.

– Хорошо, – сказал Доусон.

– Руководство над вами примет...

– Подождите.

Это сказала женщина, член Совета. Она встала, взгляд его серых глаз был направлен на Доусона.

– Подождите. Я сама должна исследовать его.

– Ну, ладно.

Женщина подошла к Доусону, который поднялся ей навстречу.

– Я Лорена Сан, – представилась она. – Идемте.

И она направилась к стене, которая открылась перед ней, скользя в сторону. Доусон бросил на Бетью поддерживающий взгляд, но та даже не подняла глаз.

Тогда он последовал за Лореной Сан.

Она была совершенно отстраненной, холодной и безэмоциональной, но Доусон то и дело ловил себя на мысли, что думает о ней, как о Мэриэн. Однако когда они встречались взглядами, в ее глазах было лишь безразличие.

Хотя под этим безразличием Доусон чувствовал что-то еще — что-то очень неопределенное, какое-то странное, необъяснимое волнение.

Они переходили из лаборатории в лабораторию, где специалисты по психологии и другие ученые орудовали аппаратами, исследуя Доусона. Они изучали его физические параметры — кровяное давление, пульс, метаболизм. Они исследовали его психологию, используя любопытную форму тестов на слова-ассоци-

ации. Они буквально просверлили его и вывернули наизнанку.

Они просветили какими-то лучами его сломанную руку, чтобы, по их словам, ускорит процесс заживления. Лорена сама всегда держалась рядом с ним.

Доусон с тревогой ощущал ее присутствие. Потому что он притворялся. Какой-то импульс велел ему «сыграть опоссума» — то есть, притвориться глупым, что всегда разрушает любые подозрения. Доусон понятия не имел, по-

чему все время чувствует опасность, но все же ощущал ее близость. Играя глупца, он может заставить своих врагов недооценить его.

Своих врагов? Но были ли враждебными члены Совета? Пока все это было совершенно непонятно. Наконец, исследования были завершены, и он вернулся в помещение Совета. Бетьи уже не было в комнате. Лорена заняла свое место на скамейке рядом с остальными.

Потом заговорил один из старших мужчин.

— Стивен Доусон, — начал он, — вы здоровы телом и умом. Вы не приспособлены для работы выше тридцатого уровня, то есть для такой работы, которая требует концентрации и быстрого мышления. Остальное все открыто для вас.

Доусон подавил улыбку. Выходит, его уловка сработала.

— После того, как вы познакомитесь с нашей цивилизацией, вы можете выбрать, какую работу пожелаете, в определенных пределах. Но это будет непросто. У вас есть вопросы или просьбы?

— Я хотел бы на какое-то время вернуться в Дасони.

— Ладно. Девушка Бетья Дорн уже находится в автоматическом самолете. Вы присоединитесь к ней, и оба будете возвращены в Дасони. Там вы можете занять бывший дом Фереди Йолата. Вам будет назначен проводник для оказания помощи и инструктажа.

На этом все кончилось. Стул, на котором сидел Доусон, выехал из помещения, и стена задвинулась за ним, отрезая Совет.

ПОТОМ ДОУСОН опять оказался в маленькой каменной комнате. Внезапно, когда он уже хотел встать, дверь раскрылась и вошла Лорена Сан.

Доусон вскочил перед ней, и внезапно укол боли пронзил глубину его души. *Прах... Призрак...*

Лорена Сан остановилась в двух шагах от него.

— Вы знаете, почему я предложила сама проконтролировать ваше исследование? — спросила она тихим голосом.

— Нет.

— Потому что... — Она заколебалась. — Потому что, когда вы впервые взглядели на меня, в ваших глазах было что-то такое... Я даже не знаю, что именно. А что это было?

Доусон застыл. Это было все равно, что ощупывать рану.

— Наверное, удивление, — небрежно сказал он. — Вы очень милы.

В поведении женщины сквозила нерешительность.

— Нет. Это было нечто иное. И все же... — Она повернулась к двери. — Самолет вас ждет. Идемте. Не знаю, почему я это делаю. Вы не так глупы, как притворялись во время исследований, Сти-

вен Доусон. Нет! Я должна была рассказать остальным о вашем обмане...

— Я...

— Идемте.

Доусон повиновался. В коридоре он обернулся, чтобы еще раз коротко взглянуть на серые глаза на маленьком сердцевидном личике, окруженном завитыми каштановыми локонами. Губы Лорены чуть раскрылись. Она подняла руку...

И панель задвинулась. Тяжело дыша, с бухающим сердцем Доусон пошел по коридору к маленькому прямоугольнику дневного света, который он видел далеко впереди.

ГЛАВА V. *Восстание!*

ВРЕМЯ МЕДЛЕННО тянулось в Дасони. Здесь никогда не было никаких неожиданностей. Судя по всему, Доусону все давалось легко. Он поселился в бывшем доме Фереда и стал приспосабливаться к новой жизни. Но тревога не отпускала его. Он задавал бесчисленные вопросы своему наставнику, заботясь о том, чтобы не казаться умнее, чем в Капитолии.

Много времени он проводил с Беттей, машинально относясь покровительственно к девушке, и она цеплялась за него, возможно, чувствуя в нем силу, которая за последние века исчезла из всей человеческой расы. Постепенно, согласно определенному плану, Доусон начал приобретать репутацию бездельника.

Он проводил много дней и ночей, наслаждаясь различными развлечениями в Дасони, а таких здесь было много. Здесь разводили лошадей ради красоты скачек, а также возродили древнее искусство охоты. Доусон стал экспертом в искусстве соколиной охоты. Беття помогала ему в этом, поскольку в ее обязанность входило обслуживание вольеров, наполненных удивительным ассортиментным птиц, из них некоторые были знакомы Доусону — малиновки, цапли, голуби, — а другие совершенно новые, в том числе крошечный пингвин, популярный в качестве домашнего животного.

Беття дала ему сокола недавно выведенной породы, обученного долгим полетам, с некоторыми новыми чертами, которые Доусону показались интересными. Например, сокол мог петь, как канарейка. Доусон рассказывал Бетте о птицах своего времени, и, к ее удивлению, сообщил ей, что голуби когда-то использовались для передачи сообщений, а пеликаны для ловли рыбы, и много других интересных историй.

Доусону были открыты все удовольствия Дасони, и казалось, развлечения все множились. За всем этим он чувствовал определенные мотивы. Походило на то, что его словно одурманивали удовольствиями и наслаждениями, чтобы он постоянно был доволен и не начал бы размышлять. Но Доусон не был продуктом двадцать шестого века. Он был анахронизмом, и потому всегда был опасен.

Вечером, ужиная ночью в саду на крыше в отдельной стеклянной комнате, откуда открывалось отличное зрелище, объемный калейдоскоп радужных цветов и меняющихся геометрических узоров, Доусон внимательно разглядывал Бетью. На нем теперь была соответствующая здешнему веку одежда: шорты и безрукавка, также сандалии из гибкой кожи, и Доусон снова выглядел здоровым. Сломанная рука почти зажила.

— Вы явно хотите поговорить со мной, Бетя, — наконец, сказал он. — О чем именно?

ДЕВУШКА ОГЛЯДЕЛАСЬ и пристально уставилась на него.

— Я боялась поговорить с кем-то другим, но вы... Вы сильный, Сэфен. И не такой, как другие. Хотя я боюсь, что даже вы не сумеете мне помочь.

Доусон потянулся, демонстрируя свою худощавую, жесткую фигуру, загорелый и очень опасный. Бетя наблюдала за ним.

— Это вы о Ферде, не так ли?

— Да, — кивнула девушка. — Он не принадлежит Совету. Я... Я хочу, чтобы он вернулся, Сэфен.

— Но вы же разговаривали с ним.

— Это был не Ферд. Не тот Ферд, которого я знала.

Доусон прищурился.

— Правильно. И я не верю в его историю о какой-то тайной мудрости, которую Совет поведал ему, и которая изменила его характер.

И было кое-что еще, о чем Доусон не упомянул. Ферд не мог бы верить в глупость Доусона после тех разговоров, которые они вели друг с другом. Неужели юноша все забыл? Это смешно, разве что...

— Эти психографы... — сказал он. — А есть такие машины, которые могли бы изменить сознание человека?

Бетя нахмурилась.

— Я уже думала об этом. Я подозревала, что что-то случилось с Фердом, что изменило его психику...

— Уничтожило все его эмоции, да? Превратило его в холодную логическую машину?

— Вы можете мне спасти его, Сэфен? — прошептала девушка.

— Не знаю. Это будет очень трудно...

– Ты не похож на других мужчин.

Доусон знал, что это правда.

– Кажется, ваша раса приходит в упадок, – сказал он. – Шестьсот лет не такое уж длительное время для подобных изменений, но при надлежащем руководстве и специальном обучении это возможно. Развитие человеческой расы остановилось. И мне кажется, Совет поощряет это.

Он помолчал, затем продолжал.

– С вашим Советом что-то не так. Я не могу ткнуть пальцем и сказать, что именно, но все время чувствую это. Вы не можете это почувствовать, Бетъя, потому что вас, как и весь остальной мир, обучали по-другому. Но...

– Продолжайте!

Голубые глаза девушки широко раскрылись. Доусон повертел в руке свой стакан.

– Члены Совета кажутся мне какими-то безэмоциональными. А сам Капитолий – всего лишь простой каменный куб без всяких украшений. Это нелепо, если вспомнить, как прекрасны другие ваши города. И опять же, судя по всему, человечество вполне могло уже развить космические путешествия. Но этого даже не пробуют. Совет держит в своих руках всю науку. Но ведь это тоже форма деспотизма.

– Совет делает это для всеобщего блага.

– С виду, вроде бы, да. Но люди, которые принимают наркотики, тоже получают удовольствие, а потому не понимают, что творится что-то не то. Здесь люди, вроде бы, могут делать все, что захотят. Но что может угрожать власти Совета?

БЕТЬЯ НЕ ОТВЕТИЛА, и Доусон продолжал:

– Наука. Новые открытия, новое оружие. Люди вынуждены нести все новые идеи в Совет, не заботясь о том, чтобы самим разобраться в них до конца. Человечество находится под постоянной промывкой мозгов. Оно остановилось, как стадо овец на пастбище. Овцы могут быть благодарны пастуху за то, что он привел их на хорошую траву, но, в конце концов, они все равно превратятся в баранину.

– Совет правил пятьсот лет...

– Я не разбираюсь во всем этом. Например, эти избранные. Члены Совета выбираются из лучших людей. Но почему после этого их изолируют от мира? Члены Совета умны – даже чертовски умны. Но посмотри на Фереду. Он явно наступил Совету на ногу, но не получил при этом никаких проблем. Они просто сделали его жизнь легкой и дали ему все, чего он хотел. Возможно, это хорошая

идея: давать людям все, чего они хотят, чтобы они не причиняли впоследствии трудностей. — Он жестом указал на прекрасный город, расстилавшийся внизу. — Это красиво, но это застой. Из человечества каким-то образом была удалена всяческая инициатива. Остались лишь основные человеческие эмоции. Лично я считаю, что лучше всего было бы вылечить все человечество. Вытолкнуть его из наезженной колеи. Теперь ни у кого нет сил и уверенности в себе. Если что-то пойдет не так, просто бегите к Папе. К Папе-Совету. Папа все наладит и все исправит. И это тайна тайн.

— Я бы хотела уничтожить Совет, — внезапно выдохнула Бетья, и Доусон испуганно взглянул на нее.

— Вот как? Ну-у... Наверное, я ошибаюсь, и в людях еще осталось достаточно инициативы. Нужно упразднить Совет. Какое-то время люди окажутся беспомощными, затем научатся думать самостоятельно. Снова начнется прогресс. — Он подергал себя за мочку уха. — Я боюсь, Бетья. В Совете явно что-то происходит. Помните, что я сказал об овцах и баранине?

Наступила тишина. Наконец, Доусон пожал плечами.

— Я вел себя глупо. Это случалось раньше, когда я помог революции в Южной Америке, но тут нет параллели. Мне вовсе не нравится идея погружения в ступор вместе с остальной частью человеческой расы. Тем не менее, нельзя сражаться со всем миром, а Совет владеет всей наукой и всем оружием.

— Не всем, — сказала Бетья. — Документы Ферета... у меня остались их копии. Я пролила воду на оригинал и сделала для него новый экземпляр. А первоначальный все еще у меня. — Бетья схватила Доусона за руку. — Разве вы не можете что-то сделать, Сэфен? Я помогу вам всем, чем смогу. Я хочу, чтобы Ферет вернулся ко мне, даже если для этого нужно уничтожить Совет!

Бетья оказалась такой же, как и все женщины. Цивилизация, весь мир ничего не значил по сравнению с тем, чтобы заполучить мужчину, которого она хотела. И все же... Может, это не такая уж плохая идея? В душе Доусона поднялась целая буря.

— Это не так фантастично, как я подумал сначала, — медленно сказал он. — Совет не ожидает нападения. Внезапный государственный переворот может стать успешным. Нужно захватить их врасплох прежде, чем они сумеют использовать защиту... О, Господи! Это же наверняка потрясет все человечество и выведет его из ступора...

Глаза Доусона загорелись.

— Я кое-что понимаю в теории Ферета... — сказала Бетья.

— Он тоже мне кое-что рассказал. Принцип вибрации. Если мы сумеем тайно создать это оружие и найти помощников, то воз-

можно все. — Доусон усмехнулся. — А пока что нужно начать с плана действий...

ТАК БЫЛО положено начало. В последующие дни пара заговорщиков работала быстро и в тайне. Доусону помогал созданный им имидж бездумного охотника. К тому же он напоказ продолжал безрассудные поиски развлечений и был осторожен, каждый день проводя какое-то время со своим наставником, который, по его мнению, мог поддерживать связь с Советом. Но у них с Бетьей все равно оставалось еще много свободного времени для совместной работы.

Это было удивительно легко, если принимать определенные меры предосторожности. Человечество забыло о всяческих заговорах. Власти давно уже не нужно было защищаться. И, неизбежно, они нашли помощников. Бетья искала их, а Доусон, полагаясь больше на свою силу воли, чем на аргументы, делал из них своих сторонников. В самой природе нынешней цивилизации люди сами тянулись к сильным людям, видя в них руководителей.

Несколько человек — это все, что требовалось Доусону. В большой группе может оказаться предатель. Но среди новых приверженцев было несколько ученых, в которых нуждался Доусон.

Однако когда эти ученые утыкались в тупик, то всегда бежали к Доусону за помощью. Но постепенно он начал прививать им некое подобие уверенности в себе, используя элементарную психологию и позволяя им самим закончить свою работу. Было любопытно наблюдать за гордостью и удовлетворением этих людей, которое они ощущали по завершении своих задач.

Иногда Доусон думал о том, зачем он вообще делает это. Ему нравились Бетья и Феред, он хотелось помочь им. Но, кроме того, он ощущал в самом существовании Совета смертельную опасность для себя. Как бы он ни пытался, он никак не мог разгадать непроницаемую тайну, окружающую Совет. Тем не менее, он с определенной уверенностью знал, что человеческая раса была скованна шелковистыми, но, возможно, нерушимыми оковами, ведущими ее к упадку и гибели.

Вот только зачем?

Этого ему никто не мог сказать. Никто. И как могла тирания, основанная на выборности, сохранять себя? Это было против всех принципов политической логики, поскольку здешние выборы, насколько мог понять Доусон, были совершенно справедливыми и свободными от коррупции. Единственным решением стало изменение психики и характера человека после вступления в Совет

при помощи каких-то устройств. Но, тем не менее, это многого не объясняло.

Теперь, когда рука его была полностью исцелена, Доусон работал с молниеносной поспешностью, наблюдая, как сторонники приумножаются и развиваются под его управлением. Бетья тоже сильно изменилась. Ее подбородок стал тверже, голубые глаза глядели прямо и спокойно, голос стал оживленнее. Она возвращала себе наследие человеческой расы — а вслед за ней и другие.

Но поначалу было трудно. Документы Фереда указывали направление, но людям было трудно возродить в себе инстинкт исследования. Доусону приходилось самому показывать им каждый шаг. Он вел, а остальные действовали эффективно, как только понимали, что нужно делать.

— Как эти лучи влияют на молекулярную структуру? — спросил он у одного ученого.

— Они могут вызвать стасис.

— Блокировать любые движения? Вы хотите сказать, что они могут превратить людей в статуи?

— Я не думал об этом, но, конечно, вы правы, Доусон. Да. Молекулярное движение будет остановлено с тем же эффектом, что и при температуре абсолютного нуля, и всячески движение прекратится. Да, люди могут быть парализованным.

— Проработайте все это. До мельчайших деталей!

Ученые могли работать, как только Доусон отдавал им приказы. Теория постепенно превратилась в практику и была воплощена в материальный трехмерный лучевой проектор. По принципу несущей балки, проектор был способен передавать вибрацию на расстоянии до полукилометра, мгновенно останавливая все, что угодно, на своем пути. Охват лучей можно было сделать широким или узким, и, при необходимости, ими можно было бы охватить весь огромный куб здания Капитолия.

Заговорщики встречались в пустынном здании на окраине Дасони. Оно не походило на привычный Доусону склад и являлось просто куполом из пластика, окрашенным в мягкие синие и зеленые цвета. Вероятность того, что их раскроют, было очень мала, но Доусон все равно принимал все возможные меры предосторожности, в том числе отправлял на улицу охранников. Группа встречалась тайно, всегда в разное время, чтобы не возбуждать никаких подозрений.

В итоге были подготовлены два самолета, один из которых оснастили лучевым проектором. Он должен был зависнуть над Капитолием, держа здание в пучке лучей, а другой самолет, с коман-

дой в защитных костюмах, должен приземлиться, чтобы захватить власть.

— Нет необходимости никого убивать, — сказал Доусон. — Мы возьмем членов Совета под арест. Если в их сознании что-то не так, то мы должны вылечить их.

Беття кивнула, но в ее голубых глазах появилась какая-то безжалостность. Ей был нужен Феред, остальные ее не заботили.

В последний момент Доусон почувствовал приступ раскаяния. В конце концов, он был чужаком в этом мире. Имел ли он право изменять его, не разобравшись до конца в ситуации? Для таких мыслей было уже поздно, но все же Доусон решился на смелый шаг.

— Я еду в Вашингтон, — сказал он группе заговорщиков, когда они собрались однажды вечером в пустынном складе. — Я хочу задать Совету вопросы и, может быть, выдвинуть ультиматум.

БЕТТЯ НАЧАЛА возражать, но Доусон был непреклонен.

Это был слишком большой гаечный ключ, который обезьяна собралась бросить в сложный механизм мироустройства, и Доусон хотел быть совершенно уверенным в необходимости этого, прежде чем все разрушит. О, Боже! Он и не думал, что это будет так легко. Эта легкость была результатом вытравления из человеческой расы боевого духа...

— Все готово к атаке. Атака должна произойти завтра ровно в полдень. Помните мои инструкции. Летите на большой высоте, пока не доберетесь до Вашингтона, затем включите лучи и действуйте. Подготовленная группа в защитных костюмах войдет в Капитолий и захватит Совет. Не отключайте лучи, пока не будете уверены в безопасности.

— А как насчет вас? — спросил кто-то. — Вы же будете в этом здании.

— Но лучи ведь не убивают, а просто парализуют. Я застыну вместе с остальными, а потом вы приведете меня в себя. И тогда мы сможем узнать правду о Совете. Не забывайте следить за тем, чтобы ваши видеофоны были включены. Если я не позвоню из Вашингтона до полудня, атакуйте.

Он позволил себе скользнуть взглядом по ряду лиц. Лица изменились, теперь это было явственно видно после недель опеки над этими людьми. В них уже не проступала обычная мягкость. Доусон мрачно улыбнулся, поднял руку в здешнем прощальном жесте и сказал:

— Счастливой посадки!

Он вышел, Беття за ним. Но в тени Доусон остановил ее.

— Я оставляю тебя здесь. Помни, ты останешься в Дасони.

— Но я не хочу...

Доусон пристально поглядел в глаза девушке.

— Ты останешься. Ты меня слышала?

— Да. Конечно, вам лучше знать. Но вы ведь вернете Фереда, Сэфен?

Доусон кивнул, легонько пожал Бетье руку, отвернулся и быстро направился к аэропорту. Внутри него все было напряжено. Завтра к полудню тайна Совета будет раскрыта!

ГЛАВА VI. Катастрофа

ДОУСОН ХОРОШО рассчитал свое прибытие. Он не сразу отправился в Вашингтон, а сначала полетел в Нью-Йорк. Город изменился неузнаваемо. Лес небоскребов уступил место возвышающимся изящным шпилям, поднимающимся из лабиринта куполов, кривых и арок. Все сооружения были освещены светом, исходящим из пластиковой структуры самого города.

Однако очертания самого острова не изменились. Доусон узнал Гудзон, Ист-Ривер, реку Гарлем, но теперь их окружали парки, и они больше не были грязными потоками, какие он помнил. К ним протянулись мосты, тонкие арки которых казались слишком легкими, чтобы поддерживать собственный вес. Но огромная прочность современных материалов делала их совершенно безопасными.

Нью-Йорк был буйством цветов. Неизменными оставались лишь традиционные названия. Гринвич-Виллидж, Таймс-сквер, Централ-парк — все это исчезло. Доусон почувствовал ужасное одиночество, пока парил над городом, и на секунду ему безумно захотелось направить самолет вниз и разбиться.

Это желание тут же прошло, и он продолжал кружить, иногда замирая на месте над городом, чтобы рассмотреть что-нибудь в ярком лунном свете. И он снова был поражен утопическим спокойствием этого мира. Хотя бы знал, что это спокойствие лежит лишь на поверхности. А над всем протянулась таинственная тень Совета.

Проходили часы. Доусон приземлил самолет в бывшей долине реки Аллегейни, вышел, попил из ручейка, бегущего в траве. Потом прошелся, чувствуя, как розовая трава нежно гладит его голые лодыжки.

Он остановился, набрал полную горсть земли и чувствовал, как она высыпается между пальцами. Земля не изменилось. Но людей, которые жили на ней, уже не было. Они умерли, обернулись в прах и были забыты. Как забыта была Мэриэнн, и все остальные, кроме него.

Странно, что он уже не мог вспомнить прекрасный Нью-Йорк будущего, который только что видел. Он не мог представить себе его образ. Вместо этого он вспомнил озерцо в Централ-парке, лежащее в сумерках, с окружающими парк небоскребами, и лицо девушки, поднятое к небу, пока она любовалась закатом. Борясь с безнадежной тоской, Доусон упал на траву и уткнулся лицом в руки.

СОЛНЦЕ СТОЯЛО уже высоко, когда Стивен Доусон добрался до Вашингтона. Он посадил самолет на зеленую площадку, которую помнил по прошлому разу, и вышел, глядя на большой каменный куб Капитолия. Лицо его было мрачным и суровым.

Главная проблема заключалась в том, какие вопросы задать Совету. Легко сказать: спросить об окружающей Совет тайне. Но, в конце концов, какая именно тайна? Все неясно и зыбко. Здесь диссонанс, там подозрение, но в целом все выглядит убедительно. Доусон понимал, что ответ может быть очень прост. И это было самым зловещим из всего. Потому что он был совершенно уверен, что в этом мире что-то ужасающе *не так*.

Навстречу ему вышел уже знакомый проводник.

— Вас не вызывали... А, это вы, Стивен Доусон!

— Передайте Совету, что я прошу аудиенции, — сказал Доусон.

Человек в форме пожал плечами.

— Это беспрецедентно. Исключение было сделано лишь когда вы впервые приехали сюда, Доусон. Но я спрошу. Идите.

Прошло немного времени, и Доусон оказался перед Советом. Панель закрылась за его спиной.

Здесь ничего не изменилось. Пять мужчин и женщина — Лорена Сан — сидели на низкой скамье, лицом к нему. Доусон невольно почувствовал, как что-то сжалось в его груди, когда увидел личико в форме сердечка и холодные серые глаза.

Выражение лица было таким же бесстрастным.

— Чем мы можем помочь вам, Стивен Доусон? — сказал один из старших мужчин.

— Я бы хотел задать несколько вопросов.

Наступила тишина.

— Мы согласились встретиться с вами по просьбе Лорены Сан, — после продолжительного молчания сказал мужчина. — Но мы служим всему миру, и у нас нет свободного времени. Вы должны быть кратким.

Доусон кивнул, скосив глаза на свой хронометр. Потом поднял взгляд как раз вовремя, чтобы встретиться с глазами Лорены. По его нервам пробежала волна беспокойства. Было что-то зловещее в этой пустой, аскетичной комнате.

— Вам не нужно отвечать, — сказал он. — Я бы на вашем месте не отвечал.

— Почему мы не должны отвечать на ваши вопросы?

— А почему вы должны? Вас что, волнует один человек, когда вы правите всем миром?

— Мы не правим. Мы администрируем. И каждый человек на Земле заслуживает счастья.

Доусон позволил себе пробежать взглядом по ряду жестких, бесстрастных лиц. Затем остановился на лице Ферета.

— Во-первых, вы действительно изменили разум и личность Ферета Йолата?

— Вы имеете в виду, механическими средствами, не так ли? Нет. Ему дали определенные знания, которые не дают обычным людям. Благодаря этим новым знаниям изменилось его отношение к жизни.

— Это правда, — тихо сказал Ферет, голос его был совершенно спокойным.

Что-то привлекло внимание Доусона к прекрасному лицу Лорены. В нем он ощутил недоумение и тень какой-то странной насмешки. А вообще, ему казалось, что он стоит перед шестью слепыми масками, загадочными и бесстрастными.

— Поэтому члены Совета настолько отличаются от других людей?

— Мы не можем участвовать в обычной жизни и управлять ею одновременно.

Доусон сделал широкий жест.

— Эта комната... весь Капитолий... Да вы же просто аскеты. Это потому, что красота больше ничего не значит для вас? Или потому, что вы не хотите вызывать зависть?

— Возможно, это потому, что теперь у нас другая концепция красоты, — сказала Лорена Сан. — Что же касается зависти, зачем кому-то завидовать нам? На Земле нет ни единого мужчины или женщины, которому запрещено становиться членом Совета.

И это, конечно, было правдой. Уж этот проклятый электорат! Это было самое слабое звено цепочки доказательств Доусона.

— Человечество сильно изменилось с моего времени, — мрачно продолжал он. — Мне кажется, что вы, Совет, полностью потеряли с ним связь. Человечество приходит в упадок.

Лицо Лорены стало еще серьезней.

— Нет, вы не правы. Физически и психически человек почти совершенен.

— Но он потерял инициативу.

Внезапно Доусон почувствовал необъяснимое напряжение в воздухе. Но шесть лиц перед ним ничуть не изменились. Молчание нарушила Лорена.

— Для вас, человека двадцатого века, инициатива должна казаться очень важным качеством, — хладнокровно сказала она. — Но это приобретенная черта. Человек потерял свой хвост и зубы мудрости, когда они стали больше не нужны. Начиная с первобытных времен, действовал закон выживания наиболее приспособленных. Человек был существом гедонистическим. Самосохранение и сохранение вида — это великие движущие инстинкты. Если у кого-то была инициатива, которая, по сути, является формой эгоизма, тот просто не выжил. Вы согласны?

ДОУСОН БЫЛ вынужден кивнуть.

— Итак, нынче у нас почти идеальное управление, социальное и политическое. Шесть лучших человек жертвуют собой, как сказали бы вы, во имя служения расе. В этих шестерых очень развиты все необходимые черты. Остальное человечество в них больше не нуждается. Уже нет борьбы за выживание. Нет никаких преступлений, нет ревности, жадности... Счастье является прерогативой каждого. Таким образом, инициатива стала ненужной и исчезла в человечестве. В свое время таким бесполезным органом был аппендикс, и многие умерли из-за него. Если бы сегодня существовала инициатива...

Она не закончила. В этом не было необходимости. Параллель и так было очевидно. И все это было невероятно убедительно.

Тогда Дусон перешел к следующей теме.

— Почему так и не были развиты космические путешествия?

— Мы не нуждаемся в них для нашего счастья.

— У вас не ведется никаких исследований. Вы находитесь в состоянии стагнации. Никто из вас уже не может ощутить трепет, когда человек проникает туда, куда еще не ступала его нога — в глубины океана, на вершину гималайского пика или в космос.

— Это была просто компенсация, — твердо заявила Лорена, — результат психического дисбаланса, комплекс неполноценности. Сегодня не требуется самовосхваление. Человечество здорово как физически, так и психически.

Дусон заморгал, чувствуя себя насекомым под микроскопом.

— Конечно, — сказал он, — так можно рационализировать все что угодно. Любовь всего лишь дисбаланс работы желез...

Губы женщины чуть приоткрылись.

— Любовь... — нахмурившись, пробормотала она.

— Возможно, это одна из тех вещей, которые вы забыли, когда присоединились к Совету. Но это первичный импульс, как и инициатива. А что случилось с самосохранением?

— Сегодня оно не нужно.

— Вот человек и выродился, — возразил Доусон. — Человеческая раса — это раса бойцов, и всегда была ею. Вы не можете вырезать наследие, восходящее еще к юрскому периоду, не вызвав слабости в человечестве. В нынешних людях чего-то не хватает...

— Что вы хотите? — внезапно спросила Лорена.

Теперь, когда Доусон стоял лицом к Совету, им овладела критическо-ироническая бесшабашность от собственной смелости.

— Я хочу, чтобы вы отрелись от этой должности по собственной воле.

Наступила тишина. И это поразило Доусона. Ему показалось странным, что никто не рассмеялся.

Ни слова не говоря, Лорена встала и вышла через панель, открывшуюся при ее приближении.

— Вы просите нас откинуть человечество на пятьсот лет назад и заставить его вести тот образ жизни, для которого оно больше не подходит? — сказал один из старших мужчин.

О, ГОСПОДИ! Неужели эта фантастическая группа серьезно рассматривает его требования? Доусон почувствовал удивление, постепенно переходящее в недоумение.

— Человечество может приспособиться, — сказал он. — Оно может вернуть себе инициативу.

— И многие умрут. Не для этого целых пятьсот лет велись наши работы. Мы вынуждены ответить вам отказом. И, для вашей же собственной безопасности, мы вынуждены поставить вас под наблюдение, пока вы не достигнете счастья. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам.

— Мне не нужно никаких наркотиков, — огрызнулся Доусон.

Затем он увидел, что Лорена возвращается. Она молча заняла свое место на скамейке, не спуская с него какого-то странного взгляда.

— Вы должны понять нашу ситуацию, — продолжал старший член Совета. — Вы фальшивая нота в нашем мире. Много лет не возникало никаких проблем. Мы хотим вылечить вас.

Доусон снова скосил глаза на свой хронометр.

— Это ваше последнее слово?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду ультиматум. Даю вам тридцать секунд, чтобы передумать.

Мужчина начал было что-то говорить, но Лорена подняла руку, перебив его. Она глядела на Доусона, и он снова почувствовал в ее серых глазах какое-то утонченное издевательство. Но она ничего не сказала.

Наступила тишина, наполнившая комнату, точно вода, неподвижная и гнетущая. Доусон почувствовал, как мимо скользят секунды. Скоро наступит полдень – крайний срок. И самолеты начнут атаку.

Он сел и стал ждать.

Не было ни единого звука. Глаза Совета были бесстрастным, непостижимыми. Казалось, все они повторяли взгляд Лорены.

И ТО, ЧЕГО ждал Доусон, случилось внезапно, без предупреждения.

По каждой клеточке его тела пронесся покалывающий шок. Доусону показалось, что из него внезапно вышла вся жизнь. Прекратилось движение воздуха через ноздри. Он перестал дышать.

Ничто другое не изменилось. Совет сидел неподвижно. Они были парализованы лучами, залившими здание Капитолия. Молекулярное движение было остановлено.

Это походило на паралич.

Доусон попытался шевельнуться и обнаружил, что не может. Он попытался отвести взгляд от лица Лорены, и это тоже оказалось невозможно. Он не знал, сколько прошло времени. Он мог лишь беспомощно сидеть, понимая, что то же самое, должно быть, произошло со всеми, кто находился в радиусе вибрационных лучей.

Он почувствовал торжество. Начался государственный переворот и, в скором времени, будет нанесен заключительный удар!

Затем ему показалось, что он слышит приближающиеся шаги... Нет, это была иллюзия. Его органы чувств больше не работали. Он онемел, оглох, хотя и не ослеп. Или, возможно, его мозг просто сохранил последнее впечатление, которое посылали ему зрительные нервы.

Доусон мысленно представил себе, что происходит наверху. Один из самолетов приземляется на крышу куба, из него выскакивают люди в защитных костюмах. Они должны найти путь сюда, разоружить и захватить Совет, хотя никакого оружия не было видно у этих, очень легко одетых тел. Тогда лучи будут отключены...

Внезапно паралич исчез. Доусон не сразу понял это. А когда понял, то встал. Все тело покалывало. Однако никто из членов Совета не двинулся. Доусон почувствовал беспокойство, какое-то приближение опасности.

Внезапно откуда-то из пустоты быстро заговорил голос, пользуясь аудио-стенографией. Доусон не мог его понять. Он огляделся, ища группу в защитных костюмах, которые уже должны быть здесь.

Наконец, голос замолчал.

– Атакующие самолеты были уничтожены, Стивен Доусон, – очень спокойно и просто сказала Лорена.

Потрясенный, Доусон не сразу понял смысл этих слов. Он уставился на нее и не увидел никаких эмоций в правильных чертах маленького личика и в глубине серых глаз.

— Садитесь, — сказала она.

Доусон повиновался, весь напряженный, чувствуя себя оказавшимся в ловушке, совершенно беспомощным.

— Вы ошибались, недооценивая ум Совета, — продолжала Лорена. — Когда вы потребовали нашей отставки, я сразу же поняла, что у вас есть какое-то оружие, потому что вы далеко не дурак, чтобы там ни говорили психографы. Я вышла из комнаты, чтобы включить автоматику. Когда ваши лучи окатили Капитолий и парализовали всех находящихся в нем, автоматические пушки отправили воздушные торпеды, которых притягивало электромагнитное оборудование в ваших самолетах. Самолеты были уничтожены, и лучи прекратили свое действие.

— Люди... Мои люди... — пересохшим горлом прохрипел Доусон.

— Все мертвы. И теперь у нас есть к вам вопросы.

— Вопросы! — горько рассмеялся Доусон. — Да просто поставьте меня к стенке.

— Я не понимаю, — сказала Лорена.

— Поставьте меня перед строем солдат, расстреляйте. Но такого ведь не практикуется в вашем прекрасном мире?

— Да, такого больше не существует, — сказала Лорена. — вы фальшивая нота в нашем мире, но любую фальшивую ноту можно правильно настроить. Вас снова доставят в лабораторию и повторно протестируют. Разумеется, кое-что будет сделано. Но не убьют.

Не ошибся ли Доусон, думая, что по Совету прошла волна удивления — не миновав даже Ферета? Он не был уверен. Однако Лорена продолжала говорить.

— Но сначала объясните свои мотивы, — потребовала она.

Доусон взглянул на Ферета. Он вспомнил Бетью, оставшуюся в Дасони, которая до сих пор ждала результатов неудавшегося нападения. Во что бы то ни стало, он должен защитить ее, так как знал, что даже Ферет не будет милосердным к девушке, если Доусон расскажет об ее роли в заговоре. Убивать ее не станут, но изменения психики, практикующиеся Советом, более смертоносны, чем отравленные клыки.

Доусон сел, с угрюмым видом, скрестив руки на груди.

— Ладно. Это не мой мир. Я родом оттуда, где люди постоянно боролись. Мне всегда приходилось бороться за то, чего я хотел достичь.

— Здесь в этом нет необходимости.

Доусон усмехнулся.

— Вот как? Значит, вы не знаете, что такое сила жизни и смерти! Да, черт побери, конечно же, не знаете!

— Мы служим, — просто сказала Лорена.

— И что с того? Я всегда хотел быть лучшей собакой. Но в свое время у меня не было ни малейших шансов. Когда я увидел вашу расу слабаков, то подумал, что могу одним махом стать правителем всего мира.

Доусон пытался заставить Совет поверить ему. И постепенно почувствовал, что преуспел в этом.

— Можете называть это психическим дисбалансом, — сердито сказал он. — Или комплексом неполноценности. Но я не из тех овец, которыми вы правите.

— Кто были вашими помощниками?

Доусон откровенно назвал их имена, перечислив только тех, кто погиб во время уничтожения самолетов.

— И других нет?

— Нет. Я не думал, что мне потребовалось бы армия.

— Даже с армией вы не смогли бы покорить Капитолий, — сказала ему Лорена. — Ладно. Сейчас вы пройдете лабораторные тесты...

— И вы оставите меня в живых?

Несмотря на все усилия, в вопросе Доусона послышалось изумление.

— У нас не должно быть никаких раздоров. Весь мир знает о вас, о том, что вы пришли из прошлого. Если вы внезапно умрете, многие начнут задавать вопросы, и их счастье окажется под угрозой. Но пока что мы не можем позволить вам общаться с другими. Вы останетесь здесь в качестве нашего гостя, без связи с внешним миром, до тех пор, пока не закончится ваше психическое лечение. Тогда вас освободят.

Доусон вздрогнул. В этих словах ему почудилась угроза. Психическое лечение... Он не боялся пушек, кулаков или лучей смерти, но боялся неизвестных сил этого мира. Глядя на пустое, ничего не выражающее лицо Ферета, он вспомнил, как изменился этот молодой человек.

«Гость» Совета! А что, если он тоже изменится?

ГЛАВА VII. *Опасный пленник*

И ДЛЯ ДОУСОНА началось странное время.

Ему не причиняли никакого вреда, все было сделано для того, чтобы он чувствовал себя комфортно. Но он был заключенным в огромном кубе Капитолия, откуда ему не разрешалось выходить.

Однако ему не запрещали бывать на свежем воздухе, поэтому для него был открыт сад на крыше.

Внутри Капитолия ему запрещалось ходить только в частные помещения членов Совета, это запрещение строго соблюдалось для всех, согласно ему, ни один человек никогда не должен был вступать туда. Эти частные помещения были заперты специальными устройствами, от которых только члены Совета имели ключи — крошечные электронные устройства, которые они всегда носили при себе. Доусон не раз размышлял о том, что же лежит за этими вечно охраняемыми дверями.

Ему выделили, можно сказать, роскошные апартаменты высоко, под самым куполом. С первого взгляда казалось, что окон здесь не было, но нажатие определенной кнопки делало часть стены прозрачной, как стекло, так что Доусон видел простирающуюся на много километров зеленую местность. Иногда взлетал или прибывал самолет. Это был его единственный контакт с внешним миром, за исключением одностороннего телевизора, через который у него не было возможности делать звонки.

В Капитолии работали, вероятно, тысячи мужчин и женщин. Они обучали ученых экспертов, которые проводились там по несколько месяцев каждый год. В остальном они были свободны идти, куда хотели. Но всем правил Совет. Охраны не было, не считая номинальных охранников, вооруженных парализующими игольниками. Доусон увидел почти все, что он хотел. Он бродил по Капитолию с открытыми глазами, пытаясь осознать все, что видел. Он был свободный, но одновременно заключенный.

Он увидел много проявлений странных наук и огромные библиотеки, где хранились тайны веков. *Если бы эти знания могли быть открыты всему миру, подумал он, наступила бы новая эра. Барьеры пали бы, и перед человечеством распахнулось бы бесчисленное множество путей для исследований. Люди опять с научным рвением погрузились бы в тайны природы. Они проникали бы глубоко под землю и в пучины морей, летали к другим планетам — возможно, даже за пределы Солнечной системы. Если бы только я мог открыть человечеству эти тайные знания!*

Тайны были повсюду вокруг него. Но Доусон многого не понимал. Почему, например, Совет до сих пор не проводит обещанное психическое лечение? Казалось, они вообще забыли о существовании Доусона.

Но нет, не все. К нему все чаще и чаще присоединялась Лорена Сан. Доусон многому научился у нее, хотя вечно чувствовал, что она старательно держит язык за зубами. Лорена проводила с Доусоном много времени. Она не могла понять, почему он любит гулять

по саду на крыше, под открытым небом, хотя частенько присоединялась к нему, и они беседовали. Но Доусон так ни разу и не нащупал с ней настоящий контакт.

СТРАННО, НО со временем Доусон обнаружил, что все реже вспоминает Мэриэн. И еще он чувствовал, что постепенно меняются в его воспоминаниях знакомые черты ее лица. Всякий раз, когда он пытался вспомнить лицо Мэриэн, то вместо него видел лицо Лорены. Сначала он чувствовал от этого горечь, но вскоре понял бесполезность своих прежних воспоминаний. *Кроме того, — говорил себе Доусон, возможно, не совсем честно, — чем больше я общаюсь с Лореной, тем больше могу научиться у нее. И эта информация может пригодиться — когда-нибудь.*

Но придет ли такой день? Время скользило мимо, лениво, неторопливо, и Доусон постепенно погрузился в беспорядочное безделье.

Было так легко получить все желаемое, если забыть о существовании внешнего мира.

И лишь одно не позволяло ему окончательно забыть о нем. Это был Феред. Каждый раз, увидев Фереда, он вспоминал Бетью и все остальное.

Поэтому он продолжал гулять с Лореной по пылающему красками, экзотическому саду, находящемуся высоко над землей, овеваемому прохладными ветрами, и узнавал от нее все больше и больше...

— Как возник Совет?

Они сидели возле огромного серебристого купола сто метров в диаметре, вздымавшегося из центра крыши. Сидели на склоне лужайки под магнолией, вокруг были цветы, и тяжелый их аромат бил в ноздри. Доусон почти что представлял себя, сидящего здесь шесть веков спустя.

— Как возник Совет? Ну, с течением эволюции цивилизации. Согласно истории, в тысяча девятьсот девяностых годах произошла мировая война, которая оставила Землю опустошенной. Тогда поднялись ученые и инженеры и приняли на себя командование в различных странах, а потом, в конечном итоге, объединили свои силы. Они и дали начало Совету.

— Понятно. А как вы? Как вы присоединились к Совету, Лорена?

Она отвела взгляд.

— Не будем говорить об этом. Теперь это не имеет значения. Лучше скажите мне, вы счастливы здесь, Стивен Доусон?

Он поглядел на ее опрокинутый профиль, и вся ностальгия по утраченной Земле вспыхнула в нем с новой силой.

— Счастлив? Я...

Затем он обнял ее. Это не Лорену Сан он держал в своих объятиях. Он обнимал свой собственный мир, все, что он потерял, все, что навечно превратилось в прах. Но когда его губы встретились с ней...

Нет, вовсе не прах поцеловал он!

Наконец, он отстранился, глядя на нее. Лорена подняла руку странным, беспомощным жестом.

— Стивен... Я... Я боюсь.

— Почему? — тихонько спросил он. — Неужели Совету запрещена любовь?

— Любовь? — повторила она, и в ее голосе Доусон ощутил странный, необъяснимый шок.

Он пристально поглядел на нее. Было похоже, словно она прежде никогда не слышала этого слова или забыла о нем.

Она кивнула.

— Я так много забыла, а, может, многого и не знала. Когда я впервые увидела вас, Стивен, то что-то почувствовала... — Она заколебалась. — Нет, я не знаю, не знаю! Наш мир, наши планы...

— Ваши планы? — подхватил Доусон. — Что вы имеете в виду?

Она заколебалась, но взгляд ее предательски устремился к серебристому эллипсу купола. Доусон кивнул в его сторону.

— Там лежит ваша тайна?

Лорена встретила с ним взглядом и медленно кивнула.

Значит, все же была тайна! Доусон ощутил, как бешено колотится его сердце. Затем оно замерло, когда он увидел горе и боль на лице девушки. Он невольно протянул руку, чтобы дотронуться до нее.

— Вы хотите пойти туда? — спросила она. — Под купол?

— Да.

Лорену начала трясти какая-то странная дрожь. Она наклонилась вперед.

— Тогда слушайте внимательно. Если я возьму вас под купол, это будет означать, что вы никогда не покинете Капитолий. Есть секреты, которые нельзя разглашать.

— А так я когда-нибудь смогу уйти? — тихо спросил Доусон.

— Да, сможете. Но только после того, как психомашина удалит всю память из вашего мозга и сделает вас безвредным. А теперь... Ну, я не думаю, что Совет будет доверять даже психомашине после того, как вы побываете под куполом. Тогда вы будете вынуждены остаться здесь навсегда.

НА МАГНОЛИИ, под которой они сидели, начали распускаться цветы. Доусон очень долго глядел на девушку.

— Сделка принята, — сбивчивым голосом сказал он. — Очень хорошо.

Лорена начала подниматься.

— Подождите, — сказал он и снова поцеловал ее.

Ее губы были нежными, словно воспоминания. Буквально рядом с ними распустился алый цветок, Доусон сорвал его и воткнул в завивающиеся каштановые волосы.

Лорена улыбнулась ему, затем поднялась и повела его к ограде, ведущей вниз с огороженной крыши.

Внизу они пошли по извивающемуся каменному коридору, пока не наткнулись на пустую стену. Откуда-то из своей одежды Лорена достала крошечную металлическую коробочку и прижала ее гладкой стене.

Тут же раздвинулась панель. Сначала Доусон не мог понять, на что он смотрит. Перед ними тянулась какая-то длинная, выпуклая металлическая стена, похожая на корпус океанского лайнера.

Лорена перетаскала его через порог, и стена закрылась за ними. Только теперь Доусон понял, что видит космический корабль.

Он вспомнил серебряный эллипс купола на крыше. Должно быть, это была верхняя часть корабля. А нижняя часть скрыта в этой секретной комнате, так что лишь нос корабля был виден сверху. Умный трюк — старая идея со «спрятанным письмом», скрывать объект у всех на виду.

Лорена повела его к открытому люку в борту корабля. Доусон последовал за ней, и они оказались в маленьком коридоре с металлическим полом.

Коридор закончился в помещении, покрытом чем-то, выглядевшим, как черное стекло. Пульт управления словно вырастал из темного пола. Кроме него, помещение было совершенно пусто.

Лорена повернулась лицом к нему.

— Вы помните космический корабль, который приземлился на Земле сотни лет назад?

ДОУСОН КИВНУЛ.

— Это... — От изумления у него перехватило горло, и он не мог продолжать.

— Да. Он пришел из другого мира, Стивен. Мы так и не узнали, кто такие его строители. Кораблем управлял робот. Совет взял этот корабль, изучил все, что нашел в нем. Там были такие научные секреты и открытия, о существовании которых человечество даже и не мечтало. Вот почему Совет такой, как он есть. Наши знания берут истоки не с Земли, а из чужого мира.

— Понятно.

Но Доусону было далеко не все понятно.

— Этот корабль лежит здесь в колыбели. Никто, кроме Совета, даже не подозревает о его существовании. Кажется, он занимает большую часть здания Капитолия.

— А почему здесь?

Лорена показала на большую белую кнопку среди множества других на приборной панели.

— Вы видите ее? Если нажать эту кнопку, корабль пробудится и отправится в космос. Он покинет Землю. На нем постоянно хранятся припасы, достаточные для того, чтобы продержаться почти столетие. Это наш Ноев ковчег.

— Но я не...

— Мы не можем предвидеть будущее. Мы планируем его, как умеем. Но если с нашей планетой или расой случится какой-нибудь катаклизм — комета, всемирный потоп или неизлечимый вирус, — мы выберем самых выносливых людей и убежим с ними на этом корабле, чтобы начать все снова на другой планете. Только и всего. А сейчас уходим.

Лорена повернулась и пошла к двери. Доусон последовал за ней.

Выйдя из корабля, он заколебался, глядя на девушку. Она была прекрасна с алым цветком в волосах, и странный взгляд ее серых глаз уже не пугал его. Но глубоко в душе Доусона были вопросы, которые он так и не задал. Рассказ Лорены его не удовлетворил.

Прекрасно, значит, Ноев ковчег. Но почему Совет не предусмотрел строительство тысяч космических кораблей, чтобы в случае катастрофы была спасена не маленькая горстка людей, но большинство человечества? А затем Доусон вспомнил об отсутствии мебели на корабле, и о пульте управления, представляющем собой единое с полом. Странно! Он подумал о том, какие существа построили этот корабль. Уж точно это были не люди.

В ту ночь в своей комнате Доусон несколько часов не мог уснуть и все размышлял. Теперь, когда он увидел корабль, он уже никогда не покинет Капитолий, разве что только, возможно, ценой потери всех своих воспоминаний, став совсем как младенец. Но... В душе у него все бунтовало. Он должен каким-то образом бежать отсюда. Или...

Он вспомнил свое обещание Бетье помочь ей спасти Фереда. Теперь он знал, что это невозможно. Но он не мог связаться с Бетьей. А если бы смог, то взял бы у нее расчеты и описание вибрационного принципа. На его основе можно изобрести совершенно новое оружие. И на этот раз он ударил бы без предупреждения...

Доусон с горечью улыбнулся. Он был совершенно бессилен. Любил ли он Лорену?

– Да, – сказал он вслух, и даже это прозвучало как-то не совсем уверенно.

Возможно, потому, что она была членом правящего Совета, и даже если бы брак между ними был возможен, Доусон оказался бы в положении принца-консорта*. А для человека с его характером это было бы невыносимо. Но при других обстоятельствах, в мире, где Лорена не была бы совершенно чуждой ему, все могло быть иначе. Новое оружие? Парализующие лучи уже не помогут. Но вибрация – это основной принцип материи. Доусон вспоминал дни в Дасони, когда он руководил заговором...

Внезапно глаза его расширились. Есть такой способ! Способ, о котором эта сверхсовременная цивилизация даже не подозревала, потому что само его существование было давным-давно забыто. Но Доусон должен быть осторожным, чтобы не возбуждать в Совете подозрений.

– Я хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня, Лорена. В Дасони у меня были домашние животные. Без них мне весьма одиноко.

– Вам нужны животные? Хорошо.

– Девушка, которая работает там в вольере – Бетья Дорн, – вероятно, до сих пор хранит этих животных для меня. Прирученного сокола и несколько голубей. Вы привезете их сюда?

– В этом нет никакого вреда, если они вам нужны, – улыбнулась Лорена.

Доусон легонько обнял ее, когда она отвернулась.

– Да?

– Прямо сейчас они мне не нужны. Пока что я буду занят – я ведь до сих пор не знаком с Капитолием. Вы можете послать их сюда через месяц?

После этого пришлось лишь ждать. Доусон не знал, понимает ли Бетья значение принудительной задержки. Вспомнит ли она их давний разговор в Дасони, во время которого должен описать ей почтовых голубей?

ГЛАВА VIII. Торжество праха

БЕТЬЯ ВСЕ помнила и поняла. Весь этот месяц она обучала голубей, чтобы они возвращались в вольер с больших расстояний, причем делала это тайно. Насчет нее не было никаких подозрений, потому что ничто не связывало девушку с первоначальным замыс-

* *Принц-консорт* – супруг правящей королевы, сам не являющийся суверенным монархом в своем праве. (прим. перев.)

лом свержения Совета. Доусон догадался обо всем этом, когда получил голубей — и прирученного сокола.

Он сам провел этот месяц, разрабатывая план и пытаясь создать новое оружие на принципе вибрации. Он не был опытным ученым, но работу могли завершить остатки заговорщиков под руководством Бетьи. Вибрация...

Свет — это вибрация. И Доусон изложил теорию, планы и предложения для создания лучей, которые уничтожили бы все световые вибрации, отменили их так, чтобы получилась полная тьма. Абсолютная темнота, в которой заговорщики, снабженные специальными очками, могли передвигаться невидимыми.

Доусону эта идея показалась достаточно практичной в свете современной ультранаучной цивилизации, но во многом ему пришлось двигаться на ощупь.

Сообщение он мог отправлять только одним способом. Доусон почувствовал торжество, когда выпустил первого голубя и увидел, как тот поднимается вверх, кружит, а затем улетает на юг. Сердце у Доусона при этом колотилось буквально в горле. Мог ли тут кто-нибудь что-нибудь заподозрить?

Вряд ли. Почтовые голуби были давно забыты, они даже не упоминались в истории. И послание дошло до Бетьи...

Ответить она не могла. Для этого не было никакого способа, не вызывающего подозрений. Доусон попытался предвидеть все, излагая в своих коротких заметках, что должна сделать Бетья, как собрать группу заговорщиков, как ученые должны работать над новым проектором лучей. Вспоминая вновь обретенную уверенность девушки, Доусон чувствовал, что на нее можно положиться.

Шло время. Он отправил сокола обратно в Дасони, объясняя это тем, что птица тоскует. Но истина заключалась в том, что сокол уже привык к Капитолию и немедленно вернется туда, когда Бетья выпустит его в Дасони. Однако она не станет отправлять птицу до последнего момента, если не возникнет чрезвычайной ситуации.

Дни тянулись и тянулись. Доусона все больше и больше влекло к Лорене. Он уже почти не вспоминал о Мэриэн. А еще его сжигало беспокойство, он хотел узнать, как развивается заговор. Но он ничего не мог делать, кроме как ждать.

Наконец, сокол вернулся, принес ему сообщение. Доусон тайно прочитал его. Бетья не подвела. Излучатель был готов. Для заговорщиков в специальных очках искусственная темнота словно не существовала. Когда Доусон даст сигнал, они высадятся на крыше Капитолия.

Он последний раз послал голубя с запиской с указанием часа. Ждать после этого стало уже совершенно невыносимо.

За день до крайнего срока Доусон украл у Лорены, пока она спала под магнолией в саду на крыше, электронный ключ-брелок. Он должен быть уверен, что у него будет доступ к Совету, даже если тот запрется за дверями в тайных помещениях.

ЭТОЙ НОЧЬЮ Доусон тихонько покинул свои апартаменты. Он собирался пойти на крышу, встретить друзей, когда те приземлятся, и провести их к спальне совета. Он сам хотел присутствовать при этом, чтобы защитить Лорену. Он не настолько доверял недавно пробужденному боевому духу своих сотоварищей по заговору.

Оставалось полчаса до крайнего срока, когда Доусон скользнул в боковой коридор, скрываясь от любопытных глаз. Он решил пойти по-другому, мимо помещений Совета, которые обычно оставались без охраны.

Но неожиданно произошла неприятность. Охранник увидел Доусона, пока тот скользил мимо, и выхватил пистолет. Доусон уже привык к игольникам, он и раньше сталкивался с таким оружием. Он поднырнул под пистолет, так что паралитическая игла просвистела над ним, и врезался в ноги охранника.

Оба покатались по полу, причем Доусон успел зажать рукой рот противника, чтобы тот не закричал.

Драка в эти времена была почти что утраченным искусством. Доусон зажимал охраннику рот и нос, пока тот не потерял сознание. Тогда Доусон осторожно встал.

Все это происходило рядом с дверью, ведущей в спальню одного из членов Совета. Но из-за нее не было слышно ни звука. Однако Доусон колебался, опасаясь, что шум драки, возможно, достигнет ненужных ушей. Было бы хорошо убедиться в этом.

Он достал крошечный «ключ» и прижал его к двери. Раздался тихий щелчок, и, когда панель скользила вверх, начала расширяться полоска света.

Доусон увидел простую, лишенную мебели комнатку с каменными стенами и открытой дверью в противоположной стене. Он осторожно шагнул через порог, и панель закрылась за ним.

Когда он прошел в следующую комнату, то изумленно остановился. Эта комната тоже была без всяких украшений, хотя в стене имелось квадратное отверстие, не превышающее высотой тридцати сантиметров. На голом полу лежало неподвижное тело Фереда Йолата.

Что-то тут было ужасно не так. Доусон двинулся вперед, стискивая в руке игольник охранника, и глянул вниз. Голова Фереда...

СКАЛЬП НА ГОЛОВЕ мужчины был поднят вверх вместе с частью черепной коробки. А внутри черепа зияла пустота. О, Боже!

Борясь с отвращением, Доусон встал на колени и осторожно осмотрел тело. Он увидел, что часть черепа вместе со скальпом была на шарнирах, так что ее можно было поднимать и опускать по желанию. Причем кости заменили на металл, дающий ощущение хлопка ощупывающим его пальцам.

Он вскинул взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть в темноте низкого отверстия в стене какое-то шевеление. Оттуда выскочило нечто странное,двигающееся так быстро, что Доусон едва успел уловить проблеск очертания существа, похожего на чудовищного паука. Вспышкой мелькнули быстрые конечности, свет блеснул на сморщенном, сером теле существа, и оно ринулось прямо к лежащему Фереду.

Паукообразное существо прыгнуло в пустой череп, и крышка со скальпом встала на свое место. Прежде чем Доусон сумел прийти в себя от шокирующего недоверия, Феред поднял руку, в которой сверкнула круглая линза.

Доусон вскинул было пистолет. Линза вспыхнула ярким светом, пистолет тут же вылетел из руки ошеломленного Доусона, и тот почувствовал боль в руке.

Не выпуская своего странного оружия, Феред поднялся на ноги. Доусон не мог поверить в то, что видел.

— Ты не... Не Феред... — прошептал он мгновенно пересохшими губами. — Ты дьявольское создание... Какое-то чудовищное насекомое... Разве не так?

— Можете спрашивать, что хотите, — раздался тихий голос. — Все равно я должен убить вас, так что не имеет значения, что вы узнаете.

Но Доусон не мог произнести больше ни слова. И паук, который говорил из тела Ферета, надев несчастного парня, словно костюм, продолжал:

— Теперь вы знаете, что мы не люди. Мы прилетели на Землю на космическом корабле, который вы недавно увидели, столетия назад. Мы почти что бессмертны. Но наша родная планета, находящаяся далеко за пределами вашей Галактики, была уничтожена, и мы искали себе новую. Мы — старая раса, которая устала от битв. Вы сказали, что человечество под нашим правлением впало в стагнацию. Наверное, это правда, потому что мы тоже остановились в развитии. Мы достигли вершины вашей цивилизации тысячелетия назад, на другой планете, и рады получить отдых.

Доусон откашлялся.

— Ты не человек...

— Мы умны, мы гораздо умнее людей. Когда мы добрались до Земли, то решили остаться здесь. Мы могли бы захватить человечество силой, но это было необязательно. Вместо этого мы взяли тела земных людей, изучили их психологию и создали Совет.

Пристальный взгляд Доусона не отрывался от черепа существа.

— Мы почти бессмертны, как я уже сказал, — продолжало то. — Но мы предпочитаем не вызывать подозрений у землян. Когда одно из наших тел изнашивалось, они проводили свои выборы, и в Совет назначался новый член. Мы удаляли у этого человека мозг, и один из наших занимал его место. Мы ведь почти бестелесные, Стивен Доусон. Мы давно превратились в существа, состоявшие, в основном, из мозговой ткани, но снабженные необходимыми органами передвижения.

Теперь Доусон понял, почему еще при первой встрече с Советом почувствовал в нем нечто чуждое. Это были чужие существа из иной галактики, прилетевшие на Землю столетия назад, чтобы незримо править человечеством. Этим объяснялось многое: стагнация человечества, снадобья счастья, которые уничтожили инициативу...

— Феред... — прошептал Доусон. — Что стало с ним?

— Мы сохранили его мозг. Мозг очень ценный орган, и позже мы собираемся выкачать из него все знания.

— Вы хотите сказать... Его можно вернуть на место...

— Конечно, — сказала существо. — Его можно вернуть обратно в череп, и Феред снова будет жить. Только этого не произойдет. А вот вы умрете.

А затем наступила тьма.

ДОУСОН СРАЗУ ЖЕ понял, что произошло. Это прилетели самолеты Бетьи и парили теперь над Капитолием, поливая его вибрирующими лучами, погасившими свет. Реакция Доусона была инстинктивной. Он отпрыгнул в сторону, чувствуя, как мимо пролетела смерть, когда инопланетянин воспользовался своим оружием, а затем бросился на эту тварь.

Он вложил все силы в удар, догадываясь, что должен попасть в челюсть. И тут же почувствовал, как тварь оседает на пол.

Доусон наклонился и начал шарить вслепую. Нокаут был совершенным. Он почувствовал под пальцами холодный металл макушки черепа и вздрогнул. Затем ощупью пошел к двери, использовал ключ, который взял у Фереда, чтобы выйти в коридор.

Он был один в кромешной тьме. Он шел на ощупь, поднимаясь вверх. Теперь у него было два ключа, ключ «Фереда» и тот, который он украл у Лорены. Доусон спешил.

Он должен встретить Бетью на крыше.

В лицо ему дунул свежий ветер. Он услышал тихие голоса, затем чьи-то руки схватили его. Доусон почувствовал, как на него надевают очки, а затем удивился, что снова может видеть, хотя с каким-то странным отсутствием перспективы.

Рядом стояли три самолета. Из них все еще выходили вооруженные люди. Возле Доусона было несколько человек, среди которых он увидел Бетью, стискивающую в руках ружье.

— Ферд в безопасности? — спросила она.

Доусон кивнул, не в силах заставить себя говорить.

— А советники? Где они?

— Идемте, — наконец, выдал из себя Доусон и повел в вооруженную группу обратно в Капитолий, мимо неясных фигур охранников, которых они игнорировали.

Сейчас охранники были безвредными, их можно разоружить позже. Люди поспешно разбежались по всему зданию, стремясь захватить его целиком.

Но двое человек последовали за Доусоном и Бетей. По дороге Доусон думал о том, будут ли члены Совета в своих спальнях. Скорее всего, будут. Там они должны были чувствовать себя в безопасности, не зная, что у него есть два ключа.

— Совет должен умереть, — мрачно сказала Бетя. — Это единственный способ.

И Доусон снова не смог ответить, хотя знал, что она права. Он остановился перед первой из дверей, показал Бетье, как пользоваться ключом, и отступил в сторону, позволяя заговорщикам пройти мимо него. Затем он увидел, как один из старших членов Совета с гневным испугом шагнул вперед с линзой в руке. Но тут же он был беспощадно сбит с ног и брошен на пол.

ЗАТЕМ ДОУСОН подошел к последней из дверей, зная, что за этой дверью находится Лорена. Остальные еще не догнали его, когда он открыл панель, ворвался в комнату и закрыл дверную панель за собой.

Он тут же увидел Лорену, стоящую посреди комнаты с блестящей линзой в руке. Лицо, обрамленное каштановыми кудрями, было испуганным.

— Это я, Лорена, я, Стивен, — тихонько сказал он.

Она вздохнула,ронила линзу и наугад протянула в окружающую темноту руки к нему. Доусон бросился вперед и подхватил ее. Она коснулась его очков.

— Стивен, что...

Затем она замолчала и вцепилась в него, испугавшись выстрелов, раздававшихся совсем рядом.

Доусон почувствовал ее мягкое тепло, аромат ее волос. Он поглядел на ее кудряшки, затем осторожно погладил их.

Лорена отпрянула назад. Доусону показалось, что в ее глазах вспыхнула жажда убийства.

— Нет! — резко сказал он.

Лорена глядела на него серыми глазами, которые были ему так дороги.

— Совет пал, — сказал Доусон, когда двери раздвинулись, впуская заговорщиков. — Делайте так, как я говорю. Это единственный способ спасти вашу жизнь.

Больше не было времени. Он увидел, как в спальню входит Бетья.

— Стойте, Стивен! — закричала она, поднимая пистолет.

Доусон закрыл собой Лорену.

— Подождите! Послушайте... — Он поглядел на Бетью и сделал паузу.

— Ну, что еще?

— Выслушайте меня, Бетья. Феред в безопасности...

— Он без сознания. Мы нашли его.

— Вы нашли его тело, из которого удален мозг, — очень тихо сказал Доусон. — Но Феред все еще жив, его мозг еще можно вернуть на место. Однако это может сделать только эта девушка, Лорена. Больше я не знаю никого, способного на это.

— Вы говорите, мозг Фереда удален...

— Это правда. Лорена Сан вернет вам Фереда в обмен на свою жизнь.

БЕТЬЯ УСТАВИЛАСЬ на Лорену.

— Это правда? Вы можете это сделать? — Она угрожающе подняла пистолет. — Если вы не сделаете этого...

Лорена кивнула.

— Я... Я сделаю это. Да.

Доусон почему-то решил, что Лорена потерпит неудачу во время операции, что она не станет раскрывать своего хирургического супермастерства, которое докажет, что она является представителем чужой расы.

Поэтому не стал присутствовать во время операции, а пошел по другим делам. И когда он вернулся, на руках у него была странная зеленоватая кровь, а весь он был белый и дрожащий. Но, одновременно, и торжествующий. Знания — научные знания — хранящиеся в Капитолии, теперь будут переданы всему человечеству, и человеческая раса снова начнет развиваться, сильная, жизнелюбивая и нетерпеливая еще с древних времен. Она непременно выйдет из застоя.

Лучи темноты были отключены, и теперь не было необходимости в очках. Доусон вошел в операционную и остановился у двери, глядя на собравшихся. Лорена в стерильной белой одежде неподвижно стояла, глядя на безжизненную фигуру, лежащую на столе.

Беття наклонилась над телом Ферета, в глазах ее были слезы. Она громко вздохнула, когда Ферет пошевелился.

Ресницы его задрожали и поднялись. Затем он увидел девушку.

— Беття... Беття, милая, — прошептал он.

Этого было достаточно. В одной руке у Доусона оказался пистолет, а другой он схватил Лорену и прижал ее к себе. Остальные испуганно вздрогнули.

— Лорена Сан заработала себе жизнь, — объяснил Доусон. — Я забираю ее с собой. Прощай, Беття. Я сдержал свое обещание и вернул тебе Ферета.

Прежде чем девушка успела что-то ответить, Доусон был уже в коридоре, утачив с собой Лорену. Они прошли по этому длинному коридору, поднялись по лестнице и, наконец, остановились перед стеной, где Доусон использовал свой «ключ». Дверные панели раздвинулись, они шагнули через порог и остановились перед гигантским космическим кораблем.

Доусон, по-прежнему не отпуская Лорену, вошел в корабль и закрыл за собой люк. Затем он прошел в рубку и только тогда отпустил девушку. Потом нажал белую кнопку на пульте управления.

Гладкие темные стены внезапно стали еще темнее и покрылись звездами. Луна, огромная и серебристая, висела, точно пестрый фонарь. На другом видеозэкране сиял огромный шар Земли.

Они уже были в космосе.

Доусон подошел к Лорене и сжал ей руки.

— Не знаю, — сказал он странным голосом. — Возможно, вы не похожи на остальных. Но я не уверен в этом... — Он замолчал и поглядел на нежное сердцевидное личико. — Однако теперь нигде на Земле вы не будете в безопасности, а Земля не будет в безопасности от вас, если вы все же такая же, как остальные.

Лорена молчала. Но ее серые глаза не уклонялись от взгляда Доусона.

Затем девушка осторожно взяла Доусона за руку и подняла ее к своей голове. Сначала он воспротивился, но затем с внезапной, невозможной надеждой стал щупать мягкие локоны. Запустил в них пальцы...

И не почувствовал металлического холодка. Выходит, Лорена Сан была... человеком!

— Да, — тихонько сказала она. — Я не знала, что вы думаете обо мне...

– Лорена! – голос Доусона сорвался. – Но как...

Девушка улыбнулась ему.

– Всегда, с самого начала один из членов Совета был человеком. Они боялись потерять связь с человеческой расой. Им нужен был «мостик», кто-то, кто был бы неразрывно связан с человечеством. И, в какой-то степени, это противодействовало их собственной бесчеловечности. Они забрали меня, еще когда я была ребенком, и воспитали в Капитолии, обучая меня своим знаниям. Со временем я стала членом Совета, но, Стивен!... Я всегда была человеком!

Доусон вздрогнул и взглянул на экран, на котором висело изображение Земли.

– Ты не можешь вернуться, – медленно сказал он.

Лорена молчала.

– Человеческая раса будет ненавидеть тебя и бояться, – продолжал Доусон, – потому что ты была членом Совета. И не важно, что ты не похожа на остальных. Ты никогда не была бы там в безопасности. А ты многому научилась от Совета. Ты знаешь, что ни один человек, кроме тебя, не обладает такими знаниями. Знаниями, которые будут угрожать Земле, если ты когда-либо решишь их использовать. Теперь мы должны навсегда остаться изгнанниками. Мы не сможем вернуться...

Девушка по-прежнему молчала, но глаза ее сияли. Доусон обнял ее и крепко прижал к себе.

– Но ты человек, Лорена Сан! Девушка, которую я могу любить без всякого страха и сомнений!

– Я тоже люблю тебя, Стивен, – сказала, наконец, Лорена. – Изгнание не имеет никакого значения, пока мы вместе. Мы найдем другую планету, какой-нибудь другой мир...

Вместе они повернулись и поглядели на удаляющийся, становящийся все меньше и меньше шарик Земли. Их окружала тьма космоса с яркими звездами, безграничные, неизведанные просторы. И больше они не боялись.

Они знали, что непременно найдут новый мир среди звезд.

Remember tomorrow, (Thrilling Wonder Stories, 1941 № 1), пер. Андрей Бурцев

PLANET STORIES

STRANGE ADVENTURES ON OTHER WORLDS—
THE UNIVERSE OF FUTURE CENTURIES

20c

WAR-GODS
OF THE
VOID

by
HENRY KUTTER

PRISON PLANET

by
BOB TUCKER

CITY OF THE LIVING FLAME

by
HENRY KUTTER

VAMPIRE QUEEN

by
THORNTON AYRE

THE
THOUGHT-MEN
OF
MERCURY

by
R. R. WINTERBOTHAM

ЖЕСТОКИЕ БОГИ ВЕНЕРЫ

I

КОНСУЛ ЗЕМЛИ Гуденоу бросил Ванингу пачку микрофильмов и сказал:

— Вы просто спятили. Вы не найдете здесь того, кто вам нужен. Только чертовы идиоты прилетают на Венеру — не спрашивайте меня, почему здесь я, — а вы безумец, если думаете, что найдете на этой планете скрывающегося беглеца.

Джерри Ванинг, государственный следователь Земли, беспокойно шевельнулся всем коренастым телом. У него болела голова. Она болела с самой посадки, когда корабль пролетел сквозь гороховый суп, который на Венере почему-то назывался атмосферой. Он с усилием сосредоточил взгляд на микропроекторе, который Гуденоу передал ему, и щелкнул рычажком. На экранчике проектора появилось лицо. Он вздохнул и заменил пленку-паспорт в проекторе. Раньше он никогда не видел этого человека.

— Обычная проверка, — терпеливо сказал он. — Мне дали наводку, что Каллахан прилетел сюда, и мы не можем позволить себе рисковать.

Консул вытер потное, мускулистое лицо, мысленно проклиная венерианские кондиционеры.

— А кто такой этот Каллахан? — спросил он. — Я кое-что слышал, но мы мало получаем новостей с Земли.

— Политический беженец, — сказал Ванинг, занимаясь проектором. — Потенциально, один из самых опасных людей в системе. Каллахан начинал с карьеры дипломата, но для него это занятие было недостаточно острым.

Консул завопил с сигарой.

— Не могли бы вы рассказать мне побольше?

— Ну... В руки Каллахана попал в секретный договор, который должен быть уничтожен. Если он покажет его кое-где, то может начать революцию, особенно на Каллисто. Я думаю, что он скрывается, выжидая, пока не утихнет волнение — и тогда он спокойно полетит на Каллисто.

— Понятно, — поджал губы Гуденоу. — Но вы не найдете его здесь. Ванинг указал большим пальцем на окно.

— Джунгли...

War-Gods of the Void

By HENRY KUTTNER

Jerry Vanning trailed the fugitive Callahan into the swampy wastes of Venus, Hell-Kingdom of the fabled War-Gods. He reached his goal — walking with the robot-strides of a North-fever slave.

Illustrated by Leydenfrost

Vanning sprinted forward, scooped up the girl, swerved back, and fired the full blast of his gun into the screaming face of the first Swampja.

— Нет, черт побери! — решительно заявил консул. — Здесь Венера, а не Земля, мистер Ванинг. У нас около двухсот поселений, разбросанных по всей планете. Остальное болото и горы. Когда пропадает человек, мы ожидаем несколько дней, а затем выписываем свидетельство о смерти. Потому что, если землянин покидает поселение, можно считать его пропавшим.

— И что из этого следует?

— То, что Каллахана здесь нет. Сюда никто не прилетает, — с горечью сказал Гуденоу.

— Но здесь же есть поселенцы, — заметил Ванинг.

— Сплошные идиоты. Они выращивают различные травы и *плесень*. Если бы не они, Венера через несколько лет стала бы необитаемой, не считая местных жителей. Северная лихорадка... Кстати, вы бы следили за собой. Если почувствуете себя плохо, обратитесь к врачу. Не то, чтобы это помогло. Но врач будет держать вас взаперти до тех пор, пока не пройдет приступ лихорадки.

Ванинг поднял взгляд.

— Я слышал об этом. Просто...

— Никто ничего не знает, — безнадежно пожал плечами Гудену. — Какой-то вирус. Предположительно, фильтрующийся вирус. Ученые работают над этим с тех пор, как начали заселять Венеру. Этот вирус поражает и туземцев. Кто-то умирает, а кто-то нет. На туземцев он действует так же, как и на землян. Вы чувствуете, что у вас разламывается голова, а потом неожиданно встаете и уходите на север. В болота. А оттуда никто никогда не возвращается. Таков конец.

— Веселенькая перспектива!

— Разумеется. Вы когда-нибудь слышали о леммингах? Это такие маленькие зверьки, которые совершали массовые паломничества огромными стаями, миллионами особей. Они шли на запад, пока не добирались до океана, а затем продолжали идти дальше. И тонули. Никто так и не узнал причин этого.

— А что находится на севере?

— Наверное, сплошное болото. Откуда мне знать? У нас здесь нет возможности вести разведку. Летать в здешней атмосфере невозможно, а экспедиции — те, которые вернулись, — говорят, что там нет ничего, кроме обычного венерианского ада. Мне бы хотелось...

— **ОГО! — ВНЕЗАПНО** воскликнул Ванинг, вглядываясь в экран проектора. — Подождите, Гудену. Мне кажется...

— Каллахан? Нет, это невозможно!

— Он заgrimировался, но... К счастью, это трехмерная запись. Давайте послушаем его голос.

Ванин прикоснулся к кнопке на проекторе, и раздался низкий, музыкальный голос:

— Меня зовут Джером Бентли, Нью-Йорк, Земля. Я импортер и прилетел на Венеру, чтобы изучить возможность постоянных закупок трав...

— Да, — почти беззвучно сказал Ванинг. — Это он. Джером Бентли — чужь собачья! Это Дон Каллахан! Он так заgrimировался, что родная мать его не узнала бы — лучший грим, который я видел. Но я чуть ли не до слепоты изучал записи с ним. И я не могу ошибиться, увидев и услышав Каллахана.

Гуденоу заморгал.

— Да будь я проклят! Я раз десять видел этого человека, и могу поклясться... Что ж, если вы уверены...

— Я уверен, — сказал Ванинг, отдавая консулу остальные записи.

— Оставайтесь здесь, ладно? Ну, а я пойду в «Звездный дворец»...

— Я пойду вместе с вами, — предложил консул, поднимая свое громоздкое тело из-за блестящего стола.

Вместе они вышли в мутный венерианский день, который постепенно превращался в синие сумерки.

Венера не вращалась, но была подвержена либрации. Здесь не было таких понятий, как восход и закат. Но было регулярное утолщение вечного облачного покрова, летящего над головами, который превращал день в ночь. Несмотря на постоянные безумные ветра, облака были такими плотными, что на поверхности планеты никогда не было видно солнца.

Только рваные летящие седые тучи над головами и теплый, влажный ветер, порывами овевающий потную кожу. И запах серы, доносящийся из джунглей, — а кроме него, запахи застоявшейся воды, гнили и бледных, казавшихся больными растений.

Пограничный городок, подумал Ванинг, осматриваясь. Должно быть, Чикаго выглядел так же в старые времена, когда улицы были еще немоощными, а единственной причиной существования города являлся бизнес. Но Венера-Пристань никогда не превратится во второй Чикаго. Несколько тысяч душ, работавших здесь в страшной нищете, вечно боялись Северной лихорадки, означающей смерть...

Грязные улицы, деревянные тротуары которых уже прогнили, металлические здания, в большинстве своем двухэтажные, длинные, низкие гидропонные навесы, и тупая, жаркая апатия, висевшая над всем — такова была Венера-Пристань. Несколько туземцев, шаркавших башмаками, больше похожими на снегоступы, выглядели жирными и мокрыми, словно сделанными из воска, который уже потек.

«Звездный дворец» оказался пластиковым зданием на шестах, окраска которого облезла из-за жары и сырости. Гуденоу кивнул клерку.

— А где Лестер?

— Северная лихорадка, — ответил тот, теребя свою нижнюю губу.

— Сегодня утром... Мы не успели его остановить.

— О, черт, — безнадежно сказал консул, поворачиваясь к Ванингу.

— Так оно и есть. Как только лихорадка поражает вас, вы словно сходите с ума. Делаете все, что вам угодно. Убегаете и направляетесь

на север. Лестер был хорошим парнем. Он собирался вернуться на Землю к следующему Рождеству.

Ванинг пристально поглядел на клерка.

— Здесь остановился человек по имени Джером Бентли.

— Он где-то в городе. Не знаю, где именно.

— Ладно, — сказал консул. — Если он вернется, позвоните в мой офис. Только не говорите ему, что мы его искали.

— Хорошо, — пробормотал клерк и снова устался в потолок.

Ванинг и Гуденоу вышли на улицу.

— **И ГДЕ ТЕПЕРЬ** его искать? — спросил Ванинг.

— Будем просто шарить по городу. Эй! — окликнул консул рикшу, коляску, которую тащил туземец, обычное транспортное средство в Венере-Пристань. — Садитесь, Ванинг.

Следователь послушно сел. Головная боль все усиливалась.

Они так и не смогли найти Каллахана. Несколько человек сказали, что видели его утром. Кто-то видел его на окраине поселения.

— Он направлялся в джунгли? — быстро спросил Гуденоу.

— Он... Да. Он выглядел... Очень плохо.

Консул вздохнул.

— Интересно. Идемте, Ванинг.

— Отлично. Вы что же, думаете...

— Весьма вероятно, что лихорадка, — проворчал Гуденоу. — Она настигает быстро, особенно туземцев. Если ваш друг Каллахан поймал Северную лихорадку, он пошел в сторону болот и забыл остановиться. Можете отметить это дело как закрытое.

— Нет, пока у меня на руках не будет этого договора, — прорычал Ванинг.

Гуденоу с сомнением покачал головой.

Здания стояли все реже, а потом резко оборвались на краю бледного леса. Из влажной черной почвы торчала широколистная поросль джунглей. Рикша остановился, туземец что-то забормотал на своем языке.

— Конечно, — сказал Гуденоу, бросая ему монету. — Жди нас здесь. *Зан т'киан.*

Плотная фигура консула начала исчезать в полупрозрачных сумерках джунглей. Ванинг следовал за ним по пятам.

Здесь были следы — много следов. Детектив игнорировал их, двигаясь по прямой от Венеры-Пристань. Тут и там висели светящиеся существа, похожие на рыбу-луну, они собирали капающий с растений сок. Следов постепенно становилось все меньше, и вскоре осталась лишь одна дорожка.

— Мужчина. Довольно тяжелый. Носит земные ботинки, а не сандалии, как у большинства наших. Возможно, это Каллахан.

Ванинг кивнул.

— И он не возвращался по этому же пути.

— Да, не возвращался, — коротко кивнул Гуденоу. — След ведет только в одну сторону.

— Ладно, тогда я пойду за ним.

— Это самоубийство. Но, полагаю, мне можно не говорить вам об этом?

— Можно и не говорить.

— Хорошо, сейчас мы вернемся в город, и я найду вам снаряжение. Запас продуктов и мачете. Может быть, я даже найду людей, готовых пойти с вами.

— Нет, — сказал Ванинг. — Я не хочу терять время. Я пойду прямо сейчас.

Он шагнул было вперед, но Гуденоу схватил его за руку.

— Подождите, — сказал консул каким-то изменившимся голосом.

Он пристально поглядел Ванингу в лицо, поморщился и беззвучно присвистнул.

— Вы поймали ее, — сказал он. — Что же я раньше-то не заметил?

— Что поймал?

— Северную лихорадку! Теперь послушайте меня...

В голове Ванинга внезапно взорвалась огненная вспышка белой боли, которая тут же исчезла, оставив его разум холодным и... иным. Это очень походило на холодную лихорадку. Ванинг обнаружил, что мысли его несутся с необычайной ясностью до определенного момента... И все они устремлены на север. Разумеется, он должен идти на север. Именно такое побуждение преследовало его весь день. А он боролся с этим желанием. Но теперь понял, что бороться не надо, а следует повиноваться.

Он заморгал, глядя на тяжелое, встревоженное лицо Гуденоу.

— Со мной все в порядке. Никакой лихорадки у меня нет. Я хочу найти Каллахана, только и всего.

— Черта с два все в порядке, — мрачно ответил консул. — Я знаю эти симптомы. Вы вернетесь со мной, и будете оставаться в поселении, пока не поправитесь.

— Нет.

Гуденоу сделал движение, словно хотел завести руки Ванинга за спину. Детектив развернулся и нанес короткий удар ему в челюсть. Удар был очень силен. Консул отлетел назад и ударился головой о белесое дерево.

Потом сполз по стволу на землю и лежал неподвижно.

Нанинг даже не посмотрел на неподвижное тело. Он развернулся и пошел по тропе Кахлахана. Он не глядел на следы. Казалось, его направлял какой-то инстинкт.

На север... На север!

Голова больше не болела. Мозг был странно прохладным, онемел и его покалывали, почти что приятно, иголки. Его тянуло словно магнитом. Все глубже и глубже в джунгли...

Далеко позади он услышал крик Гуденоу, но не обратил на него внимания. Консул не мог его остановить. Хотя мог попробовать. Какое-то время Ванинг шагал все вперед и вперед, пока венерианские джунгли не поглотили его бесследно. Затем он минут десять пробежал легкой рысцой, потом сбавил шаг. Ему бы хотелось немножко отдохнуть, но он не мог остановиться. Только не сейчас...

На джунгли опустился туман. Серебристый туман, укутавший вуалью странный, призрачный лес. Затем туман унесло, когда поднялся порывистый ветер. Он скрутился полупрозрачными жгутами и скрылся в облаках. Ванинг даже не поднял взгляд. Он ни разу не повернул головы. Он шел на север... Только на север... Потом оказался в мягком, вонючем болоте, которое временами поднималось ему до талии...

Разумный человек обогнул бы болото. Вздрагивая, Ванинг упорно лез вперед, и поплыл, когда больше нельзя было идти. Где-то слева он услышал бормочущий кашель двигателя «болотного кота», но саму машину не увидел. Его поле зрения было ограничено узким пространством прямо перед собой.

Затем он почувствовал боль. Мягкая, но цепкая венерианская крапива разрывала его одежду и кожу. Пиявки впивались в ноги, пока не отпадали, насытившись. Ванинг продолжал идти вперед. Он шел как робот... Как автомат.

Бледный лес стоял молча, наблюдая за его безумным походом. Лианы частенько устраивали ему запутанные ловушки, и Ванингу приходилось бороться с ними несколько минут, прежде чем прорываться дальше. К счастью, эти лианы имели маленькую прочность на растяжение, но Ванинг вскоре измучился, у него болели все конечности. Высоко наверху облака сгустились и потемнели, наступило то, что на покрытой вечным туманом Венере считалось ночью. Но деревья тут же начали фосфоресцирующе светиться. Странная, находящаяся за гранью воображения была эта сцена, когда окровавленный, шатающийся человек шел по прямой все дальше и дальше на север... На север. Только на север. Он шел, пока переутомленные мышцы не отказались дальше повиноваться, и тогда Ванинг рухнул на влажную землю и погрузился в бессознательное состояние без снов.

Сколько проспал, Ванинг не знал, но когда проснулся, то сразу же пошел дальше. Ничего не изменилось. Только джунгли стали еще плотнее, а холодный свет сверху тусклее. Здесь только свет казался холодным. Воздух же был липким и душливым.

Ванинг шел все дальше и дальше в ад.

Дни и ночи слились в фантастическую картину непрерывной пытки. Какая-то часть его разума оставалась нормальной и глядела на все это, но ничем не могла помочь. Шли дни и ночи. Еды не было. Была только вода, и, когда Ванинг плескался в мелких болотных омутах, он наклонял голову и пил эту грязную жижу. Временами под ногами у него хрустели зеленые кости человеческих скелетов. Это были остатки тех людей, которые шли здесь перед ним...

Наконец, изможденное существо, которое было когда-то человеком, подошло к горной гряде, поднимавшейся из болота на севере. Гряда простиралась направо и налево, насколько хватало глаз, и казалась непроходимой. Но в ней все же были v-образные проходы, и Ванинг направился к одному из них. Страшное побуждение, засевшее в нем, не позволяло ему остановиться.

В ту ночь в небе за горами зажглись серные малиновые свечи. Этого Ванинг не видел. Он спал.

Утром он пошел дальше, шатаясь и направляясь по крутому проходу к перевалу. Здесь были голые скалы, с промоинами, проделанными тысячами каплюющей из облаков воды. Ванинг не смог бы подняться на эти скалы, даже если бы у него еще оставались силы. Вместо этого он шел по сужающейся долине...

Долина закончилась глухой стеной из выветрившейся скалы. Ванинг подошел к барьеру. Вернуться он не мог. Северная лихорадка безжалостно заставляла его идти вперед. Ему придется подняться на эту скалистую стену или умереть. Другого выхода не было.

Ванинг полез на скалу, упал, поднялся, снова полез и снова упал. Но, в конце концов, он все же приноровился и медленно, точно муравей, пополз по стене, прижимаясь к камню всем телом, поднимаясь по этой стене, возвышавшейся до несущихся серых облаков...

И на каком-то этапе подъема он внезапно провалился сквозь камень!

Он прошел сквозь камень так, словно его не было вообще! Мгновенно вокруг него сомкнулась непроницаемая чернота. А под ногами был только твердый камень.

Разум его был слишком затуманен, чтобы удивляться. Он только знал, что путь на север открыт. Он крался сквозь тьму, оставляя за собой кровавый след...

Затем земля исчезла из-под ног, он полетел вниз и упал в кучу какой-то растительности.

Не успел еще шок от падения пройти, как живой мертвец снова зашевелился и пополз вперед, пока дорогу не заблокировала перпендикулярная стена. Рыдание вырвалось из пересохшего горла, и он принялся царапать барьер кровоточащими пальцами со сломанными ногтями.

Вправо и влево, на расстоянии вытянутой руки, были другие стены. Он оказался в яме. Та часть сознания, которая осталась не подверженной чуждому влиянию, подумала: *Нужно обойти кругом. Здесь может быть какой-то выход!*

Но Ванинг не мог повернуть. Он мог двигаться лишь в одном направлении. На север. Он слепо уставился на стену, и глядел на нее до тех пор, пока не потерял сознание...

Дважды он приходил в себя, каждый раз чувствуя себя все слабее, и снова дважды засыпал. Лихорадка, минув пик, быстро шла на убыль.

Наконец, Ванинг проснулся и сразу же понял, что находится в здравом рассудке. Он больше не испытывал неутолимого желания идти на север. Некоторое время он лежал в темноте, понимая, что вновь овладел своим телом.

Но в нем оставалось очень мало жизни. Язык почернел и распух, заполнив весь рот. Он выглядел пугалом, почти голый, с выпирающими под кожей костями.

Он даже с трудом дышал. Так что смерть не заставит себя долго ждать...

II

УМИРАТЬ ВСЕГДА неприятно, если человек не под наркотиками или не в коме. Ванинг очень быстро понял это. Более того, не такой он был человек, чтобы отказаться от жизни без очень уважительной причины. Каким бы слабым он ни был, но у него еще хватало сил, чтобы не валяться в темноте, ожидая неизвестно чего.

Он с трудом поднялся на колени и начал ощупывать стены ямы. Он ничего не ждал. И был поражен, обнаружив в южной стене своей тюрьмы отверстие, достаточно большое, чтобы туда можно было протиснуться.

Оказавшись в темноте, он нащупал гладкий пол туннеля. О, Боже! Ведь этот туннель все время был здесь, пока он мучился в яме. Если бы только он отыскал его раньше... Но, разумеется, этого

он сделать не мог. Только не с Северной лихорадкой, пылающей в его жилах.

Туннель мог вести куда угодно. Но это был единственный его шанс. Рано или поздно, тоннель, скорее всего, уткнется в тупик. Но, тем не менее, это был шанс. Этих шансов стало гораздо больше, когда пальцы Ванинга нащупали следы инструментов на стенах.

Туннель был искусственный, возможно, его сделали не люди, но, по крайней мере, какая-то разумная раса!

По мере того, как он полз, туннель поднимался все время вверх, и потолок его тоже делался выше, но Ванинг был слишком слаб, чтобы подняться на ноги. Затем он смутно понял, что туннель делает резкий поворот.

И в темноте раздался далекий звук колокола.

Ванинг заколебался, затем пополз дальше. Больше ему ничего не оставалось.

Потом земля ушла из-под него, и он покатился по наклонному склону, остановившись, лишь наткнувшись на что-то мягкое. Но все равно, удар был слишком сильный для его измученного тела и разума. Ванинг почувствовал, что теряет сознание.

Когда он очнулся, было уже не совсем темно. В белесых светящихся сумерках он увидел нечто вроде парящей над ним маски — маски без человека. Безногая. лишь с маленькими дырочками, трещиной рта и круглыми глазами, маска походила на лицо невероятно очеловеченной рыбы — невероятной, фантастической рыбы. Кожу покрывала паутина зеленых чешуек.

Совсем рядом прогремел гонг. Чудовищная маска тут же растаяла в темноте, которая все смела и захватила Ванинга в свои объятия. Не осталось ничего, кроме боли, а потом и боль была уничтожена непроницаемой тьмой.

ВАНИНГУ БЫЛО очень плохо. Полное истощение почти что убило его. Он лежал на мягкой лежанке, и время от времени укол в руку подсказывал ему, что его кормят при помощи инъекций. Позже в горло ему потекла вода. Не сразу, но постепенно опухший язык все же обрел свою обычную форму. И пришел сон, в котором его мучили кошмары. Маска с ликом рыбы плавала над ним в сером мерцающем свете, а потом исчезала, и тогда раздавались удары большого колокола.

Затем из темноты появилось лицо девушки, бледное, прекрасное, с рыжими локонами, висевшими вдоль ее щек. Симпатичные голубые глаза смотрели на него. Но затем и девушка исчезла...

Когда Ванинг очнулся, то увидел нечто стоящее над ним. И это был уже не кошмар. Это был персонаж из его снов — существо, сто-

ящее на двух коренастых ногах и носящее одежду: серебристую сверкающую тунику и куртку. Голова была похожа на рыбу, но высокий череп указывал на разум.

Существо что-то сказала на неизвестном Ванингу языке. Ванинг слабо покачал головой. Тогда существо-рыба заговорило на венерианском диалекте:

— Ты выздоровел? Ты обрел силу?

Ванинг замялся, подыскивая слова.

— Я в порядке. Но где я? И кто...

— Лысла расскажет тебе.

Существо хлопнуло огромными руками и повернулось. Дверь закрылась за его уродливой спиной, затем снова открылась, и к Ванингу вошла рыжая девушка.

Ванинг тут же сел и обнаружил, что находится в пустой комнате с серыми пластиковыми стенами, и лежит на какой-то эластической лежанке. Под выглядевшим металлическим, но мягким халатом, накинутым на него, он был совершенно голый. У девушки в руках была стопка одежды, малиновой, как и та, что носила она сама.

Она улыбнулась.

— Привет, — сказала она по-английски. — Сейчас вы чувствуете себя лучше?

Ванинг кивнул.

— Вы правы. Но я что, сошел с ума? Это существо, которое только что вышло...

В мгновенно потемневших голубых глазах девушки появился ужас.

— Это один из свами. Они здесь правят.

— Вот как? А где это здесь?

Лысла опустила на колени возле его лежанки.

— На краю мира — по крайней мере, для нас это так, Джерри Ванинг.

— Откуда вы знаете мое имя?

— В вашей одежде были документы... То, что осталось от них. Мне будет трудно объяснить вам все. Я сама здесь всего лишь месяц.

Усмехнувшись, Ванинг почесал свою отросшую бородку.

— Мы на Венере?

— Да, разумеется. Мы в долине. Свами живут здесь целую вечность, еще задолго до того, как земляне колонизировали Венеру.

— Я никогда не слышал о них.

— Отсюда никто не возвращается, — мрачно сказала Лысла. — Здесь все становятся рабами свами и, в конце концов, умирают. Затем приходят новые рабы, как, например, вы.

Ванинг прищурился.

— Продолжайте рассказывать. Кажется, я начинаю понимать. У свами — этих людей-рыб — здесь секретный город, правильно? И они разумные?

Девушка кивнула.

— У них великая сила. Они считают себя богами Венеры. Видите ли, Джерри Ванинг, они появились задолго до начала человечества. Первоначально они жили в воде. Я мало что знаю об этом. Так, обрывки легенд... Так или иначе, они очень давно построили этот город и с тех пор ни разу не покидали его. Но им нужны рабы. Поэтому они посылают Северную лихорадку...

— **ЧТО? — ЛИЦО** Ванинга посерело. — Что вы сказали, Лысла? Лихорадка создана искусственно?

— Да. Вирус переносится микроскопическими спорами. Свами посылают эти споры в верхнюю часть атмосферы, где сильные ветра разносят их по всей Венере. Вирус поражает очень быстро. Как только человек подхватывает его, так же, как вы, то он направляется на север. Эти горы — ловушка. Они имеют форму воронки, поэтому любой, кого поразила лихорадка, неизбежно попадает в проход, как вы. Они проходят через мираж, похожий на стену скалы. Никто, кроме тех, кто болен, даже не попытается пройти сквозь утес.

Ванин хмыкнул, вспоминая.

— Продолжайте. Я уже начинаю...

— Осталось не так уж много. Жертвы падают в яму и остаются там до тех пор, пока не проходит лихорадка. Так что свами не рискуют заразиться сами. После того, как болезнь проходит, легко найти выход из ям, а все туннели ведут сюда.

— Боже! — прошептал Ванинг. — И вы говорите, что это продолжается веками?

— Бессчетными веками. Сначала туземцы, а теперь и земляне. Свами нуждаются в рабах, а здесь долго никто не живет. Но всегда есть источник за границей.

Тысячи беспомощных жертв многочисленные века втягиваются в эту ужасную сеть, их тащат на север, чтобы там они стали рабами нечеловеческой расы... Ванинг облизнул сухие губы.

— Многие умирают, — сказала девушка. — Свами нужны лишь самые сильные. И только самые сильные выживают в этом походе на север.

— И вы... — Ванинг вопросительно поглядел на Лыслу.

— Я сильнее, чем кажусь, Джерри, — грустно улыбнулась девушка. — Но я чуть было не умерла... Я до сих пор еще полностью не выздоровела. Я была гораздо красивее, чем сейчас.

Ванинг обнаружил, что в это трудно поверить. Но он не мог не усмехнуться, услышав такое женственное признание девушки. Она слегка покраснела.

— Ну, — сказал он, наконец, — вы же не колонистка, я это вижу. Как вы попали сюда до того, как были втянуты в эту ловушку?

— Простое невезение, — сказала ему Лысла. — Еще несколько месяцев назад я была в Нью-Йорке, на вершине мира. Родителей у меня нет. Мой отец оставил мне трастовый фонд, но он внезапно закончился. Наверное, были плохие инвестиции. Поэтому я оказалась у разбитого корыта и нуждалась в работе. Для неквалифицированных работников не оказалось никаких рабочих мест, кроме должности секретарши в Венере-Пристани. И мне «посчастливилось» получить это место.

— У вас крепкие нервы, — сказал Ванинг.

— Это не помогло. Меня поразила Северная лихорадка, и следующее, что я помню... Я нахожусь здесь, на положении рабыни.

— Сколько здесь землян?

— Около сотни. Немногие оказались достаточно сильны, чтобы добраться до перевала, и еще примерно столько же туземцев-венериан.

— А сколько свами?

— Не меньше тысячи, — сказала Лысла. — Но только у представителей высшего класса есть рабы. А большая часть свами является военными.

— Вот как? И с кем же, черт побери, они сражаются?

— Ни с кем, это традиция — часть их религии. Высшие классы считают себя богами, а солдаты служат валькириями, как в норвежской Валгалле.

— Всего двести рабов... А какое у свами оружие?

— Оружия у них мало, — покачала головой Лысла. — Лучевые парализаторы, и, кажется, есть что-то еще. Но они сами неуязвимы, или почти что неуязвимы. Их мышцы гораздо сильнее наших. Иное строение тел.

Ванинг задумался. Это он мог понять. Мышца человеческого сердца намного сильнее и крепче, чем, скажем, бицепс.

Но девушка тут же прервала его размышления.

— Восстание совершенно бесполезно. Сейчас вы мне не пове-рите, но скоро поймете сами.

— Возможно, — очень тихо сказал Ванинг. — Во всяком случае, что там дальше в программе?

— Рабство, — в ее голосе прозвучала горечь. — Вот ваша одежда. Когда оденетесь, пройдете по пандусу к наружной двери. Я буду там ждать.

Девушка сняла со стены металлическую табличку и вышла. Ванинг вздрогнул и, немного помедлив, оделся и последовал за ней.

КОРИДОР, В КОТОРОМ он оказался, был с голыми пластиковыми стенами, покрытыми волнообразным барельефом, странно напоминающим рябь на воде, и окрашенным в серый и лазурный цвета. Кое-где в стены были вмонтированы лампы холодного света, использующие принцип, незнакомый Ванингу. *Радиоактивность*, предположил он, *или ее венерианский эквивалент*. Затем он увидел пандус, спустился по нему и оказался в огромном помещении с низким потолком и многочисленными дверями в извилистых стенах. Одна из дверей была открыта, и изнутри его тихо позвал голос Лыслы.

Ванинг вошел и оказался в каюте, небольшой, с четырьмя грубыми койками, расположенными вдоль стен. Девушка как раз вставляла металлическую табличку в рамку над одной из коек, и улыбнулась ему.

— Это ваше собачье удостоверение, Джерри. Вы 57-Р-Мел. Наверное, для свами это что-то значит.

— Вот как? — Ванинг увидел подобные таблички над каждой из кроватей. — Что это за место?

— Одна из комнат общежития. Здесь живут по четверо. С вами будет жить трое людей, которые прибыли немного раньше, чем вы — два землянина и венерианин.

— Понятно. Что я должен делать?

— Ждать здесь, пока вас не вызовут. И еще, Джерри... — Девушка подошла к нему, положила ладони на его широкую грудь и поглядела на него своими привлекательными голубыми глазами. — Пожалуйста, Джерри, не делайте никаких глупостей. Я знаю, что сначала это сложно. Но они слишком ужасно наказывают мятежных рабов.

Ванинг невольно улыбнулся ей.

— Хорошо, Лысла. Я сначала осмотрюсь, прежде чем что-то делать. Но, поверьте, я собираюсь организовать здесь небольшую революцию.

Она безнадежно покачала головой, ее рыжие волосы упали на лицо.

— Это бесполезно. Я уже поняла это. Вы тоже поймете. Сейчас я должна идти. И будьте осторожны, Джерри.

Он успокаивающе пожал ей руку.

— Конечно. Еще увидимся?

— Да. Но сейчас...

Она ушла. Вид своего лица в зеркале поразил его. Под изрядно отросшей бородкой черты его лица изменились, стали изможденными и напряженными.

Бритва оказалось удобной, точнее, не бритва, а острый, как бритва, кинжал. Тюбик с серым веществом дал обильную пену, когда Ванинг размял его в металлической миске, служившей умывальником. Он побрился и почувствовал себя гораздо лучше.

Слабость почти совсем исчезла. По крайней мере, медицина свами была выше всяческих упреков. Но, тем не менее, он уже устал... Однако, постепенно это пройдет.

Кто были его соседи по каюте? Ванинг быстро осмотрел их вещи, разложенные на полках. Они ничего не сказали ему, однако, Ванинг увидел металлический гребень. Он потянулся за ним, но гребень выскользнул из его пальцев и застучал по пластиковому полу.

Ванинг хмыкнул и опустился на колени, чтобы достать предмет, скользящий в темное углубление под самой нижней полкой. Там его неуклюжие пальцы наткнулись на что-то холодное и твердое, и Ванинг с удивлением вытащил плоский корпус без орнамента, щелкнувший, раскрывшись в его руках.

Это был гримерный набор. Маленький, но в нем было все нужное для того, чтобы создать себе новое лицо. Там были крошечные гранулы, отмеченные цифрами. Красители, которые нужно смешать с водой. Еще был пакетик изофлекса, прозрачного, необычайно тонкого, прочного целлофана. Было и многое другое...

ВАНИНГ ПРИЩУРИЛСЯ, сложенные два плюс два немедленно превратились в четыре. Только одному человеку на Венере была бы нужда иметь такой набор. И это был Дон Каллахан, которого Ванинг преследовал с Марса на Землю, оттуда на Венеру.

Выходит, Каллахан тоже здесь!

Почему бы и нет? Он тоже стал жертвой Северной лихорадки. Просто он раньше Ванинга вышел в наркотический поход в этот тайный город.

— А ты кто такой, черт подери?

Услышав этот суровый вопрос, Ванинг вскочил на ноги, инстинктивно спрятав гримерный набор в своей одежде, и уставился на стоящего на пороге обладателя хриплого голоса, широкоплечего, с огненно-рыжими волосами и изуродованным шрамами лицом. Его острые глазки, прищурившись, глядели на Ванинга.

— Я... Думаю, я твой новый сосед по комнате, — осторожно сказал детектив. — Меня зовут Джерри Ванинг.

— А меня Сандерсон. Кенеси Сандерсон, — сказал хриплоголо-
сый и задумчиво потер свой сломанный нос. — Значит, ты новичок.

Только не пытайся проделывать какие-нибудь трюки со свами и что-то придумывать.

Ванинг склонил голову набок.

— Я не понимаю.

— Новые парни, — презрительно сказал Сандерсон, — вечно считают, что сбежать отсюда легко. Они совершают побег, а мы все страдаем. Свами — как жестокие дети. Просто делай, что они тебе говорят, и все будет в порядке. Понимаешь?

— Не совсем, — грубо огрызнулся Ванинг. — Сколько ты уже здесь?

— Примерно, несколько недель. Я точно не помню. А что с того?

— Ты не похож на желторотика. Просто смешно, что ты так легко сдался. Вид у тебя довольно суровый.

— Я не просто суровый! — зарычал Сандерсон. — Я жестокий. А еще я умный. Послушай, мистер Джерри Ванинг, через два дня после того, как я попал сюда, я увидел, как свами наказывают парня, пытавшегося сбежать. Они закопали его живьем! Ты слышишь? Его напарников даже не тронули, но один из них сошел с ума. Эти свами... Нужно быть окончательным психом, чтобы пытаться от них сбежать!

— Ты уже попался на их блеф, да?

Сандерсон шагнул вперед и больно стиснул плечо Ванинга.

— Ты слишком много болтаешь. Возмутители спокойствия здесь долго не живут. Вбей это себе в башку.

— Немедленно отпусти меня, — очень тихо сказал Ванинг.

— Иначе...

— Отпусти его, Кен, — раздался новый голос.

Сандерсон хмыкнул, но отпустил детектива. Потом обернулся к двери.

— Освободился пораньше, Хоббс?

— Ну да, немного.

Человек, стоявший в дверях, был таким же крупным, как и Сандерсон, но лицо у него было доброжелательным, и даже немного смущенным. Белые волосы светились ежиком над широким лбом.

— Немного, — повторил он. — Мы с Зейдом должны вернуться сегодня вечером на фестиваль.

— *Ста*. Мы должны вернуться сегодня вечером, — сказал Зейд на венерианском диалекте.

Из-за Хоббса выдвинулся уроженец Венеры, полный, с широкими ступнями, присущими этой расе. Его собачьи глаза изучающе оглядели Ванинга.

— Новичок?

Детектив представился. Втайне он был озадачен. Один из этой тройцы, по-видимому, и есть Каллахан, но кто именно? Ни один

из них не походил на человека, которого Ванинг видел на экране микропроектора в Венера-Пристане. Но все равно...

III

ПОВИНУЯСЬ ИМПУЛЬСУ, Ванинг достал из одежды макияжный набор и протянул его.

— Я нашел его под полками. Это твой, Хоббс? Или твой, Сандерсон?

Оба покачали головами, нахмурившись. Ванинг взглянул на венерианина.

— Твой, Зейд?

— *Эста*, это не мое. Что это?

— Просто коробочка, — сказал Ванинг, убрал макияжный набор обратно в карман и сел на одну из кроватей, внутренне удивляясь.

Когда он увидел набор, у него появилось две цели. Во-первых, побег. Во-вторых, захватить с собой Каллахана.

Убежать было непросто. А еще он подумал о Лысле. Рабыня... Черт побери! И тут еще двести рабов свами... Он не мог оставить их здесь.

Но что он мог поделаться? Перебить свами? Это мысль была одновременно мелодраматической и безумной. Возможно, он сумел бы уйти, убежать и привезти сюда отряд космических патрулей, чтобы уничтожить свами. Если необходимо, то целую армию.

Остальные, как он увидел, уселись по кроватям. Хоббс сбросил сандалии и вздохнул.

— Господи, как хочется курить! Ну, ладно...

— Каллахан! — резко сказал Ванинг, глаза его скользнули по лицам окружающих и не обнаружили ничего, кроме удивления.

— Что еще за чертовщина? — загромыхал Сандерсон.

— Да так, ничего особенного, — вздохнул Ванинг. — Когда вы пришли сюда?

— Я полагаю, пару недель назад, — ответил мягкий голос Хоббса.

— С разрывом в несколько дней друг от друга. Совсем незадолго перед тобой. Но мы выздоровели задолго до того, как появился ты. Просто чудо спасло твою жизнь, Ванинг.

— А до того, как вы пришли сюда, приходили другие? Я имею в виду, в последнее время.

— До нас несколько месяцев не было никого, — сказал Хоббс. — Так я слышал. А почему ты спрашиваешь?

— Почему? Это доказывает, что один из вас — человек, за которым я охочусь. Каллахан. Я детектив. Я прилетел на Венеру, чтобы

найти Каллахана, и, совершенно случайно, последовал за ним. Разумеется, один из вас и есть человек, который мне нужен.

— Разве ты не знаешь, как выглядит этот парень? — усмехнулся Сандерсон.

— Нет, — помотал головой Ванинг. — Зато я знаю его манеры, походку, постоянные жесты. Но я узнал, что прежде, чем прилететь на Венеру, он был у антро-хирурга и получил ремоделирование. Совершенно новую внешность, лицо и тело. Даже была произведена трансплантация кожи на кончиках его пальцев. Разумеется, со временем старые отпечатки восстановятся, но для этого потребуется несколько лет. А на это время Каллахан хорошо замаскировался.

— Господи милостивый! — сказал Хоббс. — Один из нас...

Ванинг кивнул.

— Когда он прилетел на Венеру, то тщательно загримировался. Сейчас этот грим, конечно, стерся. Но один из вас троих Каллахан.

— Не думаю, что здесь действуют обычные законы, — тихо сказал, уроженец Венеры.

— Черт побери! — взревел Сандерсон. — Вы хотите арестовать своего человека и попросить сваи, чтобы они отпустили вас обоих?

Ванинг покачал головой, криво усмехаясь.

— Вряд ли. Рано или поздно я уйду отсюда, и Каллахан пойдет со мной. Позже я вернусь с армией и уничтожу сваи. Но я не оставлю здесь Каллахана.

— Это не я, — пожал плечами Хоббс.

— И не я, — сказал Зейд.

Сандерсон только усмехнулся.

— Это один из вас, — буркнул Ванинг. — Я в этом уверен. И вот что я скажу тебе, Каллахан. Ты можешь замаскировать свою походку и жесты, а я не могу распознать твое новое лицо или отпечатки пальцев. Но, рано или поздно, ты забудешься и выдашь себя. И тогда я должен буду вернуть тебя на Землю.

— Ты все забудешь, — сказал Зейд. — Через год — ну, через пять, если ты столько проживешь, — ты все забудешь. У моего народа существуют легенды об этой земле, где живут боги. Наши жрецы учат, что Северную лихорадку посылают на нас боги. Но мы и не знали, насколько верно это учение...

Его похожее на луковицу лицо было гротескно-торжественным.

ВАНИНГ НИЧЕГО не ответил. Надежда обмануть Каллахана потерпела неудачу. Ну, для этого еще будет время. Очевидно, один из этих троих и был беглецом. Но кто? Хоббс? Сандерсон? Конечно, не Зейд...

Хотя, стоп! А что, если Каллахан замаскировался под венериана? Это был бы прекрасный маскарад. Дьявольское мастерство антрополога могло превратить Каллахана в уроженца Венеры.

Ванинг с интересом взглянул на Зейда. Туземец спокойно встретился с ним взглядом.

— Нельзя спорить с судьбой. Те, кто умер по пути сюда, были более удачливы. Мы же должны жить здесь и служить.

— У меня другие цели, — прорычал детектив.

Зейд резко взмахнул рукой.

— Ваша раса не принимает судьбу, в отличие от нас. У нас с рождения ведется борьба за существование. Венера — жестокая планета. Но некоторые из нас выживают. Хотя даже на них может пасть тень Северной лихорадки. Мы знаем, что болезнь может поразить нас в любой момент. И если это произойдет, мы не будем противиться, а пойдем в джунгли и либо умрем, либо придем сюда. Моему брату очень повезло. Три года назад его настигла лихорадка, но я схватил его и позвал на помощь. Прибежали мои соплеменники и крепко связали Гарзу, так что он не смог убежать. Лихорадка мучила его десять дней и ночей. Затем прошла. Это угроза покинула его навсегда. Северная лихорадка бывает лишь один раз, поэтому Гарза был застрахован от этой болезни. Теперь я тоже невосприимчив к ней, но, разумеется, считаю себя мертвым.

— Ой, заткнись, — огрызнулся Сандерсон. — Ты действуешь мне на нервы. Давайте немного поспим. Сегодня вечером мы будем вынуждены присутствовать на фестивале.

— Что еще за фестиваль? — спросил Ванинг.

На его вопрос ответил Хоббс.

— Религиозная церемония. Просто делай то, что тебе говорят, и с тобой все будет в порядке.

— И всего лишь, да?

— Наши люди научились склонять голову перед судьбой, — пробормотал Зейд. — Мы не бойцы. Боль кажется нам ужасной. Вы называете нас трусами. По вашим стандартам, это так и есть. Только поклоняясь великим ветрам, нам удастся выжить.

— Заткнись же, наконец, и дай поспать, — рявкнул Сандерсон и растянулся на койке.

Остальные последовали его примеру, в том числе и Ванинг, который молча лежал, пока медленно тянулись часы.

Наконец, дверь открылась. На пороге стоял свами. Он был в знакомой уже одежде, но в кобуре на боку торчало странное оружие.

— Время! — рявкнул он на венерианском диалекте. — Поспешите! Ты... — указал он на Ванинга. — Иди за мной. Остальные знают, что делать.

Детектив молча поднялся и последовал за свами в огромную комнату. Он увидел, что сейчас это помещение было заполнено туземцами и землянами, беспокойно мечущимися, как встревоженные муравьи. Однако, никого из свами здесь не было.

Внезапно один венерианин споткнулся и упал. Он был худым, изможденным для своего вида, так что неизвестно, каким образом он пережил поход на север. Возможно, он просто уже много лет находится в этом в потерянном городе и лишился жизнестойкости за время тяжелого рабства. Он упал...

Свами сурово рыкнул. Туземец в ответ вздохнул, попытался встать, но не смог.

Свами мгновенно выхватил пистолет и прицелился в него. Венерианин вытянулся и неподвижно замер на полу. Ванинг шагнул вперед, пылая от ярости, но Хоббс удержал его за руку.

— Полегче! — прошептал он. — Он уже мертв. Не стоит...

— Мертв? Но я не слышал звука выстрела.

— Ты не мог ничего услышать. Это оружие стреляет зарядом какой-то энергии, которая разрушает нервную систему. Он был убит мгновенно.

Свами повернулся к ним.

— Я должен убрать эту пададь. А потом мне придется сделать отчет. Зейд, возьми нового раба в Омбару.

— Подчиняюсь, — поклонился туземец и коснулся руки Ванинга. — Идем со мной.

ПРОВОЖАЕМЫЙ САРДОНИЧЕСКОЙ усмешкой Сандерсона, Ванинг пошел за венерианином по коридору и вверх по извилистой спиральной рампе. Он с трудом сдерживался.

— Боже мой! — наконец, прорычал он. — Эти дьяволы все время ведут себя так? Это же обычное хладнокровное убийство!

Зейд кивнул.

— Понимаешь, у них нет эмоций. Вы называете таких гедонистами. Они боги. Мы для них как животные. Как только мы допускаем ошибку или оказываемся бесполезными, нас убивают.

— И ты подчиняешься им?

— Я слышал, два года назад было восстание. Свами убили двадцать рабов. Свами похожи на рептилий — они почти неуязвимы. К тому же, у нас нет оружия.

— И разве нельзя достать его?

— Нет. Я даже не буду пытаться. Понимаешь, венериане не переносят боли. Для нас боль хуже смерти.

Ванинг хмыкнул, замолчал, и они прошли через затемненную арку. Никогда он не сможет забыть тот момент, когда впервые увидел город свами. Он было как...

Словно на дне океана!

Ванинг стоял на балконе над городом и глядел на огромную долину диаметром километра четыре, вырытую в сердце гор, словно вычерпанную космической чашей. Неба над головой не было. Полтолком над городом служила раковина из какого-то прозрачного вещества, огромный купол, который окружали скалистые стены.

Сквозь купол сочился серовато-зеленый свет. Изумрудные сумерки окутывали этот фантастический город, где росли диковинно закрученные здания, словно коралловые рифы. Это был настоящий лабиринт. И одновременно город был прекрасный, превосходящей всяческое воображение.

— Это они?.. Эти твари... Построили такое? — выдохнул Ванинг.

— Они понимают толк в красоте, — сказал Зейд. — У них есть определенные чувства, которых нет у нас. Ты сам увидишь...

Точно из центра города поднималась башня, гладкая и сверкающая, словно металл. Она достигала прозрачного купола и, казалось, проходила сквозь него, устремляясь в вечный облачный покров Венеры.

— Что это? — спросил Ванинг, указывая на башню. — Их храм?

В голосе Зейда прозвучала ирония.

— Это не храм, а ловушка. Это труба, через которую они запускают в небо споры Северной лихорадки. Дни и ночи без всяких перерывов вирусы улетают по этой трубе высоко в атмосферу, где разносятся по всей планете.

Воздух потемнел и сгустился. Кое-где появились радужные огни. *Огни эльфов в заколдованном мире*, подумал Ванинг.

Через гротескный город, теряясь в тени, шли такие же гротескные фигуры. Чудовища, которые правили здесь не как боги, а как бездушные дьяволы.

— Идем. Нам нужно спешить.

Зейд потянул Ванинга за руку.

По пандусу они спустились к извилистому проспекту. Становилось темнее, появлялось все больше огней. Однажды Ванинг остановился, увидев среди хорошо освещенного парка какую-то металлическую структуру.

— Зейд! Это же космический корабль! Легкая спасательная шлюпка...

Вениерианин кивнул.

— И он хорошо охраняется. Говорили, что он лет сто назад провалился через купол. Все люди в нем были убиты. Похоже на космическое крушение.

Вздвогнув, дальше они пошли молча. Ванинг понял, что произошло в далеком прошлом. Крушение в космосе, несколько оставшихся в живых сели в спасательную шлюпку и направились к ближайшей планете, полагая, что, если они достигнут Венеры, то будут спасены. Затем чудовищные бури и водовороты в верхних слоях покрытой облаками планеты, через которые мог пройти только большой космический корабль, разбили шлюпку...

Ванинг мягко присвистнул. Предположим, ему удастся попасть в эту шлюпку? Предположим, в ее резервуарах еще сохранилось топливо, и, предположим, оно не утратило со временем своих качеств? Но могла ли шлюпка прорваться через купол на свободу?

Разумеется, могла. На свободу, чтобы тут же погибнуть. Спасательная шлюпка, тем более устаревшей конструкции, не смогла бы уцелеть в бешеной атмосфере Венеры.

ВОЗЛЕ ОДНОГО из причудливо закрученных зданий Зейд остановился. Здание было больше, чем Ванингу казалось сверху, и он глядел во все глаза, пока следовал за венерианином по пандусу мимо занавешенных арок, и, наконец, они оказались в роскошной комнате наверху. Там на каком-то низком пуфике сидел свами, толстый и отвратительный, выпуклыми глазами глядя на вошедших.

— Вы опаздываете, — сказал он.

— Простите, — поклонился ему Зейд. — Мы пришли как можно быстрее.

— Возможно. И этот раб новичок. Однако, ошибки не допускаются. За твою ошибку вот тебе... — Рука свами поднялась, сжимая пистолет. — И тебе.

Ванинг инстинктивно напрягся, чтобы броситься вперед, но внезапно во всем его теле взорвалось жгучее пламя. Он упал на пол безжизненный кучей, задыхаясь. И рядом с собой увидел Зейда, чье беспомощное, толстое лицо было искривлено в агонии боли. *Венериане*, тут же вспомнил Ванинг, *ужасно чувствительны к боли*. И даже несмотря на собственные муки он почувствовал гнев на свами, который так безжалостно расправился с ними обоими.

Прошел один миг, хотя этот миг, казалось, тянулся вечно. Затем Зейд встал, снова поклонился и выскользнул из комнаты, предупреждающие взглянув на Ванинга, который тоже поднимался на ноги.

Свами поднял с пуфика свое громоздкое тело.

– Возьми поднос. Вот этот графин и кубок – для утоления моей жажды. Из этого распылителя нужно прыскать мне на лицо, когда я потребую. Этот вентилятор должен спасать меня от жары.

Ванинг молча взял поднос из тяжелого металла и последовал за громоздкой, чудовищной фигурой. Ему очень хотелось ударить подносом свами по голове. Но это бы ничего не решило. Во всяком случае, придется подождать. Одно неудавшееся нападение может стоить ему жизни.

Они прошли по извилистому проспекту и попали в амфитеатр со многими рядами, где свами нашел себе место на мягком троне. Все места уже были заполнены чудовищами. Возле многих из них стояли рабы – люди или венериане. Сам Ванинг стоял позади свами, готовый ко всему, и глядел вниз.

На дне амфитеатра был бассейн.

Бассейн был квадратный, со сторонами метра по три, наполненный черной, непрозрачной жидкостью. Больше там ничего не было.

– Обрызгай меня.

Ванинг обрызгал из распылителя чешуйчатое лицо своего хозяина. Затем опять огляделся.

Неподалеку, за другим свами стоял Сандерсон. Рыжий здоровяк заметил его взгляд и насмешливо усмехнулся.

Ни Хоббса, ни Зейда нигде не было видно. Но Ванинг не мог заглушить в себе удовольствие, когда увидел на несколько рядов ниже тонкую фигурку Лыслы, ее рыжие завитки, чуть колышущиеся в прохладном ночном воздухе. Поднос, похожий на его собственный, висел на тонкой шее девушки.

Удовольствие Ванинга утонуло в нахлынувшей на него обиде. Черт подери!

– Глупец! – раздался хриплый голос. – Я уже два раза потребовал обрызгать себя. Поставь поднос на пол.

Ванинг пришел в себя и повиновался. Свами повернулся к нему и поднял пистолет. И снова пылающая, кратковременная боль пронизала все тело детектива.

Он вытерпел ее и молча вернулся к своей задаче. Время от времени он выполнял требования свами. Но также улучал минутку, чтобы взглянуть на Лыслу.

ВАНИНГ НЕ ЗАМЕТИЛ начала церемонии. Он только почувствовал, что собравшиеся напряглись, и взгляды всех свами сосредоточились на черном бассейне. Но больше ничего не было видно. Тишина и гротескные фигуры на мягких сидениях, глядящие на бассейн на дне амфитеатра.

И это все? Прошло где-то около получаса. Время от времени свами требуют внимания к собственной персоне. Какого черта эти существа видели в бассейне?

Но они явно что-то там видели, Ванинг был уверен в этом. Потому что то и дело грубое тело свами охватывала дрожь чистого экстаза. Один раз Ванингу даже показалось, что он услышал какую-то музыкальную ноту, почти на пределе слышимости. Но она тут же исчезла.

Зейд говорил, что у свами иные чувства, нежели чем у людей. Возможно, сейчас используются именно эти странные чувства. Выходит, Ванинг так и не узнает ни особенности нечеловеческой психологии свами, ни цели черного бассейна. Тем не менее, он безошибочно чувствовал, что здесь есть нечто за пределами его собственных представлений.

Ванинг устал и переминался с ноги на ногу, ему казалось, что церемония никогда не кончится. В свободное время он наблюдал за Лыслой. Поэтому он увидел, как она наклонилась с заполненным бокалом и, потеряв равновесие, пролила его содержимое на колени своего свами.

Лысла мгновенно отпрянула назад, поднос со стуком упал на пол. Она сжалась, ее поза выражала панический ужас. И на то была причина. Свами поднялся и повернулся, в его огромной руке появился пистолет...

Ванинг понял, что он собирается убить Лыслу. Он уже был знаком с кодексом свами, не прощающим ошибок. И когда он увидел, как указательный палец потянулся к кнопке пуска, то стал действовать с быстрой, бездумной точностью.

Его рука схватила стоящий на подносе графин, и он метнул его безошибочно в цель. Графин врезался в лицо свами, угрожающему Лысле. Хрупкое стекло разбилось, тварь заморгала и начала протирать глаза. И тогда...

Ванинг перепрыгнул через своего свами и ринулся вниз по ступенькам. Он врезался плечом в моргающего над Лыслой чудовища, и тот полетел прямо на колени своему соседу. Ванинг подхватил пистолет, который уронил свами, повернулся и увидел испуганные глаза Лыслы.

— Джерри!.. — Она задохнулась. — О, нет!

Внезапно сверху раздался шум. Ванинг поднял взгляд и увидел, что Сандерсон размахивает, как маньяк, металлическим подносом. Ярко-рыжие волосы мужчины светились в окружающем странном свете, точно маяк. Он ударил подносом прямо в рычащую морду свами и крикнул Ванингу:

— Безумец! Слева от тебя дверь!

Размышлять не было времени! Слева дверь? Ванинг повернул голову и тут же увидел ее. Одной рукой он схватил Лыслу за руку, а другой злобно выстрелил из пистолета прямо в морду свами, поднимающегося перед ним.

Но тварь не упала. Ее руки сомкнулись вокруг Ванинга. Ванинг прижал к нему дуло пистолета и снова нажал кнопку пуска, но без всякого результата. Должно быть, эти твари были невосприимчивы к собственному оружию.

Все собравшиеся в амфитеатре замерли в шоке. В мгновение ока Ванинг заметил, что черный бассейн далеко внизу покрыт рябью. Но это не имело значения. А значение имел дьявол, который пытался сломать ему спину.

Лысла выхватила из руки Ванинга пистолет и дважды выстрелила в свами. Корявые руки разомкнулись. Но оба человека были уже почти схвачены приходящими в себя свами.

Затем в толпе кто-то мелькнул, и еще один.

— Вперед, малыш! Быстро!

Хоббс и Зейд! Они тоже идут на помощь. Как раз вовремя!

Неожиданное нападение сломало ряды свами, а затем земляне побежали по извилистым коридорам. Они уже были за пределами амфитеатра. Позади стучали тяжелые шаги, и Лысла торопила бегущих:

— Сюда. Они убьют нас, если поймают.

Она свернула в зияющей поблизости переулочек. Ванинг увидел бегущих за ним Хоббса и Сандерсона. Так что Сандерсон тоже ушел. Отлично!

А Зейд?

Венерианин с искаженным лицом бежал справа от Ванинга.

— Меня... Подстрелили... Продолжай бежать... Не обращай на меня внимания...

— Чушь собачья! — зарычал детектив и свободной рукой поднял дряблое тело венерианина себе на плечо.

При этом он подумал, что у Зейда больше мужества, чем у любого из них. У него было слабое телосложение, он ненавидел боль, но без колебаний присоединился к своим товарищам в безнадежной драке...

IV

ВАНИНГ ДОГНАЛ остальных, которые ждали его. После этого началась игра в зайцев и гончих. Лысла вела их по лабиринту города, ее тонкие ноги буквально летели по воздуху.

— Ты в порядке? — выдохнул Ванинг на бегу, на мгновение поравнявшись с девушкой.

Она прикусила белыми зубками нижнюю губу.

— Я... Я выстрелила прямо в глаза свами. Ослепила его. Это единственный способ... Ух!

— Куда нам теперь? — задыхаясь, спросил Хоббс, его светлые волосы развевались на бегу.

— Лысла? — спросил Сандерсон. — Может, мы...

— Я не знаю. Мы направляемся на север. Раньше туда никто не ходил. К южным воротам нельзя, они всегда охраняются.

— Здесь только два выхода, — задыхаясь, вставил Хоббс. — Как же нам вырваться наружу? Через ворота на севере?

— Мы попробуем, — сказал Ванинг, — если не сумеем добраться до космического корабля.

Внезапно Зейд зашевелился.

— Поставь меня на землю. Я уже в порядке. Космический корабль тоже охраняется. Но у северных ворот нет солдат. Не знаю, почему.

В городе нарастало волнение. Повсюду вспыхивало все больше огней, но беглецам удавалось держаться в тени. Дважды они прижимались к стенам, когда мимо бежали свами. Удача сопутствовала им, но кто знает, сколько это еще будет продолжаться.

Внезапно раздался громкий голос, разнесшийся по всем уголкам города. Казалось, он исходил из купола наверху.

— Внимание! Рабам запрещено появляться на улицах иначе, чем в сопровождении хозяина свами! Никто не смеет дать убежище беглецам, которые ослепили охранника! Захватите их живыми, если это возможно — они должны послужить примером остальным. Главное, не давайте им убежище!

Лысла побледнела. Ванинг взглянул на нее, но ничего не сказал. Все было и так хуже некуда. Только Сандерсон саркастически усмехнулся.

— Приятно вырваться на свободу, Ванинг. Как там насчет Каллахана?

Детектив только хмыкнул.

— Я бы предпочел спокойную смерть, — задыхаясь, сказал Зейд. — Терпеть не могу пыток.

Ванинг почувствовал укол симпатии к толстому маленькому туземцу. Но он ничем не мог помочь ему. Побег был единственным шансом.

— Вот, — наконец, выдохнула Лысла, остановившись в тени высокого здания. — Это внешние здания города. Там есть ворота.

За пустым пространством голой земли, высоко над их головами вздымалась металлическая стена. Ванинг критически поглядел на нее.

— Охранников не видно. Может, ворота просто заперты? Тем не менее... я пойду туда. Если там сваи, они набросятся на меня. Тогда убегайте изо всех сил. Не пытайтесь мне помочь.

Не дожидаясь ответа, он побежал через пустырь. Меньше чем через минуту он был уже возле двери здания. Никто так и не появился. Ванинг не слышал ничего подозрительного. Оглянувшись, он увидел, как в городе сияют переливающиеся эльфийские огни, и сверкает поднимающаяся к куполу труба — труба, через которую в атмосферу замученной, поработанной Венеры постоянно струились вирусы Северной лихорадки.

И это боги Венеры? — подумал Ванинг. *Скорее уж, дьяволы!*

Он повернулся к двери. Замки были на виду, и через пару минут уступили его умелым рукам. Дверь автоматически распахнулась.

За ней был пустой, освещенный туннель, свободный и тихий, тянущийся метров на пятьдесят. В конце туннеля виднелась еще одна дверь.

Ванинг поднял руку.

— Подождите еще немного, — тихонько сказал он. — Я пойду открою вторую дверь. Тогда бегите изо всех сил.

— Правильно! — воскликнул Сандерсон.

Спустя, казалось, вечность вторая дверь распахнулась. Ванинг подал сигнал и услышал звук бегущих ног. Но он не повернулся. Он устоял через порог, и в животе у него узлом свернулась тоскливая безнадежность.

ДВЕРЬ НА свободу была распахнута — словно в насмешку. За ней было дно каньона, расширяющегося вдаль. Но каньон протянулся всего на четверть километра от порога. А дальше было пламя.

Красный, ползущий огонь покрывал долину от непроницаемой стены до гранитного выступа. Кипящая лава поползла вниз по склону, и багровый, тусклый туман над ней скручивался алыми жгутами. Ничто живое не могло пройти этот ужасный барьер. Это было ясно с первого взгляда.

— По крайней мере, это будет более быстрая смерть, чем от рук свай, — очень тихо сказал Зейд.

— Нет! — инстинктивно ответил Ванинг. — Пусть я буду проклят, если погибну так просто. Или пускай...

Он замолчал, глядя на Лыслу. Ее голубые глаза были странно спокойными.

— Скалы? — предложила она.

Ванинг внимательно оглядел их.

— Нет. На них невозможно подняться. Неудивительно, что свами оставили эту дверь незащищенной!

— Главное, интересно, зачем она вообще им здесь? — спросил Хоббс.

— Возможно, когда-то здесь был выход. Затем прорывалась лава... я уже видел на Венере похожие лавовые поля, — хмыкнул Сандерсон. — Там был настоящий ад. Здесь никто не сможет пройти, за исключением саламандр.

— Значит, нет никакого способа? — спросила Лысла.

Ванинг потер подбородок.

— Способ есть. Безумный способ, но я не вижу другого, если только мы не сможем пройти через южные ворота.

— Это невозможно, — категорично возразил Хоббс.

— Да. Теперь возле них будет много охранников... Но я имею в виду космический корабль.

Воцарилось молчание, потом Зейд покачал головой.

— Никакой корабль не сможет уцелеть в атмосфере Венеры.

— Я же сказал, что это безумный способ. Но мы можем попытаться. Просто обязаны. Это единственный шанс, который у нас остается.

Сандерсон почесал свою рыжую голову.

— Я — за. Не хочу попасться живым... Я с тобой, Ванинг. Ты пилот?

— Да.

— Тогда, черт побери, ты должен быть лучшим пилотом в Системе, чтобы мы сумели выжить.

— Ладно, — сказала Лысла. — Чего мы тогда ждем?

На ее прекрасном, мрачном лице промелькнула неукротимая усмешка.

— Хорошая девочка, — кивнул ей Хоббс. — Во всяком случае, нужно выбираться отсюда. Возвращаемся в город.

Они прошли обратно, не позаботившись закрыть двери.

— Свами могут подумать, что мы пытались пройти через лаву, — пояснил Ванинг. — Нам пригодятся любые ложные следы, которые мы сможем оставить. А пока что лучше укрыться, пока не уляжется суматоха.

— Хорошая идея, — кивнул Сандерсон.

— Внешние здания пусты, это видно с первого взгляда. Мы можем найти укрытие...

Лысла привела их в одно из строений, в помещение, находящееся ниже уровня улицы.

— Они станут искать и здесь, но это займет какое-то время. А теперь, я думаю, нам остается только ждать.

Окон в помещении не было, а свет Лысла специально не включила, чтобы не привлекать внимания. Ванинг тоже ощущал подсознательное желание оставаться в темноте.

— Я начинаю понимать, как ты себя чувствуешь, Каллахан, — усмехнулся он. — Наверное, быть беглецом довольно сложно.

Никто не ответил.

Казалось, молчание тянулось бесконечно. Наконец, его нарушил Сандерсон.

— Мы кое о чем забыли. Сегодня на улицах не будет ни одного раба без свами.

— Я не забыла, — тихонько сказала Лысла. — Но другого пути у нас нет.

— Однако, у нас нет ни единого шанса спокойно пройти по улицам.

— Это я тоже знаю, — прошептала девушка. — Но...

Внезапно она съежилась, рыжие завитушки закрыли ей лицо. Тонкие плечи под красной кофточкой судорожно затряслись.

Сандерсон глубоко вздохнул. Усмешка скривила его губы.

— Ладно, Ванинг, — сказал он. — Дай мне гримерный набор.

Детектив уставился на него. Самое интересное, что он не испытывал никакого торжества. Вместо этого ему стало не по себе при мысли, что Сандерсон — человек, который сражался на его стороне — оказался Каллаханом.

— Я не...

Сандерсон — или Каллахан — нетерпеливо пожал плечами.

— Давай. Это единственная возможность. Я бы не выдал себя без крайней необходимости. А ты бы никогда не заподозрил меня... Так что отдай мне набор!

Ванинг молча передал ему коробочку с гримом. Лысла подняла голову и изумленными глазами уставилась на Каллахана. Хоббс, нахмурившись, жевал губу. Единственным, кто не казался удивленным, был Зейд.

Но даже он утратил свою бесстрастность, когда Каллахан взялся за грим. Это был словно ящик Пандоры. Казалось невероятным, что при помощи содержимого этой маленькой коробочки можно так загримироваться....

Каллахан использовал полированную металлическую стену вместо зеркала. Лысле он послал в соседнее здание за водой, затем смешал зеленоватую пасту, которую стал накладывать себе на лицо. Тоненькие проволоочки растянули его рот, превратив его в зияющую щель. Искусственная ткань закрыла лицо, так что нос совершенно исчез. Из изофлекса Каллахан вырезал кругляшки, тут же превра-

тив их в выпуклые, стеклянные глаза свами. Пальцы Каллахана так и порхали над гримом. Он смешивал, накладывал, подрисовывал, действуя безошибочно. Он даже изменил цвет своей одежды, облив ее раствором красителя, так что она потеряла красный оттенок, характерный для рабов.

И наконец... Перед Ванингом стоял свами!

— Вот и все, — устало сказал Каллахан. — Это прокатит, если не будет яркого освещения. А теперь идите и помогите Лысле нести караул. Я по очереди замаскирую вас всех. Это поможет.

Остальные вышли, но Ванинг не двинулся с места. Каллахан достал откуда-то из одежды промасленный пакет и протянул его.

— Вот договор. Полагаю, вы пришли за ним.

Детектив открыл пакет и проверил его содержимое. Затем кивнул. Это был тот самый жизненно важный договор, который вызвал бы на Каллисто революцию. Ванинг медленно разорвал его на крошечные клочки, и поглядел на Каллахана. Ему как-то трудно оказалось найти нужные слова.

Каллахан пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Я полагаю, ты вернешь меня на Землю, если мы выберемся отсюда живыми.

— Да, — почти неслышно сказал Ванинг.

— Хорошо. — Голос Каллахана звучал устало. — Пошли. Мы не успеем замаскировать всех — это был просто повод дать нам поговорить наедине. О нашем частном деле...

Он направился к двери неуклюжей, топчущей походкой свами, Ванинг последовал за ним по пятам.

Остальные ждали снаружи.

— Ладно, — сказал Ванинг. — Начинаем. Гримироваться нет времени. Идемте...

ВСЕ ПЯТЕРО тесной группой двинулись по проспекту. Каллахан шагал впереди.

Маскировка беглеца была почти совершенной, но, тем не менее, он не целиком доверял ей. Когда была возможность, он выбирал тускло освещенную улицу. Остальные четверо шли за ним следом. Мимо, хотя и вдалеке, прошел патруль Стражей свами.

— Я волнуюсь, — прошептал Каллахан Ванингу. — У этих существ есть органы чувств, отличающиеся от наших. Я подозреваю, что отчасти они общаются телепатически. И если они попробуют это с нами...

— Давай поспешим, — сказал детектив, бросил взгляд на Лыслу. — И ради бога, не заблудись.

— Не заблужусь. Я направляюсь к левой стороне башни-трубы. Верно?

Зейд кивнул.

— Так оно и есть. Я скажу вам, если мы свернем не туда. Осторожней!..

Какой-то свами направился было к ним, но Каллахан поспешно свернул в переулок, делая крюк, чтобы избежать встречи с ним. Некоторое время они были в безопасности...

Лысла прижималась вплотную к Ванингу, и он успокаивающе пожал ей руку, пытаясь вселить в девушку уверенность, которой сам не чувствовал. До сих пор он не осознавал важность окружающей среды. На Марсе или безжизненном Каллисто он никогда не чувствовал такой беспомощности перед лицом огромных, бесчеловечных сил, с которыми невозможно было сражаться. Не было ни единого шанса!

Но им невероятно повезло. Они добрались до места назначения без происшествий. Спрятавшись в тени на краю площади, где стоял космический корабль, они поглядели на находящихся возле него трех охранников, вооруженных, бдительных.

— Их всего трое, — сказала Лысла.

Ванинг покусал губу.

— Каллахан, ты знаешь о замках больше, чем я. Когда мы побегим, обойди корабль с другой стороны и открой люк. Это может быть непросто. А тем временем мы... Мы попытаемся отвлечь свами.

— Наверное, так будет лучше всего, — кивнул Каллахан. — У нас только один пистолет.

— Ну, он не поможет. Лысла, ты пойдешь с Каллаханом.

Голубые глаза девушки вспыхнули.

— Нет! Вам предстоит справиться с охранниками. Я буду сражаться рядом с тобой.

— Ладно, — хмыкнул Ванинг. — Возьми пистолет. Воспользуйся им, когда получишь шанс, но будь осторожна. Зейд? Хоббс? Готовы?

Двое мужчин молча кивнули.

Устало усмехнувшись, Ванинг последовал за замаскированным Каллаханом, когда тот направился к кораблю. Может быть, охранники не встревожатся при виде представителя, как они думали, собственной расы. Но этот маскарад не мог действовать бесконечно.

Часовые устали на подходящих, но не предпринимали никаких враждебных действий. Затем один из них задал вопрос. Каллахан не ответил. Он продолжал топтать кораблю. Его замаскированное лицо было бесстрастным и отвратительным. Ванин, шагая за

ним по пятам, был напряжен, как натянутая струна. Рядом с собой он слышал тяжелое дыхание Зейда.

Обе группы разделяли двадцать шагов... пятнадцать... десять... Охранник что-то крикнул. Рука его поднялась, уродливые пальцы схватились за пистолет.

Одновременно Лысла вскинула свое оружие и выстрелила. Раз, другой, и свами закричал, роняя пистолет и хватаясь за глаза. А затем...

— Вперед! — проревел Ванинг и бросился на него. — Каллахан! Открывай люк!

ЗАМАСКИРОВАННАЯ ФИГУРА заколебалась, шепча что-то, что могло быть ругательствами, а затем побежала, огибая космический корабль. Но Ванинг уже не смотрел на него. Он врезался плечом в грудь второго стража, и они вместе упали, вцепившись друг в друга и болтая ногами.

Свами был невероятно силен. Он широко разинул рот и попытался впиться зубами Ванингу в горло. С невероятным усилием детектив вывернулся, но к этому времени у него вырвали пистолет. Тело Ванинга пронзила агония пылающей боли, которая мгновенно исчезла. Оружие не было настроено на убийство.

Свами одним пальцем ухитрился перенастроить пистолет. Но и Ванинг не стоял на месте. Он схватил пистолет за ствол и жестоким приемом выкрутил его. Раздался хруст ломающихся костей, свами хрипло завопил, когда сломались его пальцы.

Однако, он не был побежден — отнюдь! Не обращая внимания на невероятную боль, он обхватил Ванинга и сжал так, что тот не смог дышать. Детектив почувствовал, что теряет сознание. Невозможно было разорвать эту стальную хватку.

И снова клыки потянулись к его горлу. Но Ванинг не дал им сомкнуться. Левой рукой он схватил нижнюю челюсть чудовища, а правой — верхнюю. Острые зубы порезали ему пальцы, но Ванинг не почувствовал боли. Он чувствовал только грязное, порывистое дыхание, на своем потном лице.

Но и это не остановило Ванинга, который все шире и шире открывал рот существа!

Из глотки свами вырвался хриплый рев. Потом раздался громкий треск, и тело свами содрогнулось. Могучие руки сжались, чуть не сломав Ванингу спину, затем тут же расслабились. Свами остался неподвижно лежать со сломанным позвоночником. Потом Ванинг вздрогнул, услышав громкий рев. Этот рев не был воображаемым. По площади к ним, дико вопя, бежали чудовищные фигуры: свами, десятки свами!

– Ванинг! – прохрипел голос Хоббса.

По земле единой массой катались три фигуры: Зейд, Хоббс и еще один свами. Причем чудовище побеждало. Его выпученные глаза сверкали безумной яростью. На кривых руках вздулись мускулы, когда он терзал своих противников.

Выругавшись сквозь зубы, Ванинг подхватил с земли пистолет, который уронил его враг, и бросился вперед. Цель была хорошо видна. Глаза свами затуманились, когда выстрел из энергетического пистолета произвел короткое замыкание в его нервах.

Остальные свами были уже опасно близко, когда Ванинг, согнувшись, попытался разжать мощные руки чудовища. Бесполезно!

Тогда он прижал дуло пистолета свами подмышку и выстрелил раз, потом еще раз. Одна рука чудовища начала извиваться, Ванинг подхватил обоих человек и буквально вырвал их из рук свами.

– Люк, – пробормотал Ванинг. – Быстрее в корабль!

Хоббс поднял Зейда и, шатаясь, побежал вокруг корабля. Ванинг повернулся и увидел тонкое тело Лыслы, неподвижно лежащее на земле, прямо на пути несущихся свами.

Он бросился вперед, одним движением подхватил девушку и побежал обратно так, словно весь ад гнался за ним по пятам. Раздался вопль. Боль пронзила все тело Ванинга, и он чуть не упал. Но эта боль, хотя и мучительная, тут же прошла. Тяжело дыша, детектив обогнул корабль и увидел круглое отверстие открытого люка.

Он бросился к нему. Из малинового тумана, висящего перед глазами, возникло лицо Каллахан. Каллахан выскочил из корабля, принял Лыслу из рук Ванинга и снова ринулся в люк.

Ванинг побежал следом за ним и увидел, как Каллахан остановился на пороге. Его рука легла на рычаг, закрывающий корабельный люк, и Каллахан застыл в странной нерешительности. На один короткий миг взгляды их встретились.

ВАНИНГ ПРОЧЕЛ кое-что во взгляде Каллахан и понял, в чем дело. Если Каллахан закроет люк сейчас, оставив Ванинга снаружи – то обезопасит себя от закона. Несомненно, этот человек умел пилотировать космический корабль.

Позади Ванинга снова раздался вопль. Каллахан выругался сквозь зубы, схватил детектива за руку и рывком затащил его в корабль. Передний свами попытался последовать за ним, но Каллахан жестоко врезал ногой в отвратительную морду чудовища, откинув его прямо в своих набегающих сотоварищей.

Затем люк захлопнулся!

Люк захлопнулся, и в корабле мгновенно стало очень тихо.

Ванингу удалось подняться на ноги. Он не глядел на Каллахана. Лысла лежала неподвижно. Хоббс стоял на коленях возле нее.

— С Лыслей все в порядке? — прорычал детектив.

— Да, — ответил Хоббс. — Выстрел из пистолета парализовал ее, но скоро она придет в себя.

— Отлично, — буркнул Ванинг и повернулся к пульту управления.

Пульт казался архаичным, да и весь дизайн корабля выглядел странным. Корабль был построен столетия назад, ржавчина и желтая коррозия виднелись повсюду.

— Как ты думаешь, он сможет взлететь? — спросил Каллахан, когда Ванинг опустил на место пилота.

— Будем надеяться и молиться! Так, поглядим, сколько у нас топлива...

Он нажал кнопку, и взгляд его метнулся к указателю топлива.

Стрелка прибора лишь слегка вздрогнула.

Каллахан ничего не сказал. Лицо Ванинга посерело.

— Топлива нет, — сказал он.

Снаружи толстого люка раздался шум.

— Они не смогут войти, — медленно проговорил Каллахан.

— А мы не сможем поднять корабль, — возразил Ванинг. — Когда у нас кончится воздух, мы просто задохнемся. Если до этого не сдадимся сами.

— Ну, это уж вряд ли! — рассмеялся Хоббс. — Но здесь нет никакого оружия. Из корабля все вынесли.

— Если бы мы сумели прорваться сквозь купол... — начал было Каллахан.

— На это топлива, может, и хватит, если работают двигатели. Но что потом? Топливо кончится, пока мы еще будем набирать высоту, мы полетим вниз и разобьемся. Тебе прекрасно известно, что это верная смерть. — Ванинг нажал еще одну кнопку на пульте. — Поглядим, работает ли видеоэкран.

Экран, как ни странно, работал. На панели перед ним тускло загорелось пятно. Затем на экране появилось туманное, потрескавшееся посередине изображение. Они увидели площадь, в которую вливались все больше сами, а на заднем плане возвышались закрученные здания, над которыми вдали нависала башня.

Ванинг перевел дыхание.

— Послушайте, — сказал он, — есть еще один шанс, чертовски маленький, почти ускользающий шанс...

— Какой?

Детектив заколебался. Если он начнет обдумывать возникший у него в голове сумасшедший план, то поймет, что это совершенно невозможно. Вместо этого он резко крикнул:

– Держитесь! Мы взлетаем!

Каллахан взглянул на усталое, осунувшееся лицо Ванинга, затем развернулся, подхватил с пола тело Лыслы и ринулся в угол. Зейд и Хоббс последовали за ним. Прежде чем они успели что-нибудь сказать, Ванинг включил двигатели.

Про себя он молился, чтобы в трубопроводах оставалось немного топлива – немного, чтобы только хватило на взлет. И мгновенно был дан ответ на его мольбу. С оглушительным ревом реактивных двигателей спасательная шлюпка вылетела из-под земли!

Но рев тут же смолк. Топлива больше не было.

Ванинг уставился на экран. Под ними был город свами, мерцали эльфийские огни, словно из земли вырастали скрученные, точно странные грибы, коралловые дворцы. Его руки машинально управляли направлением полета, работая стабилизаторами и закрылками на корпусе корабля.

Спасательная шлюпка очертила в небе дугу и начала падать вниз...

Прямо впереди высилась сияющая башня-труба. До боли стиснув зубы, Ванинг удерживал свой курс. Ветер свистел вокруг корабля.

Труба становилось все больше. Она уже закрыла собой весь город. Затем Ванинг успел увидеть металлическую поверхность, стеной поднимающуюся впереди.

И корабль ударил прямо в нее!

С оглушительным скрежетом рвущегося металла космический корабль пробил трубу. На экране был виден лишь водоворот осколков. Затем впереди вспыхнул яркий свет.

Пылающее солнце взорвалось в голове Ванинга. Дальнейшего он уже не видел...

V

ВАНИНГ ОТКРЫЛ глаза и увидел нависшего над собой Зейда. Жирное лицо венерианина было покрыто кровью, но Зейд улыбался.

– Привет, – сказал Ванинг, с трудом садясь.

Зейд кивнул.

– Остальные в порядке. Правда, они все еще без сознания.

– Мы вроде бы упали...

– У Хоббса сломана рука, а у меня, кажется, ребро. Но корабль оказался крепче.

Ванинг поднялся. Его глаза уловили движение на экране, который неведомо каким образом пережил удар от приземления. Ванинг сделал пару шагов и рухнул в кресло пилота.

Под ними лежал город свами. Корабль упал на одну из его башен, словно в колыбель, потом скатился вниз, носом на север. Вдалеке метрах в десяти над землей поднимались зазубренные обломки трубы. Остальной трубы не было видно, хотя на улицах повсюду валялись блестящие, скрученные металлические пластины.

А по проспектам двигались какие-то фигуры. Это были свами, и двигались они, точно автоматы. Двигались только в одном направлении – от корабля.

Насколько Ванинг понял, свами покидали свой город.

– Ты очень умный, – тихонько сказал Зейд. – Я все еще не понимаю...

– Это был единственный способ, – пожал плечами Ванинг, голос его звучал устало. – Я разбил трубу, которая выбрасывала в верхние слои атмосферы вирусы Северной лихорадки. Вирусы выпускались из города в огромном количестве. Ты знаешь, как быстро они действуют. Поэтому они и...

– Да. Они начинают действовать очень быстро.

– Те, кто пережил лихорадку, становятся невосприимчивыми к ней. Так что рабы не страдают. Пострадают только свами. Они получают дозу своего же лекарства.

– Они идут на север, – сказал Зейд. – Из города.

Так оно и было. Вдалеке свами вырывались через северные ворота и исчезали за их пределами. Ничто не могло их остановить. Смертоносный вирус, который они сами же создали, пылал в их венах, и они двигались только на север.

Они даже не шли, они бежали, словно им не терпелось встретить свою гибель. По городу мчались гротескные, отвратительные фигуры, не осознавая ничего, кроме ужасного, безжалостного понуждения, которое толкало их слепо на север. Через северные ворота.

Через ворота – прямо в лавовые ямы.

Плечи Ванинга поникли.

– Это противно. Но... Я полагаю...

– Даже боги должны умирать, – сказал Зейд.

– Да... Ну, что же, нам еще предстоит много работы. Нужно найти еду, воду и предметы первой необходимости, а потом мы отправимся на юг, чтобы найти там помощь. Отправимся маленькой группой. А когда мы доберемся до цивилизованных мест, то пошлем сюда военных на «болотных кошках», чтобы спасти осталь-

ных рабов из этого адского уголка. Потом мы сможем улететь с Венеры на Землю. Так что все будет в порядке...

— Да, это вполне возможно, хотя и сложно.

Глаза Зейда под капюшоном явно глядели насмешливо.

— Что-то еще?

— Каллахана здесь нет.

— А где он?

Венерианин быстро взмахнул рукой.

— Когда он очнулся, то сказал мне: «Передай, что я не хочу идти в тюрьму...» И он ушел.

— Куда? — тихонько спросил Ванинг.

— В Венера-Пристань. Час назад он покинул корабль, чтобы найти еду и оружие, и сейчас уже находится где-то на пути к южным болотам. Он еще он сказал, что, добравшись до города, сядет там на ближайший космический корабль и улетит куда угодно.

— Понятно...Значит, он направляется в Венера-Пристань. Прежде чем мы уйдем, нам будет нужно кое-что сделать.

ХОББС И ДЕВУШКА зашевелились одновременно. Вскоре они придут в себя, и тогда начнется работа. *Поскольку свами покинули город, будет нетрудно организовать рабов, сколотить из них команду и отправиться в Венера-Пристань*, с кривой усмешкой подумал Ванинг. Но Каллахан к тому времени уже улетит оттуда. Ванинг не был этому удивлен. Каллахан так никогда и не узнает, что детектив очнулся раньше всех остальных, но притворялся, что лежит без сознания, чтобы позволить Каллахану успеть убежать.

Ванинг пожал плечами. Возможно, это было чертовски глупо. Но...

— Ладно, — сказал он Зейду. — Давай приходить в себя. Нас еще ждет много работы!

War-gods of the void, (Planet Stories, 1942, Fall), пер. Андрей Бурцев

PLANET STORIES

STRANGE ADVENTURES ON OTHER
WORLDS—THE UNIVERSE OF
FUTURE CENTURIES

WINTER 1947

CRYPT-CITY OF THE DEATHLESS ONE

THE B-GONE ANCIENTS HAD
LEFT CREATURES ON WATCH
A THRILLING NOVEL

by HENRY KUTNER

Also NELSON S. BOND
ALBERT PINA

ГОРОД-СКЛЕП БЕССМЕРТНЫХ

I

В ЛИЦО Эду Гарту плеснули ледяной водой, которая стекла по его порванной, грязной рубашке. Открыть глаза оказалось невероятно трудно. В голове плыли пары ганимедианского пойла.

Кто-то яростно тряс его. Коренастое тело Гарта судорожно дергалось. Он яростно махнул рукой, его распухшее от выпивки лицо перекосилось от злобы.

— *Илгана!* — выпалил он. — *Во м'трана аль-крон...*

Чья-то рука оставила его плечо в покое.

— Это Древний Язык, Пола! — воскликнул кто-то.

— Ты уверен? — с сомнением и едва заметным отвращением спросил женский голос. — Но откуда он, черт побери, его знает? Этот... этот?...

— Нищий, бродяга, — сонно глядя на бледные овалы размытых лиц, нависающих над ним, пробормотал Гарт. — Не обращай на меня внимания, сестренка. Самое правильное слово — бич*, сейчас пьяный. Так что, пожалуйста, уберите отсюда, чтобы я мог спокойно допить оставшееся.

Гарта снова облили водой. Он помотал головой и простонал, затем увидел ганимедианского торговца Толомо, хмуро глядящего на него. Глаза с тремя зрачками сердито сверкали.

— Приходи в себя, Гарт! — с акцентом прошипел туземец по-английски. — Ты слышишь меня? Для тебя есть работа. Ты и так должен мне слишком много. Эти люди пришли за тобой, им нужен проводник. Ты сделаешь то, что им нужно, и рассчитаешься со мной за выпивку, которую берешь в кредит.

— Конечно, — устало пробормотал Гарт. — Только завтра. Не сейчас.

Толомо фыркнул.

— Я найду вам местных проводников, капитан Браун. Они знают, как добраться до Чанна.

— Мне не нужны местные, — упрямо ответил тот. — Я пришел за Эдом Гартом.

* Бич — бродяга, живущий на пляже и зарабатывающий пропитание продажей ракушек, прочих найденных на пляже вещей (прим. перев.)

CRYPT-CITY
of the
DEATHLESS ONE

*A grimly-stirring novel of weird
adventure on an alien world*

by
HENRY KUTTNER

— Ну, вам его не видать, как своих ушей — положив руки под голову, проворчал Гарт. — В этом притоне и так воняет, и вы никак не улучшаете положение, а, скорее, делаете все только хуже. Так что уходите.

Он не видел, как капитан Браун сунул в руку Толомо сложенную купюру. Торговец ловко спрятал деньги, кивнул и схватил Гарта за волосы, подняв ему голову. Синее, нечеловеческое лицо оказалось прямо перед носом землянина.

— Послушай меня, Гарт, — отчетливо отделяя слова друг от друга, сказал Толомо. — Я позволяю тебе приходить сюда и пить в кредит, сколько влезет. Всякий раз, когда у тебя есть хоть немного алка-корней, ты платишь мне, но очень мало. Ты не представляешь, сколько ты уже должен. Меня начинают спрашивать, почему я разрешаю бродяге вроде тебя приходить в мой шикарный бар «Лунный цветок»...

— Не смей меня, — пробормотал Гарт. — Разваливающаяся пластовая ночлежка, полная тараканов и дерьмовой выпивки. И это ты называешь шикарным баром? Чушь!

— Заткнись, — выпалил Толомо. — Я всегда наливаю тебе, хотя все остальные просто выгнали бы тебя пинком под зад. Так что сейчас ты берешь эту работу и возвращаешь мне долг после ее выполнения, иначе маршалы посадят тебя в тюрьму. Или отправят на каторгу в болота.

Гарт обозвал Толомо непечатными словами.

— Ладно, — простонал он. — Ты победил, засранец. Тебе отлично известно, что землянину не справиться с работой на болотах даже в сапогах. А теперь отпусти мои волосы, пока я не выбил тебе зубы.

— Так ты возьмешься за работу? Отведешь этих людей, куда они просят?

— Я же сказал, что да, не так ли?

Гарт протянул руку и с трудом нащупал бутылку. Кто-то сунул ему полный стакан. Он залпом выпил жгучую фиолетовую жидкость, содрогнулся и резко выдохнул.

— Ладно, — сказал Гарт. — Добро пожаловать на Ганимед, лучшее место в Солнечной системе. Худший климат, не считая Ада, единственный практически неисследованный мир, где больше всего возможностей отправиться к чертям собачьим. Торговая Палата приветствует вас. Вот ее представитель.

Он указал на шестилапую ящерицу с мордой горгульи, спрыгнувшую со стола в тень, куда не доходил свет радиолампы.

— Я дам вам пятьдесят долларов, если вы доведете нас до разрушенного города Чанна, — сказал капитан Браун. — И, возможно, предложу еще десять тысяч, если сделаете для нас еще кое-что.

CRYPT-CITY OF THE DEATHLESS ONE

By Henry Kuttner

Only once could a man defy the deathless guardians of the Ancient's tomb-city deep in Ganymede's hell-forest and expect to live. Yet Ed Garth had to return, had to lead men to certain doom—to keep a promise to a girl he would never see again.

ПОСЛЕДНИЕ слова привели Гарт в чувства гораздо лучше холодной воды. Он поднял голову и впервые посмотрел на будущих спутников. Их было двое — мужчина и девушка, облаченные в одежду для путешественников, не соответствующую мрачному приюту. Худой и загорелый мужчина выглядел так, словно из него выкипела вся вода, пока он жарился под солнцем. *Закаленный человек*, подумал Гарт. Прежде Гарт никогда не видел такого бесстрастного лица — оно было бледным, со впалыми глазами, маленьким ртом с

тонкими губами, и в целом напоминало морду тигра, которому на все наплевать.

Девушка... Гарту внезапно стало плохо. Девушка очень походила на Мойру. На одну невероятную секунду из-за выпивки, затуманившей разум, ему показалось, что вернулась Мойра. Но она умерла — причем почти пять лет назад.

Пять лет Гарт жил на грани смерти — скатывался по наклонной на Ганимеде, где люди вообще долго не живут. Мрачное лицо Гарта напряглось. Он заставил себя взглянуть на девушку.

Все-таки это была не Мойра. Эта девушка тоже излучала женственность, но ее волосы были золотисто-рыжими, а не каштановыми, глаза — зелеными, а не голубыми. Мягкие черты ее лица не сочетались с округлым подбородком, говорящим об упрямстве.

— Десять тысяч? — тихо повторил Гарт. — Я не понимаю. Любой местный мог бы отвести вас в Чанн.

— Нам это отлично известно, — сказала девушка. — Нас интересует... кое-что еще. Так что, вам нужны десять тысяч?

— Да! Да, конечно, — быстро ответил Гарт.

— Что вы будете с ними делать? Вернетесь на Землю? Мы могли бы устроить вас здесь на работу. С тех пор, как началась Серебряная Чума, тут вечно не хватает людей.

Гарт взял в руку стакан и медленно сжал его так, что прозрачный пластик изменил форму. На девушку он не смотрел.

— Земля мне больше не нужна. Если у меня будет... десять тысяч? — я покончу жизнь самоубийством, причем очень забавным образом. Я отправлюсь в Черный Лес. На ваши деньги я куплю необходимое оборудование и найму подходящих людей... Понимаете, оттуда никто не возвращается живым.

— Но ведь ты же вернулся, — заметил капитан Браун.

— Неужели? Откуда вы об этом узнали?

— Мы много чего слышали про тебя... даже слишком много. Например, нам известно, что ты вышел из Черного Леса шесть лет назад, страдая от лихорадки и говоря на языке, которого никто не понимал. А также то, что с тех пор ты регулярно возвращаешься туда. Так что произошло? Я знаю, что ты пытался организовать экспедицию по спасению человека по имени Уиллард — он был с тобой, не так ли?

Гарт снова почувствовал боль в голове — этот чудовищный вопрос мучал его уже пять лет. Он внезапно ударил кулаком по столу. Толомо выглянул из-за занавески и спрятался снова, когда Браун махнул рукой в его сторону.

— Забудьте об этом, — сказал Гарт. — Даже на Ганимеде люди не лезут в чужие дела... обычно.

Браун почесал щеку мозолистым большим пальцем.

— Как хочешь. В общем, расклад такой: ты все держишь в секрете, иначе сделка отменяется. Позже ты узнаешь, к чему это все. Так или иначе, мы хотим, чтобы ты провел нас в Черный Лес.

ГАРТ хрипло и горько засмеялся. Браун с девушкой равнодушно смотрели на него.

— Что тут смешного? — нахмурившись, спросила девушка.

— В общем-то, ничего, — серьезно ответил Гарт. — Просто я уже пять лет потею кровью, пытаюсь забраться в Лес как можно глубже, и знаю его лучше всех на Ганимеде. Видите это? — Он закатал рукав и показал фиолетовый шрам на руке. — Хищное растение. Я не мог отцепиться от него. Пули и ножи не наносили кровососу никакого вреда. Мне пришлось ждать два часа, пока он насытится. Только потом я смог вырваться из его хватки.

— Я тоже получил несколько шрамов, — тихо сказал Браун.

— Но не в Черном Лесу, — сердито уставившись на него, сказал Гарт. — Единственный способ пройти через это логово ужасных тварей — собрать большую вооруженную экспедицию. Вы когда-нибудь... слышали о ноктоли?

— Нет. Что это...

— Цветы. У них странная пыльца — я бы сказал, даже слишком странная. Она оседает внутри организма и вызывает амнезию. Не помогают даже противогазы. Пыльца проникает прямо через поры.

— С вами тоже такое было? — поинтересовалась девушка.

Гарт содрогнулся и сделал очередной глоток.

— Да... один раз. Позже я создал противоядие. В любом случае, теперь у меня иммунитет. Но это все равно смешно. А вы хотите отправиться в Черный Лес вдвоем!

Лицо Брауна осталось бесстрастным.

— С хорошо вооруженной экспедицией. Я позабочусь об этом.

— О, это уже другое дело. Но... что вам там нужно?

— Там красивая природа, — ответила девушка.

— Понятно, — ухмыльнулся Гарт. — Я тоже слышал эти истории. На Ганимеде всем известно о Древних.

— А что именно о них? — прищурившись, спросил капитан Браун.

— Вы про затерянную расу? Ну, жили они на Ганимеде тысячи лет назад и обладали величайшей наукой в Солнечной системе. Потом вымерли, причем никто не знает, почему, и секреты их цивилизации были утрачены. Чанн — лишь один из их разрушенных городов. В целом нашли штук десять. Они набиты устройствами и роботами, действующими на неизвестных принципах. У Древних был какой-то центральный источник энергии, но земляне так и не

выяснили, как он функционирует и какое топливо использует. Найденные в городах надписи никак не помогли.

— Все так, — кивнул Браун. — Только ты кое-то забыл. Тебе известен Древний Язык. Ты говоришь на нем.

Гарт закусил губу.

— И что с того?

— Где ты выучил его?

— Не знаю. Наверное, в Черном Лесу. Я не помню.

Девушка нетерпеливо взмахнула рукой. Браун взглянул на нее, и она не стала ничего говорить.

— Тебя научили зарно, Гарт?

— *Я не знаю!* Нет ни единого доказательства существования зарно!

— Если ты зашел в Черный Лес достаточно глубоко...

— Помните, что я рассказал вам про ноктоли? — сердито спросил Гарт. — Про пыльцу этого растения? Так вот, когда я вернулся в Орпорт, у меня была амнезия. Я... — Он заколебался. — В общем, я не помню. Я не помню, что случилось в Черном Лесу.

— Гм-м-м. — Браун снова потер щеку. — Затерянная раса дикарей, которых не видел ни один приезжий... раса, говорящая на языке Древних. Как они могут жить в окружении цветков ноктоли?

— Врожденный иммунитет, — объяснил Гарт. — Наверное, он появился у них за несколько поколений. А у меня его не было... тогда.

ДЕВУШКА подалась вперед, не обращая внимания на Брауна.

— Мистер Гарт, — быстро сказала она, — мне бы хотелось кое-что объяснить. Молчи, Карвер! — Она хмуро взглянула на Брауна. — В Черном Лесу слишком много загадок. Суть вот в чем. У меня есть половина... карты. На ней показано расположение чего-то невероятно ценного, находящегося в Черном Лесу — величайшего сокровища во всей Системе. Я не знаю, что это. Описание есть только на языке Древних, но оно чертовски непонятное. Однако Древние считали это сокровище достаточно важным, чтобы спрятать его в Черном Лесу. Они приказали зарно охранять его. Понимаете?

— И что с того? — проворчал Гарт.

— Ну... я археолог Пола Трент. Но это не так уж важно. Несколько месяцев мы с Карвером ждали возможности организовать экспедицию и отправиться туда. Поначалу у нас не было денег, а когда мы собрали нужную сумму, государство отказалось выдать нам разрешение. Якобы, у нас нет доказательств существования сокровища, а кроме того, Черный Лес непроходим. В итоге, нам пришлось ждать еще. Спустя месяц мы узнали об исследовательском корабле под названием «Охотник», летящем на Ганимед, чтобы изучить город

Чанн. Все как обычно — его экипажу захотелось покопаться в руинах, чтобы узнать, на чем работали механизмы и роботы Древних, а также понять смысл надписей. И найти лекарство от Серебряной Чумы.

— Насколько мне известно, такого лекарства до сих пор не существует, — заметил Гарт.

Пола кивнула.

— Верно. Болезнь появилась на Земле десять лет назад и уже уничтожила двадцатую часть населения. Если ее не остановить, всей жизни грозит огромная опасность. Но об этом все знают уже давно. Большинству, однако, не известно, что государство посылает на Ганимед лучших людей, так как Серебряная Чума когда-то бушевала здесь и была побеждена. Об этом говорят надписи в Чанне. Но не указывают на то, что являлось лекарством, не дают даже никаких намеков. Однако... — Девушка смахнула со лба золотисто-рыжую прядь, — ...у нас с Карвером есть свои люди в команде «Охотника», надежные ребята, которые пойдут с нами в Черный Лес, прихватив снаряжение.

— Бросив своих товарищей?

— Ну-у... да. Но это единственный способ. Нас никто не слушает. Мы знаем... *знаем*, что Древние спрятали самое ценное в Черном Лесу. Нам не известно, что это. Но мы надеемся, что находка поможет найти ответы на многие вопросы — что Древние использовали в качестве топлива, и почему они вымерли? — и другие, чуть менее важные.

— Самолеты использовать нельзя, — сказал Гарт. — В Черном Лесу негде сесть.

— Вот почему нам нужны именно вы. Вы знаете Лес и Древний Язык. Отведите экипаж «Охотника» в Чанн, а затем, когда мы дадим команду — отправьтесь с нами в Черный Лес.

— Только с одним условием, — сказал Гарт. — Вы никуда не пойдете.

Пола прищурилась.

— Вы не вправе...

— Мужчины могут пройти в Лес. Женщины — нет. Соглашайтесь или уходите, — упрямо сказал Гарт.

Капитан Браун кивнул девушке.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Прости, Пола, но он командует парадом. Вот десять баксов, Гарт. Остальное получишь, когда мы доберемся до Чанна. Экспедиция отправится завтра на восходе Юпитера.

ГАРТ ничего не ответил. Через пару секунд Пола с Брауном встали и вышли из комнаты, откинув заплесневелую штору, слу-

жащую дверь. Гарт не обиделся на них. В «Лунном цветке» противно воняло.

Потом он нашел Толомо и отдал ему деньги. Ганимедианин взволнованно зашипел:

— Всего десять?

— Остальное получишь потом. Дай бутылку.

— Мне кажется, не стоит...

Гарт лег животом на стойку и схватил литровую бутылку.

— На прощание надо сделать пару плотков, — заметил он. — Чтобы очиститься.

— *Сфант!* — бросил Толомо вслед Гарту, направившемуся к двери.

У Гарта покраснели щеки от этого непередаваемого ганимедианского ругательства, но он не стал оборачиваться и просто вышел на грязную улицу, где дул сильный, холодный ветер с запахом серы, бьющим в нос.

Гарт осмотрел скопления пластмассовых хижин местных жителей. До прибытия «Охотника» он был единственным землянином в Ортауне. А сейчас...

Ему не хотелось разговаривать с местными. Гора Тор возвышалась на фоне фиолетового неба, в котором тускло светились три спутника Юпитера, похожие на лампы. У подножия Тора располагалась хижина Гарта.

Немного пошатываясь, он направился к ней с бутылкой в руке. Этого момента он ждал пять лет. Теперь, когда у него, наконец, появилась возможность найти ответ на вопрос, сделавший его живым трупом, он испугался.

Войдя в жилище, Гарт включил радио и уставился на дверь, которую не открывал уже давно. Тихонько вздохнув, он отодвинул засов. Пахнуло гнилью и сыростью.

Лампа осветила хорошо оснащенную медицинскую лабораторию, судя по всему, не использовавшуюся дольше месяца. Шаря рукой на полке, Гарт чуть не опрокинул бутылку. Выругавшись, он открыл ганимедианское виски — мерзкое пойло — и влил себе в плотку треть содержимого.

Выпивка помогла. Немного успокоившись, он принялся за работу. В лаборатории все еще оставалось несколько ампул с противоядием от пыльцы ноктоли, хотя, возможно, оно уже утратило силу.

Гарт проверил его.

Все было в порядке. Противоядие до сих пор не потеряло нужных свойств, потому что антитела обладали долгим жизненным циклом. Старая партия справится со своей задачей.

Гарт собрал небольшую аптечку. Затем долго стоял, глядя на два пустых места на стене, где когда-то висели фотографии.

Мойры и доктора Уилларда.

Черт! Гарт схватил бутылку и выбежал из хижины. Он помчался по крутой тропинке, ведущей на вершину Тора. Физическое напряжение принесло облегчение.

НА ВЕРШИНЕ он сел, прислонившись спиной к большому камню. Внизу раскинулся Ортаун, усыпанный тускло мигающими голубовато-желтыми огнями. На чистом поле вдалеке виднелся шарообразный космический корабль, на котором прилетели Пола с Брауном — «Охотнику»...

На западе, за песчаной пустыней, находился мертвый город Чанн, когда-то являвшийся пристанищем невероятно развитой науки. Ее секреты были давно утеряны, а те, кто занимался ей, превратились в пыль. На севере за далекими хребтами ждал Черный Лес, неисследованный, загадочный, полный опасностей.

Шесть лет назад доктор Джем Уиллард прилетел на Ганимед вместе с интерном Эдом Гартом. Уиллард пытался найти лекарство от Серебряной Чумы, бушующей на Земле. Он встал на верный путь... и уже почти добился цели, но...

Однажды ночью доктор получил вызов. Местному жителю нужно было вырезать аппендицит. Уиллард не умел управлять самолетом, поэтому позвонил Гарту, а тот оказался пьян.

Но Гарт все равно сел за штурвал. Авария случилась над Черным Лесом.

Это последнее, что помнил Гарт, точнее, даже единственное. Если бы забвение было полным, он благодарил бы судьбу. Спустя несколько месяцев он выбрался из Леса, но без Уилларда. Яд ноктоли стер почти все воспоминания. Гарт помнил только маленькую клетку, где его держали вместе с доктором, а также еще кое-что...

То, как док Уиллард лежал на алтаре, а он заносил над его грудью острый, как бритва, нож.

Больше он ничего не помнил. Но этого было достаточно.

Гарт постоянно пытался понять, что случилось после этого, из-за чего он чуть не лишился рассудка. Он несколько раз ходил в Черный Лес, чтобы найти Уилларда, живого или мертвого, а также узнать, что произошло... найти ответ на мучающий его вопрос. Однако, ему не удалось ничего выяснить.

Через год он узнал, что его невеста Мойра умерла от Серебряной Чумы, и понял, что Уиллард мог бы спасти ее, если бы не погиб в Лесу и продолжал исследования.

После этого Эд Гарт быстро покатился по наклонной. Остановился он, только достигнув самого дна.

Прикончив бутылку, он бросил ее в пустоту и смотрел, как от летящего стекла отражается тусклый желтый свет.

Ну, теперь у Гарта появилась еще одна возможность во всем разобраться. В Черный Лес отправлялась целая экспедиция. Но Гарт уже не был тем рослым гигантом, который в прошлом пробирался через смертоносные джунгли. Пять лет пьянства здорово поработали над ним. Запас его жизненных сил значительно уменьшился. А Черный Лес остался таким же ужасным и могучим, как прежде.

Гарт пожалел, что не взял вторую бутылку.

II

ЮПИТЕР висел в небе Ганимеда большим, светящимся шаром, окутанным пеленой облаков. Его странному, бледному свету не хватало теплоты и яркости солнечных лучей. Когда титаническая планета выходила из-за горизонта, сила тяжести на спутнике, казалось, менялась, и земля под ногами словно начинала качаться.

Юпитер быстро поднимался по небу. В странном рассвете Ортаун был неприглядным и безлюдным. На равнине, где приземлился «Охотник», стояла цепочка неподвижных, огромных серебристых вездеходов, готовых отправиться в путешествие. Там что-то происходило. У главного люка «Охотника» стоял долговязый, седоволосый человек с коротко подстриженной клиновидной бородкой. За его спиной был капитан Браун.

Гарт с аптечкой за спиной шагал по тонкому снежному ковру, покрывающему песок. Он дрожал в легкой одежде, жалея, что у него нет с собой выпивки. Ни Браун, ни его спутник не заметили приближения Гарта.

— ...пора отправляться в путь, — говорил седоволосый. — Но, если твой проводник не объявится, нам придется искать другого.

— Он скоро будет, — заверил Браун. — Я дал ему всего десять баксов.

Гарт поставил ногу на аппарель, ведущую к люку.

— Доброе утро. Я не опоздал?

Ему никто не ответил. Он поднялся по скату, скользкому, несмотря на специальное покрытие, и остановился перед военными. Браун кивнул ему.

— Вот и наш проводник, командир Бенсон.

Не поверив своим глазам, Бенсон нахмурил хохлатые брови.

— Какого дьявола?! Ты... ты землянин!

— Разумеется, — сказал Гарт. — А что тут такого?

Командир взглянул на Брауна.

— Я ожидал увидеть ганимедианина. Я не знал... — Он не закончил предложение. — Парень, я не возьму тебя в экспедицию в таких лохмотьях. Капитан, принесите ему какую-нибудь одежду.

Не взглянув на Гарта во второй раз, Бенсон спустился по трапу и принялся громко раздавать приказы.

Браун улыбнулся Гарту.

— Входи, — велел он, затем тихо добавил: — Командир Бенсон большая шишка. Ты же понимаешь, что ему не надо ничего знать, ведь так?

Гарт кивнул.

— Тебе нужно выпить кофе, — пристально посмотрев на него, сказал Браун. — Сейчас сделаю. Иди за мной.

Он отвел Гарта на камбуз и через несколько минут снабдил едой, кофе и одеждой. Затем зажег сигарету и закурил, лениво поглядывая, как дым уходит в решетку системы вентиляции.

— Бенсон суровый старик, — наконец, сказал Браун. — Если он заподозрит нас... заподозрит, что мы задумали, у нас будут неприятности. Командир никогда не рискует. Надо как-то обмануть его.

Гарт глотнул кофе.

— Сколько у вас человек?

— Десять.

— Маловато.

— Ну, они хорошо вооружены. Всего в экспедиции шестьдесят человек, но я уверен только в десяти. Некоторых я привел лично.

Гарт взял предложенную Брауном сигарету.

— Спасибо... Я довольно хорошо знаю Чанн. Оказавшись в руинах, мы легко сможем оторваться от остальных.

— Как?

— Мало кому известно о существовании подземных проходов. Мы выйдем примерно в пятидесяти километрах от Чанна, и до Темного Леса останется еще тридцать.

— Тридцать километров по открытой местности?

— Да.

— Плохо. Если Бенсон заметит наше исчезновение, то запустит разведывательные самолеты. Мне кажется, он уже что-то учуял.

— Что случится, если он поймает нас? Будут и другие возможности.

— Это ты так думаешь, — мрачно ответил Браун. — Я уже сказал, Бенсон суровый тип. Он бросит нас в тюрьму, и мы получим срок на Земле... за то, что подвергли опасности планетарную экспедицию. Так что теперь ты понимаешь, почему нам обязательно надо найти сокровище, чем бы оно ни являлось.

— Значит, вы тоже не знаете, что ищете, да?
— Ну, есть у меня пара мыслей... Ты закончил? Тогда идем.
Браун встал со стула.

ГАРТ вышел из корабля вслед за Брауном, полный размышлений. Древние, несомненно, были удивительно развитой расой. Любое сокровище, по их мнению, достойное охраны, явно имеет огромную ценность. Золото? Драгоценные камни? Все это казалось тривиальным по сравнению с невероятной наукой Древних. И маловажным, так как на Земле бушевала Серебряная Чума.

Браун с Гартом прошли вдоль цепочки вездеходов, загруженных всем необходимым оборудованием, и остановились у самого дальнего. Командир Бенсон уже был там и разговаривал с пилотом. Он оглянулся.

— Ты уже готов? Как тебя зовут? Гарт? Ладно, поднимайся на борт.

Передний отсек вездехода оказался достаточно просторным. Гарт увидел, что Пола Трент уже там. Она никак не отреагировала на его появление. Он пожал плечами и нашел себе место. Капитан Браун со своим обычным бесстрастным выражением лица плюхнулся рядом.

В машину залез пилот.

— Сядь со мной, парень, — велел он Гарту. — Мне понадобится помощь, когда я поведу вездеход по высохшему руслу.

Бенсон вошел последним. Он закрыл дверцу и кивнул.

— Заводи машину.

Сидя рядом с водителем, Гарт не видел остальных и перестал слышать их разговоры, когда двигатель кашлянул и заворчал. Гусеничный грузовик дернулся вперед. Водитель вопросительно уставился на Гарта.

— Куда мне ехать? На запад? А как насчет зыбучих песков, о которых я столько слышал?

— Двигай в сторону той горы, — указав рукой направление, ответил Гарт. — Воронки легко заметить. Это большие серые пятна на песке, не прикрытые снегом.

Рев двигателя превратился в монотонный шепот. Стало возможным слышать разговоры в задней части отсека.

— ... атомная энергия, — говорил командир Бенсон. — Вот что там должно быть, другого варианта нет. Нам лишь надо понять природу запуска реакции.

— Я не понимаю, — сказал Пола. — Запуск реакции?

— Насколько известно нашим физикам, чтобы получать атомную энергию, нужно лишь знать, как запускать и контролировать

цепную реакцию. Земные резервы практически истощены. Нефть, уголь и все остальное почти закончились. Земля нуждается в новом источнике энергии. Без этого цивилизация может рухнуть.

— Топливо есть на других планетах.

— Перевозить его слишком дорого. Это не рентабельно, Пола. Если человечество в скором времени не найдет новый способ получения энергии, землянам придется перебраться на другую планету — что практически невозможно, учитывая сложность структуры цивилизации. Возможно, на этот раз нам удастся найти в Чанне что-нибудь полезное. Это один из самых крупных городов Древних.

— Я никогда его не видел, — заметил капитан Браун.

— **А Я ВИДЕЛ**, один раз, — проворчал Бенсон. — Год назад. Невероятное место! Их наука, наверное, достигла небывалых высот! Никто не знает, что случилось с Древними. Они просто исчезли, а их машины продолжали работать, пока не израсходовали топливо... и не остановились. Так что от источника энергии не осталось ни следа. Мы нашли хранилища, но все они пусты. Мы провели много экспериментов... однако, ни один не увенчался успехом.

— Вы все еще считаете, что я ошиблась с переводом доски Харро? — вдруг спросила Пола.

— Да, — ответил командир Бенсон. — Там используется переменный шифр. Никто не согласен с вами, что это закодированная карта.

— Вы когда-нибудь слышали о двойном коде?

— Простите, — коротко сказал Бенсон. — Заключение уже сделано. Черный Лес непроходим. Мы не можем рисковать экспедицией из-за призрачной надежды на успех.

Сидящий рядом с водителем Гарт криво улыбнулся. Теперь он понял, что искали Карвер с Полой. Источник энергии Древних. Ну, его можно найти в Черном Лесу. Как и все, что угодно. Включая потерянную расу зарно и... Взгляд Гарта застыл. Нет, нельзя думать, что Уиллард все еще жив. В лучшем случае, он сможет понять, кто убил доктора...

Гарт потерялся в размышлениях и возвращался в реальный мир только, когда гусеничный вездеход скользил по льду.

— Налево! Сыпь песок!

Его рука инстинктивно дернулась к правому рычагу, отвечающему за подачу песка, обеспечивающего сцепление с грунтом. Гарт держал рычаг, пока водитель работал рулем. Машина дернулась, резко развернулась почти на девяносто градусов и снова вышла на ровный участок. Через лобовое стекло Гарт увидел воронку семи-метрового диаметра с черной дырой в центре.

— Что это? — спросил водитель.

— *Критасы*, как говорят местные, но это ничего не значит. Двухметровые насекомые. Ядовитые. Подобно муравьиным львам на Земле, они выкапывают ямы-ловушки с наклонными стенками. Ты поскальзываешься на льду и оказываешься в дыре.

— Это опасно?

— Не для нас. Но мы можем перегреть двигатель.

— Смотри в оба, Гарт, — велел командир Бенсон.

— Ладно.

Гарт молчал. Вездеход катился дальше, возглавляя колонну.

Машины были быстрыми. На ровных участках они разгонялись до ста тридцати километров в час. К заходу Юпитера экспедиция добралась до Чанна. Только Пола осталась разочарованной.

— Я ожидала увидеть город, — сказала она Гарту, когда они оглядели черный каменный блок площадью в пару квадратных километров, на метр возвышающийся над землей, ровная поверхность которого нарушалась лишь несколькими объектами, странно напоминающими киоски в метро двухвековой давности.

— Все самое интересное находится под землей, — объяснил Гарт.

Он чувствовал дрожь в руках, хотелось промочить горло. Но тут ничего подобного не было. Поэтому он попросил у девушки сигарету и принялся расслабленно ходить вокруг людей, обустривающих лагерь.

ПРОСТОРНЫЕ вездеходы обеспечили ночлегом шестьдесят человек. Никому не пришлось тесниться. Оказалось, что ставить палатки незачем. Ведь в ледяном воздухе могли дать необходимый комфорт только утепленные палатки, прошитые нагревающимися металлическими нитями, на которые подавался ток. Однако в вездеходах были установлены печки и кондиционеры. Гарт подошел к одному из «киосков» и заглянул в темную бездну. Внизу лежал Чанн, гигантский, удивительный город Древних.

Через него шла дорога к Черному Лесу — единственный путь, которым можно было воспользоваться в данных обстоятельствах.

Гарт содрогнулся и пошел искать Брауна. Он чувствовал себя хуже, чем обычно, так как ясно представлял то, что не хотел помнить — лежащего на алтаре человека с ножом в груди...

Браун стоял рядом с одним из вездеходов и глядел в темноту.

— Капитан...

— Что? А, это ты, Гарт. Пола... мисс Трент взяла фонарик и спустилась в Чанн, чтобы начать исследования. Я уже собирался пойти за ней. Скажи, там опасно?

Гарт покачал головой.

— Это мертвый город. С Полкой все будет в порядке.

— Если она не потеряется.

— Ничего подобного не случится. Там полно указателей, ведущих к выходам. Может, выпьем? Мне надо расслабиться.

Нахмурившись, Браун кивнул и завел Гарта в вездеход.

— Я буду спать здесь, вместе с командиром. Но тебе надо найти место среди остальных. О, кстати... — Он сунул сложенные бумажки Гарту в руку. — Оставшиеся сорок. Вот, выпей.

Гарт сделал глоток хорошего бренди, которого не пил несколько лет. Стакан быстро опустел. Браун посмотрел на него, едва заметно оскалившись.

— Спасибо... А когда я получу десять тысяч?

— Когда мы вернемся. Я не настолько доверяю тебе, чтобы отдать их прямо сейчас. .

Гарт вытер губы тыльной стороной ладони, задумался и налил себе еще стакан.

— Я не убегу от вас. Вас же интересует источник энергии Древних, не так ли?

Браун прищурился.

— Разве это должно тебя волновать?

— В общем-то, нет, но я знаю Черный Лес и могу кое-что подсказать, если меня не бросят в темноте. У меня есть пара мыслей на этот счет. Я знаю, что вы планируете найти зарно.

— Неужели?

Гарт нетерпеливо махнул рукой.

— Черт побери, зачем вы тогда взяли меня проводником? Явно же не только потому, что я знаю Лес. Я могу говорить на Древнем Языке — который предположительно используют зарно. Вы хотите, чтобы я заговорил им зубы.

— Возможно. — Браун ушел в вездеход и вернулся с нераспечатанной пачкой сигарет. — Мы поговорим об этом позже.

— Лучше сейчас. Я знаю, что вам понадобится в Лесу. Если вы убежите от Бенсона, не захватив нужного снаряжения, все может закончиться очень плохо.

Дверца вездехода внезапно распахнулась, и в салон ворвался холодный воздух. Вошел командир Бенсон с плотно сжатыми губами и горящими глазами. Стоящий в противоположном конце отсека Браун резко развернулся и весь напрягся.

— Я сомневаюсь, что тебе удастся от меня сбежать, капитан, — сказал Бенсон.

Браун свирепо взглянул на Гарта.

— Черт тебя дери, — едва слышно прошептал он и шагнул вперед с угрожающим видом.

БЕНСОН вытащил из кармана пистолет.

— Не двигайся, — приказал он. — Стой на месте и без глупостей. Я думал, вы с Полой забыли об этой глупой идее, но, судя по всему... — Командир пожал плечами. — Видимо, мне придется посадить вас под арест. Никто из этой экспедиции не отправится в Черный Лес, по крайней мере, пока я тут всем заправляю.

Рука Брауна зависла в воздухе.

— Даже не пытайся, — предостерег Бенсон. — Держи пистолет в кобуре. Грохот выстрела тебя не спасет.

Он отошел назад, будучи готовым закричать, чтобы позвать на помощь.

Браун, стоящий в другом конце отсека, не мог добраться до него вовремя. Однако командир забыл про Гарта или не обратил на него внимания. Это было большой ошибкой. Гарта от Бенсона отделяла всего пара метров, и он неожиданно принялся действовать. Проводник бросился на командира, одной рукой схватил пистолет, а другой, сжав кулак, двинул ему в челюсть.

Удар получился сильным и точным. Если бы Гарт не схватил Бенсона за руку, тот вывалился бы из вездехода.

— Нокаут, — невыразительно сказал Браун и внезапно оказался рядом с Гартом, чтобы помочь осторожно положить командира на пол. — Закрой дверь. Быстро.

Гарт подчинился. Развернувшись, он увидел, что капитан опустился на колени рядом с неподвижным Бенсоном. Через пару секунд Браун поднял голову.

— Он скоро очнется. Возможно, даже слишком скоро. Принеси из угла ремни.

Гарт выполнил поручение, затем прикончил второй стакан. Он чувствовал себя весьма паршиво. Браун связал командира и затащил его бессильную фигуру под койку.

— Готово, — встав, сообщил Браун. — Теперь у нас проблемы. Но... хорошо, что ты не растерялся и вырубил его.

— Что дальше?

— Отправимся в Черный Лес, пока Бенсон не очнулся. Я его заместитель. Я соберу своих людей, и мы начнем действовать.

У Брауна был встревоженный взгляд.

— А как насчет снаряжения?

— Возьмем, что сможем. Начнем с оружия. Держись рядом со мной.

Они вышли из вездехода в темноту, которую пытались рассеять четыре спутника: два больших и два крошечных. Учетверенная тень повсюду следовала за Гартом и Брауном. Гарт быстрым

шагом отправился искать аптечку. Когда он вернулся, Браун уже ждал его со своим отрядом. Капитан глянул на Гарта.

— Ладно, Морган... — Браун перевел взгляд на гиганта в форме. — Я вернусь через пару часов. Как только мы найдем мисс Трент. До встречи.

— До встречи, сэр.

Гарт пошел в сторону ближайшего «киоска». Они включили фонарики. Крутая винтовая лестница вела вниз.

— Я объяснил Моргану, что командир Бенсон отправил меня на поиски Пола Тренты... — вполголоса сказал Браун. — Якобы, она потерялась в городе. Так что мы в безопасности, пока...

— Пока не выйдем из подземного прохода, — закончил Гарт. — А потом нам придется тридцать километров идти по открытой местности. У Бенсона есть самолеты?

— Да, с дистанционным управлением.

— Тогда нам лучше двигаться только по ночам.

Спуск закончился. Гарт, Браун и остальные оказались в гигантском зале, где терялись лучи фонариков. Повсюду виднелись очертания огромных, фантастических, но мертвых машин Древних, когда-то делавших город живым и могущественным.

ГАРТ пошел напрямую к проходу в стене. Браун с десятью солдатами двинулся следом, и через минуту все оказались в коротком туннеле. Внезапно Гарт остановился, провел пальцем по панели из гладкого металла и надавил на нее. Бесшумно появился овальный проем.

— Сюда. Здесь они нас не найдут.

Браун кивнул.

— Сэмпсон, заводи людей. Потом ждите меня. Я вернусь, как только смогу.

Дородный крючконосый тип с ярко-рыжими волосами отсалютовал, прищурившись одним глазом.

— Понял. Давайте, ребята. Забегайте внутрь. Не забывайте про рюкзаки.

Гарт уставился на Брауна.

— Что ты хочешь этим сказать? Куда ты...

— Пола Трент идет с нами, — сказал капитан.

— Нет! Это самоубийство... Она не выдержит дорогу.

— Пола крепче, чем ты думаешь. Кроме того, карта у нее. К тому же, она археолог. Я не умею читать язык Древних. А ты?

Гарт покачал головой.

— Только говорить, вот и все. Но...

— Если мы найдем то, что ищем, Пола нам понадобится. Она где-то здесь. Давай отыщем ее.

— Говорю тебе...

Браун вытащил пистолет и навел на Гарта.

— Найди ее. Или я сам найду ее, и мы отправимся в Черный Лес без тебя. Потому что ты будешь мертв. Я зашел так далеко не для того, чтобы ты меня остановил. И кончай строить из себя рыцаря. Таким, как ты, это не идет.

В глазах капитан сверкнули убийственные огоньки.

— Найди ее! — прошептал Браун. — И... поживее!

III

ГАРТ подчинился. Других вариантов у него не было. Он знал, что Браун не станет долго колебаться, прежде чем убить его, да и, в конце концов, какое ему, черт побери, дело до Пола Трент? Ее жизнь не имела значения в сравнении с безнадежными поисками, снова встревожившими Гарта, несмотря ни на что.

Доктор Уиллард все еще мог быть жив. А даже если не был, то где-то осталась его записная книжка, которую он всегда носил с собой — там содержались все его выкладки о Серебряной Чуме. Даже если эти ужасные воспоминания, похожие на сон, не являлись простым бредом... даже если Гарт, потерявший рассудок и не ведающий, что творит, действительно убил Уилларда... всегда оставалась тусклая, призрачная надежда, что в Черном Лесу можно найти лекарство от Чумы.

Поэтому... к черту Полу Трент! Ее жизнь ничего не стоила по сравнению с жизнью миллионов людей, которые зависели от того, сможет ли Гарт найти в джунглях ответы на некоторые вопросы.

Ничего не сказав, он развернулся и пошел назад. Браун не отставал. Их окружал гигантский зал, наполненный загадочными тенями. Теперь появилось время рассмотреть то, что они пропустили в первый путь, когда приходилось торопиться. Впрочем, задерживаться все равно было нельзя, поскольку погоня могла начаться в любую минуту.

Стояла полная тишина, а темноту нарушали лишь перекрещивающиеся лучи ярких фонариков. Гарт прислушался.

— Слышишь что-нибудь?

— Ничего, — покачал головой Браун.

— Ладно. Тогда давай посмотрим здесь.

Они пошли по уходящему вниз туннелю, который закончился залом, превосходящим размерами первый. Браун резко поднял пи-

столет, когда какая-то фигура, казалось, выпрыгнула из темноты, рассеянной лучом света. Гарт жестом велел ему опустить оружие.

— Это всего лишь робот. Он давно выключен. Их можно встретить по всему городу.

Роботы... рабы Древних, подумал Гарт, умершие вместе с ними, когда закончилось топливо, поддерживающее их жизнь. Ни один земной ученый не смог разобраться в конструкции механизмов, поскольку их изготовили из неразрушимого сплава. Кислота и огонь не оказывали никакого воздействия на гладкую, поблескивающую черную поверхность.

Этот робот, как и все остальные, походил на человека трехметрового роста, с четырьмя руками, заканчивающимися кистями с длинными, гибкими пальцами. На лице, напоминающем маску, были сложные стеклянные глаза, глядящие вперед и ничего не видящие. Робот неподвижно стоял, охраняя мир, который уже не было смысла охранять.

Пожав плечами, Гарт пошел дальше, напрягая слух. Со стен на людей смотрели удивительные фигуры, изображенные на фресках. Гарт знал, что они показывают мир, где наука достигла невиданных высот. Он уже видел их и сейчас даже не взглянул.

Машины...

Что же это такое? Подобно динозаврам они возвышались в бесконечной цепи залов с высокими потолками. Когда-то они давали Чанну энергию, жизнь и силу. Это было изображено на фресках. Древняя Раса использовала антигравитацию — секрет, неизвестный землянам, — и создавала пищу, просто перестраивая атомные связи различных веществ, не тратя время на гидропонику. Когда-то они правили этим миром словно боги.

Но затем бесследно исчезли, оставив лишь эти немые механические монументы своего величия. Если у землян появится могущество Древней Расы, нехватка топлива перестанет иметь значение. Если они откроют секрет атомной энергии, эти машины оживут... и на Земле появятся их аналоги.

Человечество обретет прежде невиданное могущество и величие! Оно сможет добраться до других звезд!

К сожалению, скривившись, подумал Гарт, все это будет бесполезно, если так и не будет найдено лекарство от Серебряной Чумы.

ОН УЖЕ почти бежал, а их с Брауном шаги гулко разносились по огромным залам. Гарт про себя ругал Полу Трент. В подземном городе было множество уровней, и она могла быть гораздо ниже — в таком случае найти ее будет практически нереально.

Вдалеке что-то сверкнуло, и Гарт резко остановился. Он выключил фонарик и жестом велел Брауну поступить также.

Через секунду он снова увидел вспышку, создавалось впечатление, что в противоположном конце зала летал светлячок.

— Пола? — спросил капитан.

— Кажется, да. Если, конечно, за нами еще не гонятся.

— Значит, будем двигаться осторожнее.

Гарт с Брауном побежали на цыпочках. Свет больше не появлялся, но Гарт помнил, куда бежать. Внезапно они оказались в очередном зале, и Гарт почувствовал облегчение, увидев в трех метрах от себя бледное лицо Пола.

В эту же секунду послышался тихий ритмичный звук — словно где-то далеко били в барабаны.

— Слышишь, Браун? — резко спросил Гарт. — По лестнице кто-то спускается. Бери девушку и уходим!

Но Пола уже приближалась к ним, моргая на свету.

— Кто здесь? Карвер? Я...

Браун взял ее за руку.

— На разговоры нет времени, Пола. У нас неприятности. Молчи и иди за мной. Гарт, ты можешь привести нас к потайному проходу?

— Возможно. Нам сильно повезет, если мы найдем его. Выключите фонари и возьмите друг друга за руки. Вот так.

Гарт почувствовал твердую, теплую ладонь Пола, и на него неожиданно нахлынули болезненные воспоминания о Мойре. Он уже много лет не видел земных женщин.

Ну, и что с того? Гарт бесшумно, как кот, шел впереди, ведя за собой остальных. Он спешил. Пару раз ему пришлось ненадолго включить фонарик. Теперь уже отчетливо слышался шум преследователей, и однажды они даже увидели далекие огоньки.

— Если люди Бенсона найдут секретный проход... — прошептал Браун.

— Молчи.

Когда шаги стали громче, Гарт завел спутников в альков. Удача не отвернулась от него. Преследователи зашли в очередной туннель. А потом...

Потом начался кошмар. Гарт с Брауном и Полой, спотыкаясь, слепо мчались по темноте Чанна, где угроза крылась за каждым углом. Когда он остановился, его рука в ладони Пола стала скользкой от пота. Он буквально на мгновение включил фонарик.

— Мы на месте, — сказал он. — Проход закрыт.

— Хорошо. Видимо, Сэмпсону хватило на это ума. Если только...

Гарт нашел металлическую пластину и нажал на нее. Затем осветил темноту фонариком и увидел знакомые лица солдат, уставив-

шихся на него. Капитан толкнул его внутрь. Пола тут же оказалась рядом. Последним через овальный проем прошел Браун.

— Они идут, — прошептал он. — Как закрыть дверь?

— Вот так.

Гарт без помощи фонарика ловкими пальцами вернул каменную плиту на место, и приближающиеся шаги стихли. Он едва слышно облегченно выдохнул.

— Ладно, — сказал он обычным голосом. — Стены звуконепроницаемые. Можно включить фонарики. Собственно, другого выбора у нас нет.

— Что случилось? — раздался голос Пола. — Ты сказал, у вас неприятности, Карвер. В чем дело?

— Поговорим по пути. Гарт, ты первый. Пола, держись рядом со мной. Сэмпсон, прикрой тылы, хорошо?

ГАРТ покорно пошел по наклонному туннелю, почти не слушая объяснения Брауна. От прохода постоянно отходили ответвления. Ему пришлось напрячь память, которая работала не так хорошо, как он рассчитывал. Один раз Гарт чуть не ошибся, но вовремя осекся

— Гарт, получается, нам надо пройти километров пятьдесят по туннелям и еще тридцать по поверхности, прежде чем мы дойдем до Леса. Все верно? Путь долгий. Мы не выйдем отсюда до наступления дня. Так что лучше разбить лагерь перед выходом на поверхность и дожидаться следующей ночи.

— Это совсем необязательно, — проворчал Гарт. — Мы не на Земле. Юпитер встанет только через тринадцать часов.

— У нас тяжелые рюкзаки. — Браун, поморщившись, подбросил спиной свой, чтобы поправить лямки. — Восемьдесят километров — серьезный переход. Тем не менее, чем быстрее мы дойдем до Леса, тем целее будем.

— Там есть река, — с сомнением заметил Гарт. — Можем двинуться по ней.

— Это поможет?

— Да, но она довольно опасная.

— Почему?

— Гейзеры. Воронки. Вода может вскипеть под ногами в любую секунду. Кроме того, там водятся большие ящеры...

— Разве долго собрать плот?

Гарт покачал головой.

— Деревья лафо лучше бальсы, и они растут прямо на берегу. Лиан там тоже в избытке. Но...

— Значит, так и поступим, — решительно заявил Браун. — Шевелите ногами. У нас тринадцать часов. Если не будем останавливаться, то успеем.

Гарт ничего не ответил.

После это начался скучный, монотонный марш по пустому туннелю, состоящий из плавных подъемов и таких же плавных спусков. От усталости у Гарта заболели ноги, и на него нахлынула апатия. Ему не надо было ничего нести, однако, пропитанное выпивкой тело негодовало от непривычных усилий. Но он знал, что каждый шаг приближает его к цели.

В голове кружились одни и те же мысли. Док Уиллард. Записная книжка. Лекарство. Серебряная Чума. Может... может... *может!*

Если Гарт попадет в Лес... если найдет записную книжку... если в ней окажется секрет лекарства... Разумеется, он хотел всего этого.

А что, если он также найдет на алтаре скелет дока Уилларда с ножом, торчащим из ребер?

Сознательно убить дока он не мог. Это было немыслимо. Чертова пыльца ноктоли действовала на человека совершенно непредсказуемым образом.

Док Уиллард... Мойра... Серебряная Чума...

Засыпая и страдая от усталости, Гарт тащился вперед, двигаясь, как робот. Всякий раз, когда он замедлял шаг, резкий голос Брауна подгонял его.

Капитан с большой неохотой позволял спутникам отдыхать. К тому времени, как они достигли конца туннеля, все стонали, покрывшись потом, а Пола с Гартом были на грани того, чтобы свалиться на землю. Пятидесятикилометровый переход быстрым шагом с редкими паузами — большая нагрузка.

ЭКСПЕДИЦИЯ вышла из прохода и оказалась на каменистом склоне. Со всех стороны были низкие хребты, силуэты которых виднелись на фоне неба, освещаемого тремя спутниками. Белесая дымка висела прямо над землей, заполняя впадины, словно блестящая вода.

Браун инстинктивно поднял голову. Прямо на его глазах в небе сгорел метеор, притянутый чудовищной гравитацией Юпитера. Это зрелище было весьма частым на Ганимеди.

Качаясь от усталости, Гарт кивнул головой.

— Река... вон там, внизу. Через полкилометра, где туман сгущается...

— Ладно. Идем туда.

Этот участок путешествия оказался чуть ли не самым тяжелым. Но гулкий рев реки постепенно становился громче, пока земляне

медленно спускались, окутанные дымкой до колена, потом по пояс и, наконец, по грудь. Через какое-то время туман сомкнулся над их головами, и они уже двигались в призрачном мире, где не было теней и, казалось, светился сам воздух.

Появились деревья. Гарт, уже едва держась на ногах, искал берег. Найдя его, он свалился на землю, как подкошенный. Затем увидел, как Пола шлепнулась на песок рядом с ним. Остальные с облегчением избавились от тяжелых рюкзаков.

— Кто-то должен помочь мне с плотом, — сказал Браун — человек, точно сделанный из сыромятной кожи и стали. — Те, кто устал, могут осматривать небо на предмет разведывательных самолетов. Я сомневаюсь, что командир вышлет ночью вездеходы, но самолетами он точно воспользуется.

— В тумане они нас не увидят, — тихонько сказал Пола.

— Но смогут услышать, если приглушат двигатели. Поэтому надо работать быстро. Гарт!

— Да. Что?

— Какие деревья нам нужны?

— *Лата*, — указал Гарт. — Вот такие, как там. Их легко срубить, и они хорошо держатся на воде. Крепкие лианы тут повсюду.

Он с трудом ворочал языком. Браун собрал восемь человек, включая рыжеволосого Сэмпсона, и повел их за собой. Вскоре слышался стук топоров.

Двое оставшихся солдат расположились на холмиках чуть выше уровня тумана и принялись вглядываться в небо. Пола сидела совсем рядом с Гартом, но он слишком устал, чтобы обращать на нее внимание.

— Сигарету? — услышал он ее голос.

— Спасибо... — Гарт взял одну.

— Простите, но выпить у меня нечего.

— У меня тоже, — проворчал Гарт.

Он почувствовал, что девушка смотрит на него, набрал в легкие дым и медленно выпустил его.

— У вас есть пистолет?

— Да, а в чем дело?

— О... ну, просто из реки периодически выползают всякие твари. Например, хищные водные ящерицы. На Ганимеде быстро учишься спать с одним открытым глазом.

— Да, это очень странный мир, — согласилась Пола. — Когда-то тут обитала высокоразвитая цивилизация. А теперь здесь живут дикари.

— Все дело в очень плохих условиях. Они слишком суровые. Юпитер светит, но почти не греет. Выживают только самые закаленные растения и животные. Сейчас лето, но все равно очень холодно.

— Что вам известно о зарно? — внезапно спросила Пола.

— Почти ничего, — поморгал Гарт. — А что?

— Мало кто видел их. Мне просто интересно. Я сумела перевести кое-какие надписи из Чанна... Зарно ведь не люди, не так ли?

Гарт ничего не ответил.

— Впрочем, Древние знали их, — продолжала Пола. — Они пытались дать им образование, как Рим, колонизирующий примитивные народы. Видимо, именно поэтому считается, что зарно говорят на Древнем Языке.

— Так и есть.

— А затем Древние вымерли... по какой-то неизвестной причине. Зарно остались жить дальше и снова опустились до уровня варваров. Жаль, я не знаю, как они выглядят. Туземцы, встречавшиеся с ними, кажется, не способны описать их внешность. Они носят блестящие доспехи, не так ли?

ГАРТ закрыл глаза, пытаясь вспомнить зарно. В его сознании появился смутный, тусклый образ блестящей человекоподобной фигуры с ужасным лицом, словно вырубленным из камня...

— Я видел их, — сказал он, — но забыл, как они выглядят. Яд ноктоли... стер воспоминания.

— Вы ничего не помните?

— Я... — Гарт потер лоб. — Да, это не люди, а существа, похожие на живые статуи, блестящие и двигающиеся... Я не знаю.

— Кремниевая жизнь? — выдвинула предположение Пола. — Это возможно. И такая форма жизни вполне могла возникнуть в суровых условиях Ганимеда. Кроме того, на зарно не действует пыльца ноктоли, не так ли?

— Да. Или они быстро приобрели иммунитет. Вирус в принципе активен только днем, когда цветки открыты. Я не знаю, почему так. Перед тем, как зайти в Черный Лес, я вколю всем противоядие... всем, кроме себя. Мне пыльца больше не страшна.

Гарт и Пола замолчали, наслаждаясь передышкой. Казалось, прошло лишь несколько мгновений, прежде чем появился Браун и сообщил, что плот готов.

— Мы торопились, но, думаю, он выдержит, — сообщил капитан. — Послушай, Гарт, а что, если самолеты заметят нас на реке. Ведь тогда мы станем отличной мишенью.

— Неужели они откроют огонь на поражение?

— Нет, но Бенсон применит усыпляющий газ и схватит нас, когда плот вынесет на берег. Этого нам не надо.

Гарт поднялся на ноги. Все его тело болело.

— Наши шансы довольно высоки. Большую часть времени реку будет закрывать туман. Он поможет. — Он взял аптечку и закинул ее на плечо. — Я готов.

Люди Брауна уже были на плоту, представляющем собой платформу из прочных бревен дерева *лата*, связанных лианами. Гарт устроился ближе к середине, рядом с кучей снаряжения.

— Держитесь подальше от берегов, — предупредил он. — Следите за пузырями впереди. Это гейзеры, обходите их по большой дуге.

Плот соскользнул с берега, управляемый длинными шестами. Вода захлестнула ноги, но ушла, как только платформа выровнялась. Через минуту экспедиция уже плыла по течению в тускло светящемся тумане по черной реке, тихо бормочущей под бревнами.

Гарт пристально смотрел вперед. В слабом свете спутников было сложно что-либо разглядеть, но луч фонаря могли увидеть летающие в небе самолеты.

— Круто влево. Быстрее, — велел он.

Рулевые подчинились. На поверхности воды лопались маслянистые пузыри. Когда плот подплыл к берегу, из реки внезапно вырвался гейзер. Платформа опасно накренилась, и людей окатило ледяным дождем.

Гарт посмотрел на Брауна.

— Теперь вы поняли, про что я? — спросил он.

— Да. Однако, если это все...

Течение было быстрое. Пару раз в воде показывалась бронированная спина гигантского ящера, но водные рептилии не нападали, возможно, опасаясь больших размеров плота. Экспедиция встретила еще несколько гейзеров, но рулевые быстро научились заблаговременно обходить их.

В основном, река была окутана туманом, но в некоторых местах дымку разгонял ветер, хотя это случалось нечасто. На одном из таких участков Браун услышал жужжание над головой. Это был крайне неудачный момент, так как два самых крупных спутника висели прямо над плотом, ярко освещая реку. На фоне звездного неба показался самолет с короткими крыльями.

— Ложитесь, — приказал Браун. — Не двигайтесь. — Он придавил Гарта и Полу к бревнам. — Нет, не поднимайте головы. Они увидят наши лица.

— Нас точно заметят, — пробормотал Сэмпсон.

— Впереди туман.

Гул самолета стал громче. Раздался всплеск. Затем еще один. Что-то ударило по плоту.

— Задержите дыхание! — выпалил Браун.

Гарт попытался выполнить указание. Ноздри начало жечь. Легкие заболели. Самолет заметил их — это было очевидно. Усыпляющий газ действует быстро.

Еще один приглушенный удар. Гарт едва услышал его. Он увидел, как что-то крестообразное пролетело над плотом, гул начал стихать, и впереди показалась стена серебристого тумана. Пола тихонько вскрикнула и навалилась на Гарта.

Огонь в груди нестерпимо жег. Несмотря ни на что, он впустил воздух в легкие.

После этого его окружила темнота и тишина.

IV

ГАРТ проснулся в красных, тусклых сумерках. Он сразу понял, где оказался, еще до того, как сел и увидел со всех сторон черные стволы гигантских деревьев, похожих на столбы. Лес!

— Наконец-то, — бесстрастно сказал капитан Браун. — Усыпляющий газ вырубил тебя на несколько часов.

Гарт встал и осмотрелся. Экспедиция разбила лагерь на небольшой поляне среди огромных деревьев. Некоторые уже разогревали пайки на радиолитовых портативных плитках. Невероятно далекие кроны испускали тусклый алый свет. Деревья Черного Леса превосходили высотой калифорнийские секвойи, а лучи Юпитера с трудом доходили до земли, пробиваясь через красные листья, служащие джунглям крышей. Гарт увидел, что рядом с ним лежит Пола с закрытыми глазами.

— С ней все в порядке?

— Конечно, — ответил Браун. — Она просто отдыхает. Мы оторвались от самолета Бенсона. Туман скрыл нас как раз вовремя. Ты отключился, но я рискнул и велел плыть дальше. Добравшись до Леса, мы причалили к берегу и продолжили путь пешком, затем разбила лагерь.

— Правильно решение, — кивнул Гарт. — Через полкилометра река уходит под землю. Какие-нибудь... происшествия?

Браун странно посмотрел на Гарта.

— Да в Йосемитском парке и то опаснее. Мы словно отправились на пикник.

– Именно поэтому у Черного Леса дурная слава, – сказал Гарт.
– Ты не видишь опасности, пока не становится слишком поздно. –
Дальше он объяснять не стал. – Где моя аптечка?

– Вот она. А в чем дело?

– Прежде, чем мы пойдем дальше, я должен сделать вам уколы. Противоядие от пыльцы ноктоли. Цветы не растут на границе Леса, но ветер разносит яд во все стороны.

Гарт порылся в аптечке, нашел запечатанную склянку со шприцом, аккуратно стерилизовал и то и другое над радиолитовой плиткой, позаимствованной у одного из подчиненных Брауна. Затем ввел всем антивирус: сначала Поле и последним Брауну. Себе он не стал делать укол, так как давно приобрел иммунитет к пыльце.

Противоядия едва хватило на всех. Брауну пришлось ввести уменьшенную дозу, что смутно встревожило Гарта. Но капитан, недовольный задержкой, хотел обсудить дальнейшие действия.

– Бенсон, вероятно, высадится на краю Леса и зайдет вглубь на километр – полтора. Не дальше. Так что пора выдвигаться. – Капитан подвел Гарта к Поле. – Тебе пора поглядеть карту.

Девушка согласно кивнула, вытащила сложенный лист бумаги и развернула его. Гарт прищурился в красных сумерках.

– И это вы называете картой?

– Скорее, примитивной схемой, – объяснила Пола. – Как видите, на ней отмечена серия точек. Пока мы идем в нужном направлении – «*нарва*» это «запад» на Древнем Языке, не так ли?

– Нарва. – Гарт произнес слово немного по-другому. – Да. Получается... нам надо пройти три *саллага* на северо-запад в сторону Пастей Водной Бездны...

– Пасти Поющей Бездны, я же написала.

– Я не умею читать на Древнем языке, – покачал головой Гарт. – Я лишь знаю, как говорить. Прочитайте все вслух, чтобы я понял.

Пола подчинилась. Гарт не узнал несколько слов в ее интерпретации, но экспериментальным путем все же разобрался в услышанном.

– Понятно. *Саллаг* чуть меньше пяти километров, насколько я знаю. Кажется, мне известно, о каком месте идет речь. Это холм, пронизанный маленькими пещерами. Там слышно, как под землей течет вода.

– Все совпадает, – подтвердила девушка. – Получается, найти нужное место будет не так уж трудно.

Гарт что-то проворчал и повернулся к Брауну.

– Мне нужен пистолет и нож.

– Сэмпсон!

– Да? – подойдя и прищурившись, спросил рыжеволосый.

– Найди Гарту нож с пистолетом.

– Принято.

Пола уставилась на Гарта.

– Вы ожидаете неприятностей, не так ли?

– Все верно.

Девушка пожала плечами.

– Здесь все кажется таким мирным...

– **ПОСЛУШАЙТЕ**, – сказал Гарт, – Черный Лес – это опаснейшая ловушка во всей Системе. Сейчас объясню, почему. Тут идет жестокая борьба за существование. Грубой силы или ловкости недостаточно. Ни тигр, ни олень тут долго не продержатся. К выживанию в Лесу приспособились существа, способные добыть больше пищи, чем остальные. Эволюция работает в этом месте уже миллион лет. Животные развили сверх-быструю реакцию. Они могут учуять опасность за километр. Поэтому, чтобы подобраться к добыче, как можно ближе, им надо обладать силой, ловкостью и чем-нибудь еще....

– Чем? – уставившись на Гарта, спросил Браун.

– Невидимостью. Или ее аналогом. Вы когда-нибудь слышали о защитной окраске? Или камуфляже? Так вот, существа из Черного Леса освоили это умение лучше кого бы то ни было. К тому же, они обманывают не только зрение, но еще и другие чувства. Если почувствуете аромат парфюма, будьте осторожны, иначе заснете, и вам отгрызет голову какой-нибудь ящер, выглядящий столь же мерзко, сколько приятно пахнущий. Если увидите тропинку, кажущуюся надежной, берегитесь. На самом деле, это одно исключительно опасное растение. А именно, хищный мох, наощупь не отличающийся от мягкой земли... пока не начнут работать его пищеварительные соки. Если услышите, как я выкрикиваю ваше имя, не обращайтесь внимания. Здесь водятся птицы наподобие гарпий, умеющие говорить, как попугаи. – Гарт натянуто улыбнулся. – Скоро вы сами все увидите. Камуфляж здешних существ идеален, как для защиты, так и для нападения. Я знаю Лес достаточно хорошо, а вы – нет. У вас пока еще отсутствует нечто вроде шестого чувства – инстинкта – подсказывающего, что надо достать оружие, хотя глаза убеждают в обратном.

– Ладно, – сказал капитан. – Это твоя земля, а не моя. Так что ты здесь командуешь.

Позже, ведя экспедицию меж черных колонн гигантских деревьев, Гарт понял, что ему действительно придется командовать остальными. Браун и его ребята были закаленными, суровыми бойцами, но не знали тонкостей этого адского места, где повсюду таи-

лась замаскированная смерть. Гарт взял у Сэмпсона выпить, чтобы успокоить нервы, но усталость до сих пор не покинула его. Он несколько лет занимался саморазрушением и добился неплохих успехов. Однако, если девушка может выдержать путешествие, значит, и ему оно должно быть под силу.

В Лесу было теплее, чем на голой равнине: деревья, казалось, выдыхали тепло и влагу, а на земле не лежало снега. Огромные темные столбы деревьев, уходящих ввысь на сотни метров, превратили Лес в лабиринт. А обманчивый красный свет даже Гарту мешал понять, куда надо идти, несмотря на его тренированные чувства.

Вскоре начались неприятности. Когда бабочка великолепной огненно-красной расцветки, украшенной зелеными вкраплениями, спланировала в сторону Пола, Гарт быстро ударил насекомое толстой веткой, которую уже давно взял в руку.

— Опасайтесь этих тварей, — кивнув на раздавленную бабочку, сказал он девушке. — Они ядовитые. Их яд убивает за считанные минуты.

В следующую секунду Браун собрался сесть на круглый серый камень, и Гарт едва успел оттолкнуть капитана. В камне появилось отверстие, и оттуда вылезла пара прожорливо щелкающих зубастых жвал. Гарт всадил пулю в это существо. Оно вскочило на паучьих лапках, и стало ясно, что «камень» на самом деле является панцирем огромного насекомого. Умерло оно далеко не сразу.

Подобные происшествия случались постоянно. Они плохо влияли на людей, даже на Сэмпсона. Браун собрал хорошую команду, но Черный Лес походил на концентрированный яд. Проще было справиться с несущимся на тебя носорогом, чем пройти через темные джунгли, где бесшумная, таинственная смерть устраивала дявольский маскарад только для того, чтобы найти новую жертву.

Так прошел первый день. Второй был еще хуже. Лес стал гуще, и иногда приходилось прорубать путь через кусты при помощи мачете.

ЭКСПЕДИЦИЯ шла три дня, четыре, пять, следуя подсказкам на зашифрованной карте Пола. Наконец, они нашли первую отметку, холм, пронизанный пещерами, и двинулись на восток, затем разбили лагерь на краю ущелья, уходящего в бездонную тьму.

Тут рос тот самый хищный мох, на вид ничем не отличающийся от плотной земли. Один из людей Брауна подошел слишком близко к обрыву, и мох разверзся под ним, сбросив в гнездо корней — сплетающихся, извивающихся хищных растительных змей с присосками, жаждущими крови.

К счастью, этого человека удалось выгнать вовремя. Но с тех пор его нервы были на пределе.

После этого, день за днем, постоянная бдительность имела решающее значение. Экспедиция шла с пистолетами и ножами в руках. Шаги гулко разносились в мертвой тишине Леса...

Только знания Гарта о темной природе позволили группе зайти во внутреннюю часть Леса. Спустя неделю он оказался глубже, чем когда-либо заходил раньше, не считая того раза, когда их с доком самолет потерпел крушение пять лет назад.

Но экспедиция была все ближе и ближе к этому месту! Гарт часто вспоминал о черной записной книжке, возможно, содержащей секрет лекарства от Серебряной Чумы. По какой-то причине он чувствовал, что у них с Полой одна цель.

Это было логично. Они искали потерянное сокровище Древней Расы, вероятно, охраняемое зарно. Гарт не сомневался, что в период частичной амнезии они с Уиллардом находились в плену зарно. Днем его усыплял яд ноктоли, а ночью он просыпался в пустой клетке, где их с Уиллардом держали, — клетке с металлическими стенами, насколько он помнил. В ней не было окон. А освещалась она единственной тусклой лампой в углу под потолком.

Все совпадало. Руины города, построенного Древними, и теперь населенного зарно.

Если Гарт найдет записную книжку...

На этом моменте он всегда останавливался, поскольку знал, что еще может обнаружить — лежащий на алтаре скелет Уилларда. От этого образа у него всегда крутило желудок.

Ночью Браун жаловался на жуткую головную боль. Они разбили лагерь рядом с ручьем, и Гарт вместе с капитаном дошел до берега с ведрами из непромокаемой ткани. Юпитер был где-то за листвой — неба они не видели уже больше недели — но красный свет потускнел.

— Не приближайся к воде, — предупредил Гарт. — Дай мне сначала все проверить.

— Что на этот раз? — уставившись на него, спросил Браун. — Неужели и тут что-то есть?

На невыразительном лице капитана виднелись признаки напряжения и усталости. Нервов у него, судя по всему, не было, но изнурительное путешествие все равно сказалось на нем.

Гарт отрезал ножом длинный прут, затем нанизал на него лист и вытянул над темной водой. Через секунду что-то схватило прут, как будто клюнула рыба, и чуть не выдернуло из рук. Браун взялся помочь.

— Что за дьявол?! Гарт...

— Можешь отпустить. Мне лишь надо было убедиться. — Прут оказался в воде, где неизвестное существо еще несколько секунд хлестало им по воде.

— Что это такое?

ГАРТ принялся рыться в кустах.

— Водяные змеи. Большие и... совершенно прозрачные. Они поджидают животных, пришедших на водопой. Затем... бах! — Он кивнул. — Вот они. Теперь тут повсюду цветки ноктоли.

Гарт вырвал из земли растение с мясистыми черными листьями и тридцатисантиметровым цветком, в котором поблескивала серебристая пыль.

— Ноктоли, капитан. Выглядит безвредно, не так ли?

— Ага. — Браун потер лоб. — Это его пыльца вызывает амнезию?

— Только днем, когда растение активно. Ему нужен свет — это фототроп. Юпитер еще не сел, так что трюк должен сработать.

Гарт нашел еще один прут, насадил цветок на кончик и стряхнул немного пыльцы в воду.

— Яд действует быстро. Змею парализует через несколько секунд. Течение унесет пыльцу, мы успеем набрать воду.

Пола вышла из кустов и с опаской осмотрелась. За прошедшую неделю все приучились вести себя осторожно. На бледном лице девушки появились морщины, вызванные усталостью. Золотисто-рыжие волосы от влаги прилипли ко лбу.

— Карвер...

— В чем дело?

Пола взглянула на Гарта.

— Наши ребята. Сэмпсон разговаривает с ними.

Браун плотно сжал тонкие губы.

— Ничего нового. Сэмпсон любит трепать языком. О чем речь?

— Кажется, они хотят вернуться.

— Нам осталось идти дня три, — набирая воду в ведра, сказал Гарт, — если, конечно, мы не собьемся с пути.

— Я знаю. Но... они вооружены.

— Я поговорю с ними, — тихонько сказал Браун.

Взяв два ведра, Браун пошел в лагерь. Пола с Гартом последовали за ним. Через пару минут они добрались до поляны с лагерем.

Люди Брауна не стали готовить еду. Вместо этого они обступили Сэмпсона, ярко-рыжие волосы которого светились, как маяк. Браун поставил ведра на землю и направился к подчиненным.

Увидев его, они повернулись, но не стали расходиться. Рука Сэмпсона незаметно поползла к кобуре.

— Какие-то проблемы? — спросил Браун.

— Никаких, — прищурившись, ответил Сэмпсон. — За исключением той, что мы не ждали такого кошмара.

— Так вы хотите вернуться?

— Это не значит, что мы трусы, — ссутулив широкие плечи, сказал Сэмпсон. — Нам просто повезло, что мы до сих пор живы. Я на такое не подписывался, капитан.

— Я предупреждал, чего ожидать.

— Вы лишь сказали, что будет опасно. Никто из нас не знал Леса. Чертовы кровососущие растения хуже всего. Они тянут свои щупальца со всех сторон. Да и все остальное... нам не добраться до цели, капитан! Вы же сами это знаете!

— Мы еще не потеряли ни одного человека.

— Да, удача пока не отвернулась от нас. Кроме того, у нас есть Гарт. Он знает эту местность. Если бы не он, мы и дня бы не продержались.

— Он до сих пор с нами, — сухо сказал Браун. — Поэтому мы идем дальше. В любом случае, осталось всего три дня. Это не так уж много. Принимайтесь за еду.

Капитан повернулся к Сэмпсону спиной и ушел. Рыжеволосый гигант заколебался и нахмурился. Наконец, он пожал плечами и обвел взглядом остальных.

Это сняло напряжение. Один за другим солдаты разошлись и начали готовить пищу.

Гарта продолжал грызть настойчивый, глубоко укоренившийся страх. Он не хотел в этом признаваться даже самому себе. Но, пристально понаблюдав за Брауном этой ночью, он открыл аптечку и долго искал то, чего там не было.

V

В ЛЕСУ медленно наступил красный рассвет. Гарт почувствовал, что его трясут. Он что-то проворчал, пошевелился, открыл глаза и увидел побелевшее лицо Пола, за которой стоял Сэмпсон.

— Да. Что случилось?

Гарт вылез из-под одеяла и поморгал. Девушка с бледными губами указала на лежащую фигуру.

— Карвер. Капитан Браун. Он... я не знаю!

— Кажется, он мертв, — хрипло сказал Сэмпсон. — Дозорные не видели, чтобы он шевелился.

Сердце Гарта словно стиснули ледяные щупальца. Ничего не ответив, он схватил аптечку и подбежал к Брауну. Капитан непод-

вижно лежал, равномерно дыша. На его загорелых щеках выступил густой румянец.

— Это же не чума? — спросил Сэмпсон дрожащим голосом.

— Нет, конечно! — помотал головой Гарт. — Это... — Он заколебался.

Пола вцепилась ему в руку.

— Что? Какое-то насекомое укусило его... бабочка, да?

Гарт осторожно собрал аптечку. Он не поднял глаза.

— Так действует пыльца ноктоли. Вот и все. Это не смертельно. Он очнется после того, как покинет Лес или приобретет иммунитет.

— А сколько займет второе?

— Месяц или даже больше.

Гарт наклонился над спящим на вид человеком.

— Вставай, Браун, — настойчиво сказал он. — Слышишь? Вставай?

Капитан пошевелился. Он открыл глаза, мутные и ничего не видящие. Затем вылез из-под одеяла и встал, глядя вперед. Тихонько вскрикнув, Пола отошла назад. Люди на заднем плане беспокойно зашевелились.

— Ближе к ночи он придется в себя. Яд действует только днем... Я уже говорил это.

— Но ведь ночью идти нельзя, — сказал Пола. — Особенно по этому лесу!

— Я знаю. Это невозможно. Фонарики привлекают бабочек... и кучу других существ.

Сэмпсон резко повернулся к остальным.

— Собирайте вещи! Мы уходим отсюда! Живее!

Солдаты подчинились. Пола преградила путь Сэмпсону, тот остановился и заморгал, глядя на нее.

— Ты не можешь бросить капитана, Сэмпсон.

— Значит, придется нести его. Но мы возвращаемся в город.

Гарт подошел к Поле.

— Носилки нам не понадобятся. Он может идти. Действие яда ноктоли схоже с гипнозом. Человек остается в сознании, но его воля спит. Если кто-нибудь велит Брауну следовать за нами, он так и сделает.

— Мы уже не можем вернуться, — закусила губу Пола. — Мы в трех днях от цели.

— Послушай, — мрачно сказал Сэмпсон, — какого черта мы должны так рисковать своими жизнями? Предположим, мы будем идти дальше еще три дня. И дойдем до этого потерянного города или чем он там является. Что дальше? Мы окажемся в глубине Черного Леса. И сможем выбраться из него только за тринадцать дней! У нас будет тысяча возможностей умереть. Короче, мы уходим, ты можешь остаться или пойти с нами — выбирай сама!

Сэмпсон отвернулся.

ОСТАВШИЕСЬ одна, Пола беспомощно перевела взгляд с неподвижной, пристально смотрящей в никуда фигуры Брауна на Гарта.

— Карвер!

Он не пошевелился. Гарт ухмыльнулся.

— Теперь капитан подчиняется приказам и не способен на большее. До ночи он не проснется.

Пола сжала кулаки.

— Мы должны идти дальше! Должны! Если сейчас вернемся...

— Командир Бенсон запрет нас в камере, да?

Девушка сердито посмотрела на Гарта.

— Дело не только в этом. Мы упустим на шанс. Ты был прав, Гарт... нас интересует источник энергии Древних. Этот секрет кроется в Черном Лесу. Шифр из Чанна все подтвердил ... по крайней мере, я не сомневаюсь в этом. Земле нужна энергия больше, чем ты можешь себе представить. Без нее цивилизация рухнет... причем очень скоро.

— Допустим, мы пойдем дальше, — медленно сказал Гарт. — Я не собирался говорить тебе этого, но яд подействовал на Брауна, потому что мое противоядие было слишком старым. Кроме того, я дал ему уменьшенную дозу. Остальные... ну, они тоже перестанут быть собой через пару дней. Как и ты.

У девушки появились мешки под глазами.

— О... — сказала она через секунду. — Так, значит, вот как все обстоит.

— Именно так.

Пола упрямо подняла подбородок.

— Мне все равно... должен быть выход. Ты сам сказал, что ночью пыльца безвредна. Получается, нам придется ходить и сражаться по ночам.

— Сражаться?

— Зарно. Гарт, нам нужно как-то добраться до них. Найдя таинственный источник энергии, мы сразу же воспользуемся им! Я уверена, Древние оставили какое-нибудь оружие. На фресках в Чанне видно, что они обладали оружием, достаточно мощным, чтобы покорить зарно. Если мы раздобудем его...

— Ты спятила, — сказал Гарт. — Причем совершенно. Что мне делать, черт побери? Сэмпсон отстрелит мне башку, если я попытаюсь остановить его.

Но он уже понял, что, развернувшись, потеряет возможность не только найти источник энергии Древних, но и шанс заполучить лекарство от Серебряной Чумы.

— Нет, — упрямо сказал он.

Пола оскалила губу.

— Мне не стоило просить у тебя помощи. Я сама справлюсь.

Гарт взглянул на нее. Она не справится. Она не заставит пере-
думать десять закаленных бойцов, возглавляемых Сэмпсоном. Она
не справится. И, в конце концов, вернется на Землю в клетке и стан-
нет очередной жертвой Серебряной Чумы. Ну, разумеется, болезнь,
возможно обойдет ее стороной. Но, может, и не обойдет.

Пола умрет так же, как Мойра несколько лет назад.

Гарт пожал плечами и положил руку на пистолет девушки, чтобы
она его опустила.

— Не лезь в это, — приказал он, развернулся и пошел по поляне
туда, где Сэмпсон и остальные уже закидывали рюкзаки на плечи.

Рыжеволосый гигант взглянул на приближающегося Гарта.

— Собирайся, — сказал он. — Мы торопимся.

— Я никуда не иду.

Сэмпсон нахмурился.

— Черта с два. Ты нам нужен.

Грудную клетку Гарта словно сдавило ледяными щупальцами.

— Я знаю. Без меня вам не выбраться. Вы погибнете в Лесу. Но
мы с Полой и капитаном Брауном пойдем вперед, чтобы закончить
начатое.

— Ах ты, мерзкий сопляк! — взревел Сэмпсон и вытянул руку,
чтобы схватить Гарта.

Тот отошел и вытащил пистолет.

— Полегче, — практически шепотом сказал Гарт.

У Сэмпсона в руке тоже появился пистолет. Солдаты за гигантом
с сердитым видом подошли к нему.

— Ты идешь с нами!

— Только не живой. А мертвый я вам не нужен, не так ли?

Через секунду Сэмпсон убрал пистолет в кобуру и посмотрел на
солдат.

— Мы справимся и без этого сукина сына, — сказал кто-то.

— Заткнись, — рявкнул Сэмпсон. — Не справимся. То растение с
щупальцами высосало бы из тебя всю кровь, если бы Гарт не уви-
дел его вовремя. Он знает, куда ступать в этих адских джунглях.

Гарт ничего не говорил. Он ждал, держа пистолет с небрежной
легкостью.

— Тогда что тебе нужно? — свирепо уставившись на него, спросил
Сэмпсон.

— Чтобы вы продолжали идти... и довели дело до конца.

— И что потом?

— Возможно, мы найдем оружие... и что-нибудь еще.

— А что если нет?

— Тогда мы вернемся в город. Я завел вас сюда, и я единственный человек на Ганимеде, способный вывести вас обратно.

— Предположим, мы согласимся, — прищурился Сэмпсон. — Но ты не можешь держать нас под прицелом все время. Мы можем схватить тебя. Существует много способов заставить человека делать то, что он не хочет.

— Разумеется, — согласился Гарт, — вы можете пытаться меня. Только это не поможет.

Сэмпсон глянул на девушку.

— И это тоже, — быстро добавил Гарт. — А дело вот в чем. Противоядие, которое я вам дал, оказалось слишком старым. Оно действует не так, как должно. Капитан Браун не выдержал первым. В лучшем случае, дня через три вы все будете отравлены ядом ноктоли!

Гарту показалось, что Сэмпсон пристрелит его на месте. Солдаты недовольно забормотали.

Сэмпсон утихомирил их, подняв руку. Гигант был бледным, не смотря на космический загар.

— Ты серьезно?

— Серьезней некуда, — кивнул Гарт. — Так вот, чтобы выйти из Леса, нужна, как минимум неделя, и столько вы точно не продержитесь, даже если заставите меня вести вас. Да и я сильно сомневаюсь, что вам удастся это сделать. Но, допустим, что я все-таки повел вас... через три дня вы все будете, как капитан. Вы станете живыми мертвецами! Ночью с вами все будет в порядке, но по темноте идти нельзя. Днем вы будете живыми статуями, сидящими в Лесу и ждущими, пока растение-кровосос не вцепится в вас и не высосет всю кровь, или ядовитые бабочки не парализуют вас и не отложат яйца... вы сами видели, какие твари водятся в Лесу. Днем вы будете беспомощны. Вы не сможете убежать. Однажды ночью вы проснетесь с отгрызенными ногами и поймете, что вас заживо сжирают личинки бабочек. Как вам такая перспектива? Ну, вот что вас ждет, и я *единственный*, кто может спасти вас!

ПО ЛИЦАМ солдат Гарт понял, что добился своего. Смертельная угроза Леса, вечно притаившаяся за спиной, здорово расшатала им нервы. Сэмпсон сжал огромные кулаки.

— Черт тебя дери! — прорычал он. — Ты не можешь...

— Говорю, как есть, — быстро продолжал Гарт. — Разумеется, мы в затруднительном положении, но у нас пока есть шанс выжить. Я могу приготовить новое противоядие, но на это потребуется время. Пока мы идем, это невозможно. Кроме того, мне нужно оборудование. Вот что я предлагаю — мы идем дальше, как собирались изна-

чально. У меня иммунитет к пылице. Если поторопимся, то доберемся до потерянного города или чем бы это место ни являлось до того, как вы потеряете рассудок. Там я начну готовить противоядие. Нам придется ловить маленьких животных и выжидать инкубационный период. Но потом я вколю вам свежее противоядие и нейтрализую яд.

— Слишком сложный план, — сказал Сэмпсон.

— Ладно, — ответил Гарт. — Как хотите. Можете сыграть по-моему или точно погибнуть.

Он развернулся и пошел к Поле, до сих пор не отошедшей от Брауна.

Девушка посмотрела Гарту в глаза.

— Спасибо. Ты отлично придумал... просто идеально. Надеюсь, все получится.

— Это в любом случае самоубийство, — проворчал Гарт, собрал вещи Брауна, затем принялся за свои.

Послышались шаги. Гарт не обернулся.

— Мы согласны на твой вариант, — раздался хриплый голос Сэмпсона, с трудом сдерживающего гнев и страх. — Но упаси тебя Господь, если ты обманешь нас!

Внезапное облегчение ослабило Гарта. Он попытался не выказывать этого, хотя понял, что у него дрожат руки.

— Хорошо, — сказал он. — Выдвигаемся через десять минут. Будьте готовы к этому времени.

Сэмпсон что-то пробормотал и отошел. Гарт надел рюкзак на плечи Брауна. Капитан, тупо глядя вперед, казалось, даже не заметил этого.

— Следи за ним, — сказал Гарт Поле. — Он должен держаться между нами. Учти, он будет шагать, пока мы не прикажем ему остановиться. Понятно?

Пола кивнула, облизнув губы.

— Д-да. А... это случится... со всеми нами?

Гарт ничего не ответил. Отвечать было нечего. Но, уводя экспедицию с поляны, он знал, что затеял слишком сложную игру. Возможностей потерпеть неудачу будет очень много! Откровенно говоря, шансы на успех невелики... однако, ставки очень высокие.

Если бы Гарт знал, что положение экспедиции еще хуже, чем он предполагал, то, возможно, не стал бы так рисковать. Яд ноктоли подействовал на остальных быстрее, чем через три дня.

Тем временем, он вел десять мрачных человек, наполненных страхом, живой труп и девушку вглубь неисследованного сердца Черного Леса. Цветы ноктоли неумолимо выдыхали смертельно опасный яд из подлеска.

ЭТИМ днем они встретились с новым врагом — блестящими черными ящерами двухметровой длины, поджидавшими экспедицию, сидя на деревьях, слившись с окружающей природой так, что их было не видно. Затем рептилии бросились на людей, раскрыв челюсти полные острых зубов. Группу спасла постоянная бдительность... а также автоматы и пистолеты.

Появление ящеров не избавило Гарта и остальных от прежних угроз. Растения-кровососы стали встречаться еще чаще, а мох, сливающийся с землей, не переставал создавать обманчивые тропки, ведущие через красноватую дымку. К наступлению ночи все уже чуть ли не валились с ног от усталости, дрожа от нервного напряжения. Гарт знал, что Сэмпсон с солдатами могут наброситься на него по любому поводу.

К счастью, через час после того, как они разбили лагерь, капитан Браун вышел из транса и начал вести себя совершенно нормально. Правда, он не сразу понял, что произошло.

Гарт впервые увидел, как вечно бесстрастный Браун потерял над собой контроль, но это продлилось всего лишь секунду, и затем все встало на круги своя. На узком, обветренном лице капитана промелькнул ужас.

Он зажег сигарету, не сводя задумчивого взгляда с Полы и Гарта. Затем посмотрел на солдат на заднем плане, готовящих еду.

— Понятно... Дело плохо. Я так полагаю, ночью двигаться не получится?

— Это невозможно, — ответил Гарт.

— Ты сможешь приготовить новую порцию противоядия?

— Конечно... но не здесь. Тут слишком опасно. Мы не потеряли ни одного человека только потому, что постоянно двигались и всегда разбивали лагерь на новом месте. Если задержимся на одной точке, нас быстро окружит толпа чудовищ.

— Я с трудом осознаю, что мое тело теперь не всегда подчиняется мне, — задумчиво сказал Браун. — Меня это просто шокировало. Так, значит... — Он медленно выпустил дым через нос. — Еще два дня пути, да? И мы доберемся до потерянного города?

— Если это город. Мы даже не знаем, что это.

— Однако, нам точно известно, что там живут зарно. Очень желательно, чтобы мы пришли туда поздно вечером, чтобы я... был в сознании. Если придется сражаться, я хочу сам управлять своим телом. Какого дьявола ты не проверил противоядие, Гарт? — У капитана был сердитый голос.

Гарт ничего не ответил. Браун дал ему слишком мало времени на подготовку, но он не собирался искать оправданий.

— Сейчас не лучшее время для споров, — сказал Пола. — Карвер, тебе лучше поговорить с остальными, чтобы завтра не возникло проблем.

— Да-да, ты права.

Умело подобранные фразы Брауна убедили даже упрямого Сэмпсона.

Группа спала тревожно, заменяя дозорных каждые два часа. Наутро капитан Браун снова погрузился в транс. Пара человек пожаловались на головную боль.

К обеду яд взял верх над Полой. Гарт не сразу понял, что случилось. Затем, повернувшись, он увидел ее ничего не выражающее лицо и глаза, слепо смотрящие вперед. Девушка автоматически шла вперед, и Гарт осознал, что до наступления ночи она будет в трансе, вызванном пылью ноктоли. Физические усилия — даже обычная ходьба — ускоряли обмен веществ, что сокращало инкубационный период.

Экспедиция продолжала идти. Через час еще один человек сделался живым мертвецом. Затем следующий. К середине дня в сознании осталось только пятеро, включая Гарта и Сэмпсона.

Трудности росли пропорционально уменьшению числа людей, способных действовать по своей воле. Приходилось постоянно быть настороже. Жертвы пыли спокойно шли друг за другом, но никак не реагировали на опасность. Если растение-кровосос попыталось бы схватить их щупальцами, они даже не постарались бы увернуться. У людей в трансе отсутствовал инстинкт самосохранения.

Вечер был настоящим кошмаром. Гарту, Сэмпсону и еще одному солдату пришлось охранять и вести всех остальных. То и дело они были вынуждены стрелять

Перед наступлением темноты в лагере находились в сознании только Сэмпсон и Гарт.

РЫЖЕВОЛОСЫЙ гигант, с трудом держась на ногах от усталости, прищурившись, посмотрел на Гарта.

— Хорошая работа, ничего не скажешь — через некоторое время с сарказмом заметил он. — И что теперь? Может, нам лучше перерезать друг другу глотки?

Гарт выдавил из себя неуверенную улыбку.

— Наши дела не так уж плохи. Осталось потерпеть только день. Завтра... мы будем уже на месте. Другого выбора у нас нет.

В глазах Сэмпсона невольно заблестело уважение.

— Ты же едва стоишь. Я не понимаю, как ты выдерживаешь такой темп. В любом случае... возвращаться уже поздно. Тут обсуждать нечего.

— Да. Остальные скоро проснутся. Надо продержаться еще немного.

Они вглядывались в безмолвные глубины Черного Леса, держа оружие наготове, пока их спутники неподвижно лежали, не способные защитить себя.

Через некоторое время Сэмпсон заговорил. Во мраке Гарт не видел его лица.

— А ты чего здесь ищешь, Гарт?

— Что?

— Я ошибся, когда принял тебя за бродягу... Для тебя эта экспедиция явно очень важна, иначе ты так не рвался бы вглубь Леса. Так что ты ищешь? Наверное, сокровища, драгоценные камни или?.. Что именно?

— Сам не знаю, — усмехнулся Гарт. — Может, всего помаленьку. Мне все равно.

— Гм-м, — растерянно промычал Сэмпсон и замолчал.

Гарт снова взялся крутить в голове то, что его мучало уже несколько лет. Неужели он убил доктора Уилларда? Возможно, очень скоро ему удастся найти ответ на этот вопрос.

Но это имело значения только для него, в отличие от черной записной книжки, с которой не расставался док.

Через некоторое время капитан Браун зашевелился и сел. Пару минут спустя очнулись все остальные. Вышедшие из транса запаниковали, но присутствие Брауна и Сэмпсона успокоило их.

Гарт почувствовал большое облегчение, потому что ему больше не надо было охранять десяток беспомощных людей, и почти сразу заснул.

Он проснулся на рассвете. Сверху пробивался тусклый красный свет. Остальные неподвижно лежали под одеялами. Гигант Сэмпсон свернулся в калачик под деревом.

Гарт с трудом встал и подошел к нему.

— Сэмпсон! — крикнул он. — Проснись! У нас много дел...

Гарт резко остановился. Мутные глаза Сэмпсона были открыты и смотрели в одну точку, а на его смуглых щеках выступил густой румянец.

Яд ноктоли добрался до рыжеволосого!..

Побелев, Гарт отошел назад. На него внезапно обрушилось ужасное чувство одиночества. Казалось, в джунглях что-то шевелилось, угрожающе приближаясь.

Он остался один.

Один... с двенадцатью беспомощными спутниками, которых надо защищать!

Каким-то образом... хоть каким!.. он должен был довести их до цели. Еще один день, и они доберутся до места назначения. По крайней мере, торчать здесь точно было нельзя.

Гарт шарил в рюкзаке Сэмпсона, пока не нашел початую бутылку виски. Затем влил обжигающую жидкость себе в глотку, хотя и так плохо держался на ногах. Но ему была нужна искусственная стимуляция – ничто другое помочь не могло.

Гарт действительно почувствовал себя лучше, взял пистолет Сэмпсона и сунул его себе за пояс. На один пистолет нельзя было рассчитывать, его могло заклинить, а сегодня это, возможно, привело бы к чьей-нибудь смерти.

Еще день.

Еще день!

Каким-то образом Гарту удалось выстроить Сэмпсона, Брауна и остальных в цепочку. Они будут идти, пока он не отдаст другой приказ. Гипнотический транс, вызванный пылью, превращал людей в роботов.

Гарт сделал так, чтобы Пола шла сразу за ним. Вид ее бледного, напряженного лица несколько пугал его, но он боялся не за себя, потому что вспомнил Мойру, ставшую жертвой Чумы несколько лет назад.

Одиннадцать мужчин и девушка... только Гарт мог всех их спасти.

Он убедился, что рюкзаки не свалятся с плеч солдат, затем плотнул еще виски, взял в руку один из пистолетов и отдал приказ следовать за ним.

Живые мертвецы послушно зашагали точно роботы.

Если вчерашний день был адом, то сегодняшний – адом в квадрате.

Уже через час нервы Гарта были на пределе. Ему приходилось постоянно осматриваться. Из-за того, что он все время пытался найти взглядом существ, сливающихся с окружающей местностью, у него заболели глаза. Когда что-то шевелилось, он должен был быть готов нажать на курок...

Гарту пришлось постоянно оглядываться, поскольку Сэмпсон, замыкающий цепочку, был таким же беспомощным, как и все остальные.

Виски помогало Гарту идти дальше. Без алкоголя в крови он уже давно свалился бы от усталости. Когда наступил полдень, ему пришлось приказать всем остановиться, так как его глаза пульсировали

от напряжения. Но даже тогда Гарт не смог расслабиться. Опасность поджидала со всех сторон.

Он так и не вспомнил, как двигался потом. Наверное, он сам стал роботом, повинующимся только инстинктам. Но Гарт каким-то образом вел экспедицию дальше...

Вдруг он словно проснулся после глубокого сна и внезапно осознал, что шагает вперед, ритмично крутя головой и всматриваясь в джунгли. Красные сумерки почти исчезли.

Гарт развернулся и увидел, что невредимая Пола до сих пор идет за ним. Остальные вытянулись в цепочку — все одиннадцать человек, — которую замыкал краснолицый Сэмпсон. Никто не отстал.

Гарт дрожал. Все его тело болело так, словно горело огнем. Быстро осмотрев себя, он увидел, что его одежда порвана на лоскуты, а кожа расчесана. Кроме того, вдоль ребер шла длинная царапина. Она явно была обработана антисептиком, хотя Гарт не помнил, кто на него напал, и как он открывал аптечку.

Но что же разбудило его? Он вгляделся во мрак и различил слева впереди какой-то темный объект с незамысловатыми очертаниями. Через пару шагов стало понятно, что это здание из черного камня или металла не более чем четырехметровой высоты с арочным входом в ближайшей стене.

Почему-то это задело какую-то ниточку в голове Гарта. Наверное, он добрался до цели. Дикари не могли построить такое здание. Тогда кто это сделал? Древняя Раса?

Зарно... возможно, они уже близко. Пока все бойцы в трансе, лучше не наткаться на местных жителей. Тут, в лесу, где нет нормального укрытия, они окажутся во власти зарно, если те все же objevяются.

Гарт тихо отправился в разведку, взяв с собой всю пребывающую в трансе экспедицию, так как не смел оставлять их одних. Черное здание казалось необитаемым. Он смутно разглядел лестницу, ведущую в темноту, и, что более важно, порог, который был покрыт толстым слоем пыли и плесени. Храм... был пустым.

Что делало его хорошим укрытием. Гарт начал понимать, что больше он не в силах идти и должен срочно отдохнуть, иначе просто рухнет и потеряет сознание. Ему осталось продержаться совсем немного, так как его спутники очнутся сразу после наступления темноты.

Гарт осторожно перешагнул через порог и оказался во мраке храма. Одновременно с этим пол практически незаметно опустился под его ногами, и откуда-то издалека, словно из-под земли, донесся глухой звон, похожий на колокольный.

Гарта на секунду охватила нерешительность. Звон явно был каким-то сигналом... предупреждением о приближении незваных гостей? И кто должен был его получить?

ОТВЕТА пришлось ждать совсем недолго. Раздался тихий крик, хриплый и почему-то знакомый. Это был лишь первый из многих. Гарт все еще стоял на пороге, не зная, с какой стороны ждет опасность, инстинктивно вытянув руку и подтянув Полу к себе. Она покорно встала рядом, ее глаза по-прежнему ничего не видели. Остальные стояли, как статуи.

В кустах что-то мелькнуло. Алый клубок лиан и листьев раздвинулся, и из леса выпрыгнула какая-то фигура. Существо походило на человека, но им не являлось!

С первого взгляда показалось, что это почти двухметровый воин в доспехах, с пропорционально широкими плечами. Свет отражался от его тела. Безволосая голова, сидящая прямо на плечах, на которой не было ничего, кроме овальных угольно-черных глаз, походила на блестящий каменный шар. Глаза существа вселяли сверхъестественный страх.

Это ожившая статуя! Тело существа явно было не из плоти, а из твердого, прочного и блестящего полупрозрачного стекла. Кремниевая жизнь!

На Земле развилась углеродная жизнь, а на Ганимеде кремниевая... но разумная и опасная!

За первым каменным существом из леса выскочили и остальные. Увидев Гарта и его спутников, они остановились. Первый шагнул вперед. Рта у него не было, но круглая мембрана на месте носа быстро завибрировала, создавая знакомые слова:

— *Аль-хрон ганро ссел ри...*

Это был Древний Язык, который Гарт выучил пять лет назад и до сих пор не забыл. Он без проблем понимал его. Теперь он кое-что вспомнил. Эти существа... ему уже доводилось видеть их. Зарно...

— Мы пришли с миром. — Гарт поднял руку, пытаясь подавить тревогу и ожидая ответа.

— Ты не бог, — услышал он через несколько секунд. — Рядом с тобой тоже не боги. Мы зарно, мы уничтожаем, потому что нам приказали охранять дом до возвращения богов.

Второе кремниевое существо вышло вперед.

— Разве ты не знаешь это существо, Карн? Восемь *истодов* назад оно пришло сюда с другим таким же, как он. Неужели ты забыл?

Карн медленно покачал головой.

— Это правда. Тогда мы не убили их, поскольку посчитали посланниками богов. Они притворились... мы не уверены, кем. Этот сбежал. Второй исчез во Тьме.

Второй? Док Уиллард? У Гарта пересохло в горле.

— Тьма? Что это?

— Место, откуда возвращаются только боги, — медленно ответил Карн.

Он имел в виду... смерть? Второй зарно заговорил прежде, чем Гарт успел задать вопрос.

— Их нужно схватить и принести в жертву, Карн.

Гарт вытащил пистолет.

— Подождите, — резко сказал он, когда зарно двинулись вперед. — У нас есть оружие. Мы можем убить вас.

— Ты говоришь неправду. Только боги могут уничтожить нас. Много столетий назад они пришли сюда, построили храм и научили нас мудрости, а когда ушли, мы остались, чтобы охранять священные места.

Гарт с трудом сохранял видимое спокойствие.

— Мы посланники богов... — заявил он.

— Это неправда. — Карн медленно пошел вперед. — Взять их!

Гарт понял, что потерпел поражение.

РАЗМЕРЕННОЕ, неумолимое приближение чудовищных существ походило на кошмарный сон. Гарт поднял пистолет и стиснул руку Пола.

— Отходим, — приказал он, осознавая бесполезность этого слова.

Карн и остальные были уже совсем рядом. Блестящей рукой существо схватило Гарта за плечо. Он выстрелил.

Карн, казалось, не обратил на это внимания, хотя пуля попала в цель. Гарт снова нажал на курок. Пистолет дернулся в руке.

Зарно были... неуязвимыми!

Несмотря на это, Гарт продолжал сопротивляться. Он видел, как кремниевые люди поднимали его спутников, точно мешки с мукой, взвалили на блестящие плечи и понесли в Лес, не встречая сопротивления. Полу вырвали из руки Гарта. Выругавшись, он ударил по бесстрастному, нечеловеческому лицу Карна рукояткой пистолета. Бесполезно! Ничто не могло причинить боль созданиям из живого камня.

Не обращая внимания на тщетные попытки вырваться, Карн поднял Гарта в воздух. Беспомощного проводника потащили вместе с остальными. Он заставил себя расслабиться, но пришел в ярость из-за ощущения полной беспомощности

Гарт с трудом успокоился. Лучше подождать. Возможно, позже появится шанс на победу, но точно не сейчас. Надо терпеть...

Пара десятков каменных гигантов тащила людей по лесу, погрузившемуся в красные сумерки. Уже довольно скоро впереди показался металлический столб с арочным проходом. Его охраняли двое чудовищ. На секунду Гарт принял монолит за одно из черных деревьев, затем осознал ошибку, когда его перенесли через порог и начали спускать по винтовой лестнице.

Появился прохладный свет, казалось, исходящий из самих стен. Шаги Карна продолжали мерно стучать. От внезапно нахлынувшей слабости у Гарта закружилась голова. Он заметил колодец, казалось, уходящий в самое сердце планеты, вокруг которого шла лестница.

Физическое истощение обрушилось на него, словно паровой молот.

VII

ГАРТ лишь смутно помнил, что случилось потом. Это походило на серию фантастических видений, кошмарных картин. Лестница вела в зал, напоминающий Чанн и все остальные города Древних, где Гарту довелось побывать. Повсюду высились загадочные машины. Но, в отличие от Чанна, этот город освещал белый свет, исходящий от стен и высокого куполообразного потолка.

Многочисленные пещеры, населенные кремниевыми людьми, были заполнены мертвыми машинами Древних. Наконец, людей притащили в огромный зал, где наклонный пол вел к возвышению в дальнем конце помещения. На платформе стоял трон из черного металла, на котором сидел гигантский четверорукий робот, каких Гарт прежде никогда не видел — по прикидкам, рост робота достигал пяти метров.

Гарт все это заметил лишь мельком. Его быстро унесли в маленькую пещеру с металлическими дверями в стенах. Зарно открыли одну дверь, затащили туда всех землян и бесцеремонно бросили на пол, затем ушли, не забыв захлопнуть дверь. Наступила тишина.

Шатаясь, Гарт поднялся на ноги и осмотрелся. Клетка казалась странно знакомой. Пять лет назад он уже сидел в одной из таких камер вместе с доком Уиллардом. Серебристый свет шел из угла стены, в которой была решетка. Никаких других отличительных черт тут не было.

Гарт дошел до решетки и выглянул в коридор. Два зарно стояли в нескольких метрах от клетки. *Замок... можно открыть*, подумал

Гарт, но кремниевые существа неуязвимы. Так что пока не стоит рассматривать варианты побега.

— Гарт, где мы, черт побери? — раздался хриплый голос капитана Брауна.

— Что? О, ты проснулся, — мрачно засмеялся Гарт. — Как это ни печально, но ты опоздал на полчаса. Не то, чтобы это хоть как-то помогло...

Браун резко выпрямился.

— Что ты хочешь сказать? Что произошло?

Остальные тоже начали просыпаться. Через несколько секунд в камере стали задавать вопросы. Один из зарно подошел к решетке и заглянул внутрь. Его встретила тишина.

После того, как он ушел, Гарт воспользовался моментом.

— Я расскажу вам, что происходит, а потом пойду спать. Если вы будете меня перебивать, я засну. У меня совсем нет сил.

— Суровые ребята, — прищурившись и посмотрев в сторону двери, сказал Сэмпсон. — Выкладывай, Гарт. Кажется, наши дела совсем плохи.

— Да, так и есть. Послушайте... — Гарт кратко объяснил, что случилось.

Ему задали вопросы, и он ответил на них.

— Ты знаешь их язык?

— Это нам не поможет, Браун.

— Они не могут быть неуязвимыми.

— Могут... для нашего оружия. Это же кремниевая жизнь!

— Когда они... принесут нас в жертву? — едва заметно дрожа, но стараясь этого не показывать, спросила Пола.

— Я не знаю, — пожал плечами Гарт. — Возможно, мне удастся убедить их не делать этого. Черт его знает. Они поклоняются богам... Древним, я так полагаю... и знают, что мы не имеем к ним отношения. Вот какой у нас расклад.

— Ну...

ЗЕМЛЯНЕ так и не решили, как быть дальше. Сэмпсон спокойно подошел к двери, нашел изогнутый кусок проволоки и открыл замок.

— Это простая защелка, — тихо сказал он остальным через некоторое время. — Она не удержит нас тут.

К нему подошел Гарт.

— В коридоре охранники. Так что далеко мы все равно не уйдем.

Один зарно сделал несколько шагов и заглянул в камеру через решетку.

— Карн сказал, что голодать вам предстоит совсем недолго. Завтра вы все умрете. Вы же едите, как создания из леса, не так ли?

— Что он сказал? — пробормотал Сэмпсон.

— Ничего важного. — Гарт перешел на Древний Язык. — Нас опасно убивать. Мы посланники богов.

— Мы поверим вам только тогда, когда один из богов подтвердит это.

Зарно бесстрастно кивнул и отошел назад.

Пола коснулась руки Гарта.

— Разве не существует способа...

— Я не знаю. Может, и существует. А, может, его нет.

— Тут горит свет. В остальных городах Древних крошечная темнота. Значит, здешний источник энергии все еще работает. Если мы найдем его...

Гарт не мог заставить себя посмотреть на Полу, зная, что им всем суждено завтра погибнуть.

Он пожал плечами, отвернулся и нашел пустой угол. Затем, не обращая внимания на остальных, попытался расслабиться на твердом полу. Его мозг уже перестал работать. Он переутомился. Гарт смутно представлял, что существует какой-то способ выбраться из камеры... но он слишком устал, чтобы размышлять дальше. Ему были необходимы несколько часов сна.

Но он проснулся уже после рассвета и увидел, что остальные неподвижно лежат, уставившись в одну точку, пребывая в трансе.

Взглянув на часы на запястье Брауна, Гарт узнал, сколько сейчас времени, и понял, что действовать надо быстро — если это вообще имеет смысл. Сон освежил его, хотя мышцы все еще противно ныли. Он начал вспоминать, какой слабостью зарно хотел воспользоваться.

Когда Гарт с доком Уиллардом попали к ним в плен пять лет назад, их сторожили только по ночам. Длинным ганимедианским днем охрана не требовалась, потому что ее роль исполняла пыльца ноктоли. По мнению зарно, днем люди из плоти находились в трансе и были беспомощны. Или...

Гарт тихо подошел к двери. Через решетку он увидел пустую пещеру. Стражников там не было. Он порадовался тому, что проснулся только после рассвета, так как зарно, наверное, посчитали, что яд действует и на него.

Но что делать дальше? Бежать? Куда? В затерянном городе все еще не иссяк загадочный источник энергии, и, возможно, оружие Древних все еще работало. Оружие, намного более мощное, чем пистолеты, способное уничтожить зарно! Но в любом случае сначала надо было найти укрытие. Иначе всех людей принесут в жертву.

Как иронично — искать укрытие в подземном городе, кишашем зарно!

Гарт пожал плечами. Он обнаружил, что дверь заперта, и потребовалось какое-то время, чтобы найти изогнутую проволочку, которой воспользовался Сэмпсон. Но даже потом Гарт не смог заставить хитроумный замок слушаться его. Он хмурился, жевал губу и пристально смотрел на проволоку. Тут требовались ловкие пальцы Сэмпсона.

Гарт разбудил рыжеволосого гиганта и велел ему подойти к двери. Сэмпсон глядел вперед мутными глазами и подчинился приказу Гарта... потом остановился. Можно ли воспользоваться его инстинктами?

Существовал только один способ это выяснить. Гарт вложил проволоку в руку Сэмпсона.

— Открой замок.

Ему не пришлось повторять команду, чтобы Сэмпсон понял его. Здоровяк наклонился и стал копать в замке, работая с ужасающей медлительностью.

Казалось, прошло несколько часов, прежде Сэмпсон распрямился.

ГАРТ толкнул дверь. Она открылась.

Так или иначе, первый шаг был сделан. Но остальные будут более сложными. Он не знал, что и где находится в подземном городе. Так как у него, черт возьми, получится не попасться на глаза зарно и найти укрытие? Один он еще мог бы рискнуть. Но ему надо было взять с собой двенадцать человек.

— Следуй за мной, — сказал Гарт всем по очереди. — Понятно? Следуй за мной, пока я не велю остановиться. Ступай, как можно тише.

Затем он вывел их из камеры.

Город, как быстро понял Гарт, представлял собой лабиринт. К счастью, в нем было бесчисленное множество перпендикулярных проходов. Все города Древних походили друг на друга. Гарт приблизительно помнил план Чанна, что здорово помогло. Но временами ему приходилось идти очень быстро, и его спутники шагали так, словно брели по реке.

— Быстрее! Сюда! *Живо!*

Когда слышались тяжелые, металлические шаги зарно, похожие на стук барабана, они зашли за Гартом в боковой туннель.

Но он не мог найти места, где можно было спрятаться надолго. Хуже всего, что уже доносились отдаленный грохот, и Гарт понимал его значение. Зарно узнали о побеге пленников.

Он осторожно прошел вдоль стены огромной пещеры с возвышением, глянув на гигантского робота вдаль, затем провел подопечных по извилистому коридору, уходящему вниз. Но шаги стали только громче. Гарт не сомневался, что их преследуют.

Он ускорил шаг и стал регулярно оглядываться. Если он не найдет какой-нибудь боковой проход, быстроногие зарно скоро настигнут всех землян.

— Быстрее! Шевелитесь!

Члены экспедиция пытались не отставать. Они уже бежали, как роботы, пристально смотря в точку перед собой, пока шум погони становился все громче и громче. В очередной раз оглянувшись, Гарт увидел, как в туннеле что-то сверкнуло. Зарно!

— Быстрее!

Но боковых проходов по-прежнему не было. Земляне оказались в совершенно пустой небольшой пещере — в тупике. От трех стен отражался яркий свет.

Четвертая стена была угольно-черной, но не каменной и не металлической, а просто походила на мрачный занавес, перегородающий путь. Гарт резко остановился, осознавая полнейшую безнадёжность своего положения. Земляне попали в ловушку.

Зарно приближались, безошибочно зная, куда идти.

Гарт достал бесполезный пистолет. Он выглядел решительно и мрачно. Что могли сделать пули кремниевым существам?

Но просто ждать своей участи было еще хуже. По крайней мере, он попытается дать отпор.

Гарт забыл приказать своим спутникам остановиться. Глянув в сторону, он увидел то, от чего его глаза округлились от изумления. Пола приблизилась к черному занавесу... к стене...

Она сделала еще один шаг и исчезла.

Браун тоже прошел через стену. За ним последовал один из солдат, а следом второй.

Наконец, словно призрак, в черноте исчез Сэмпсон!

Гарт развернулся в ту сторону, откуда доносились шаги. В коридоре уже сверкали отблески, говорящие о приближении зарно.

— Да пошли вы все к черту, — мрачно улыбнувшись, тихонько сказал он, и снова развернулся.

Он пошел за остальными

И исчез в черной стене!

ГАРТА резко тряхнуло, и он чуть не упал. Но все же, пошатнувшись, он смог устоять и понял, что оказался в проходе, ведущем к чему-то очень яркому. Впереди виднелись силуэты бегущих спутников.

Он помчался за ними. Но не стал обгонять их, пока не оказался в пещере, не похожей на все предыдущие.

— Ладно! Стойте! Стойте, все, хватит.

Пребывающие в трансе люди замерли. Гарт глянул назад, но зарно, казалось, остались далеко позади.

Пещера была освещена так же, как все остальные залы. Но механизмов тут почти не было. Зато несчетными рядами на темном металлическом полу стояли гигантские четверорукие роботы, напоминающие армию. Стены были усеяны тысячами жемчужных дисков. От ближайшего механизма — треноги с квадратным ящиком, увенчанном линзами, — шел тихий гул.

Гарт подошел к устройству. Он заколебался, снова оглянулся и приложил глаз к объективу.

В его голове словно заговорил какой-то голос:

— ...ввели правило тишины. После этого Генжаро Ло объявил, что космические путешествия неизбежны и способны решить естественные проблемы нашей цивилизации...

Голос говорил на Древнем Языке. Одновременно с этим Гарт видел в приборе, как огромное, четверорукое существо с разбухшей, но все же симметричной головой, стоит на трибуне и обращается к множеству...

— Эд! — разнеслось по тихой пещере. — Эд Гарт! Ты все-таки вернулся!

Гарт развернулся. Из ближайшего прохода вышел низенький, худой человек с седыми волосами и уставшим, морщинистым лицом. Он бежал к Гарту, его глаза блестели, а рваная одежда развевалась.

— Док Уиллард, — сказал Гарт так, будто начал молиться. — *Ты жив...*

УИЛЛАРД схватил друга за руки.

— Да, жив, если можно так сказать. Я жил единственной надеждой. Я знал, что ты вернешься с подмогой. И ты это сделал!

Пещера закружилась вокруг Гарта. Он собрался с силами и пристально посмотрел на старика.

— Док! Я сходил с ума все эти пять лет. Я думал... что убил тебя.

— Убил меня? — Уиллард уставился на Гарта. — Но...

— Алтарь! — Слова вываливались изо рта Гарта. — Я почти ничего не помню. Этот чертов яд ноктоли... я все забыл. Но знаю, что пытался зарезать тебя, пока ты лежал на алтаре...

Глаза Уилларда сочувственно засветились.

— Боже правый, Эд! И ты помнишь только это? Последние пять лет, наверное, были для тебя настоящим адом.

— Да. Я не знал...

— Мы спланировали это. Все от начала до конца. Устроили притворную церемонию, чтобы произвести впечатление на зарно и получить шанс сбежать. Они *допускали* возможность того, что нас прислали их боги — Древние — и мы убедили их в этом после того, как выучили язык. Жертвоприношение... оно было ненастоящим, вот и все. Мы лишь привели план в исполнение. Ты сделал вид, что ударил меня ножом, зарно встали на колени, начав кланяться, и мы смогли сбежать. Ну, по крайней мере, тебе удалось скрыться. Меня они поймали.

Гарт помотал головой.

— Расскажи мне все, что случилось. Я ничего не знаю.

Уиллард удивленно посмотрел на Гарта.

— Тебе и самому надо кое-что объяснить, Эд. Твои друзья... они под воздействием пыльцы?

— Да. Я создал противоядие, но оно выдохлось. — Гарт быстро рассказал все важные подробности похода.

— Понятно. Кстати... у тебя есть закурить? — Уиллард с наслаждением затянулся. — Как хорошо!. Я уже пять лет не курил. Садись, поговорим. Стульев, как видишь, нет, поэтому придется довольствоваться полом.

— Ладно. Что с тобой случилось?

— Ничего особенного. Когда мы устроили притворную церемонию — зарно очень религиозный народ — я направился к маленькому черному храму в лесу. Ты знаешь это место?

— Да. Там они поймали нас.

— Так вот, оно ведет на свободу. В храме находится подземный проход, ведущий в замаскированный ангар. Древние открыли секрет антигравитации. Позже я узнал, что там стоят их летающие корабли. Они все еще в отличном состоянии, Эд. Ими можно воспользоваться. Я бы сам улетел, если бы зарно не наступали мне на пятки.

— А как управлять кораблями?

— Очень просто. Нажимаешь пару кнопок и берешься за рычаг. Я уже оторвался от земли почти на метр, когда в корабль запрыгнула пара зарно. Они вытащили меня и улетели. Кажется, корабль сам направился на Марс или куда-то в ту сторону... Но в ангаре есть и другие. Только я так и не смог добраться до них. Иначе я бы уже был в Ортауне.

У Гарта засветились глаза.

— Если мы попадем в ангар, док, то сможем сбежать... все мы.

— Разумеется. Только вот я не знаю, как мы отсюда выберемся. Слишком много охранников. Город битком набит зарно. Я много раз пытался. Мне удавалось выживать только благодаря Тьме. — Голос Уилларда стих.

– Черной стене?

– Это волновой барьер. Зарно не могут пройти через него. Они развалятся на кусочки... и погибнут. Я предполагаю, его сделали Древние для охраны библиотеки. – Уиллард сделал всеобъемлющий жест. – Здесь находятся все знания Древних – невероятные знания. Если бы мы только смогли явить их миру!

Гарт что-то вспомнил.

– Тут есть что-нибудь про источник энергии?

– Конечно. Пять лет я занимался только тем, что черпал знания из библиотеки. Теперь я с закрытыми глазами могу найти запись, где объясняется способ создания практически неистощимого источника энергии. Это весьма сложный процесс, но его можно скопировать на Земле.

Пола будет рада узнать секрет энергии Древних, с помощью которого можно будет отказаться от нефти и угля... жизненно-важный секрет, подумал Гарт.

– **Я УБЕЖАЛ**, когда услышал, как кто-то идет, – говорил тем временем Уиллард. – Я просматривал записи и испугался, что зарно каким-то образом прошли через барьер... К счастью, на людей он не оказывает никакого воздействия, как и на роботов. Я многое узнал за пять лет.

– Как тебе удалось выжить?

– Я нашел еду. У Древних тут огромный склад... *Таблеток!* – Уиллард скорчил гримасу. – Они давали мне энергию, а машина, конденсирующая воду из воздуха, не давала умереть от жажды. Но мне жутко хочется съесть пару стейков.

Гарт вдруг нахмурился.

– Док... еще кое-что. Ты знаешь, про что я?

– Да, Эд, – серьезно ответил Уиллард. – Лекарство. Нашел я его или нет...

– Нашел ты его или нет, Серебряная Чума до сих пор свирепствует на Земле, ежедневно убивая тысячи человек.

– Так вот, я много думал об этом. И... ответ: «да». Я нашел его.

– Лекарство?

– Да. Я создал его с помощью библиотеки Древних. Они тоже работали в этом направлении, но кое-чего не учили. Однако, теперь у меня есть недостающие данные. – Уиллард вытащил из кармана маленькую записную книжку. – У меня было пять лет, это всего лишь теория, хотя все совпадает. В общем, лекарство от Чумы у нас есть.

Несмотря на эти слова, Гарт не почувствовал особой радости. *Пять лет назад*, подумал он, *эта книжка спасла бы Мойру. А теперь... ну, она спасет кого-нибудь другого. Спасет Землю. Но...*

Он пожал плечами.

— У нас две причины вернуться назад к цивилизации. Лекарство и секрет источника энергии.

Уиллард кивнул.

— Чума косвенно виновата в гибели Древних. Они пытались спастись, изменив свои тела. В библиотеке много информации об этом.

— Изменив тела? Как?

— Ну... ты видел роботов в Чанне и здесь. Изначально они являлись слугами Древних.

— Разумными?

— Нет... по крайней мере, не в том смысле, как ты себе представляешь. Их можно было научить выполнять кое-какие задачи, но обычно они телепатически контролировались Древними при помощи специально разработанных шлемов. У роботов радиоатомные мозги, реагирующие на телепатические команды. Затем, когда пришла Серебряная Чума, Древние попытались спастись от нее, пересадив в тела роботов свое *сознание*, а не мозги. Я не знаю, как они сделали это, но мыслительные шаблоны и психические матрицы Древних оставили отпечатки в радиоатомных мозгах соответствующих роботов. Короче говоря, в головах у роботов появилось сознание Древних, управляющее металлическими телами. Так они спаслись от Чумы, но все равно погибли. Человеческое или любое другое сознание нельзя успешно пересадить в искусственное тело таким образом. Поэтому — через сотню лет — все Древние погибли.

Значит, вот в чем заключается секрет исчезновения Древних с Ганимеда. Они обрели новые тела, которые убили их своей чужеродностью.

Уиллард смял окурок и выбросил его.

— Я пять лет жил в окружении знаний Древних, Эд. Только представь себе, сколько всего я узнал.

— Я так полагаю, ты искал, чем можно убить зарно, — практично заметил Гарт. — Древние как-то смогли покорить их.

— Да... я взялся за это сразу после того, как нашел способ просмотра записей. Зарно можно уничтожить определенным лучом, а именно волновым, который нарушает их молекулярную структуру и превращает в кучу пыли. Единственная загвоздка... — Уиллард саркастически улыбнулся. — Чтобы построить такой излучатель, нужен машиностроительный цех, оборудованный по последнему слову техники.

— Понятно. А мы не могли бы...

— Нет. Древние оставили тут множество различных механизмов, но они все не подходят. Также тут огромное количество записей и

роботов. Прости, Эд, но, если ты не принес с собой какое-нибудь мощное оружие, нам отсюда не выбраться.

ГАРТ взглянул на неподвижно стоящих спутников.

— Да. Похоже на то. Но, возможно, нам удастся добраться до ангара с кораблями...

— Не удастся. Город полон зарно днем и ночью. Кроме того, снаружи всегда есть охранники.

— Проблема в том, — вздохнул Гарт, — что, если мы не выберемся, никто не остановит Серебряную Чуму. Уже не говоря про недостаток топлива. Подожди-ка минутку. Ты сказал, что зарно жутко суеверные... однажды мы уже провернули притворную церемонию. Может, попробуем снова?

— Я уже пытался, — сказал Уиллард. — Не сработало. Теперь зарно знают, кто такие люди. Только боги могут их впечатлить — то есть роботы, когда-то властвовавшие над ними.

Гарт затаил дыхание.

— Кажется, я знаю один способ, — сказал он.

Уиллард посмотрел на него.

— Сомневаюсь. Когда я увидел, что ты вернулся, во мне на секунду проснулась надежда... но все бесполезно. Зарно неуязвимы для любого оружия, которое мы можем тут создать. Нам не выбраться из города!

— Ты же сам сказал, что боги могут их впечатлить.

— Боги — Древние — мертвы.

— А что если один из них вернется?

— Что ты хочешь сказать? — затаив дыхание, спросил Уиллард.

— Изначально роботами управляли с помощью телепатии. Почему это не может сработать еще раз... для нас?

— Неужели ты думаешь, мне не пришло это в голову? Без шлема-передатчика это невозможно. А тут нет никаких шлемов... — Уиллард резко замолчал. — Секундочку! Я кое-что забыл. Один передатчик все-таки остался... только один. Но он не переносной.

— Отлично!

— Подожди минуту. Идем. — Старик направился к треноге с линзами, поднял с пола какой-то черный цилиндр и вставил его на место. Вот смотри.

Заглянув в окуляры, Гарт узнал огромную пещеру с возвышением с одной стороны. Картинка изменилась, стало видно гигантского пятиметрового робота, сидящего на троне, представляющим собой черный металлический куб.

— Гляди, — сказал Уиллард.

— Было необходимо впечатлить суеверных зарно, — заговорил голос в голове у Гарта на Древнем Языке. — Поэтому мы создали этого робота-бога и посадили его на трон.

Там было еще кое-что, но Гарт не обращал на остальное внимания. Он едва замечал подробности ритуала, которым Древние впечатлили зарно. Когда видение исчезло, он развернулся с еще более ярким блеском в глазах.

— То, что нужно, док! Робот-бог оживет снова!

— **ГМ-М...** — **НАХМУРИЛСЯ** док. — Шлемом управлять нетрудно. Это я понял из записей. Нужно сосредоточиться — и все. Но...

— Бог оживет и позовет зарно — всех их. Вы сбежите, пока я отвлекаю их.

— Постой! — выпалил старик. — Почему именно ты? Вообще-то, это, скорее, моя задача.

— Прости, — возразил Гарт, — но это так не работает. Ты единственный можешь вылечить Серебряную Чуму. Если ты не выберешься отсюда, Земле конец. — Уиллард ничего не ответил, и Гарт быстро продолжал: — Ты мог бы добежать до ангара, если бы не зарно. Так вот, я доберусь до трона и подниму шум. Это даст тебе время. — Голос Гарта был бесстрастным.

— С чего ты взял, что сможешь это сделать? Город просто кишит зарно.

— Тут нам придется рискнуть, — пожал плечами Гарт. — Единственный раз.

— Почему именно ты должен управлять роботом, черт тебя дерит? — пожевал губу Уиллард.

— Потому что я знаю Древний Язык. Робот может разговаривать, не так ли? Выбора нет! Это мое дело, и только ты способен вылечить Серебряную Чуму. Так что решено.

— Я... Наверное, ты прав. Но...

— Ты знаешь, где выход. Дай мне время добраться до храма, затем принимайся за дело. Выведи всех отсюда. Они беспрекословно подчиняются всем приказам, так как пребывают в трансе. Бегите в ангар и отправляйтесь в Оргаун. Не забудь взять записи, где говорится про источник энергии.

— Ты сумасшедший глупец, — прошипел Уиллард сквозь сжатые губы. — Неужели ты бросишь Мойру?

Гарт помрачнел.

— Мойра умерла несколько лет назад, — медленно проговорил он. — От Серебряной Чумы.

Док ничего не ответил. Но кивнул так, словно неожиданно узнал ответ на интересующий его вопрос.

— Ладно, — сказал Гарт. — Ты знаешь, что делать. Дай мне достаточно времени, затем выбегай отсюда вместе с остальными.

Уиллард схватил Гарта за руку.

— Эд...

— Не надо.

Гарт пошел ко входу в туннель. Он увидел, что Пола лежит рядом, и обратил внимание на золотисто-рыжеватые волосы, закрывающие бледное, красивое лицо.

Гарт посмотрел на нее пару секунд, потом, не оглянувшись, зашел в туннель, ждавший его.

Он осторожно шагнул сквозь черный занавес, готовясь отступить при виде зарно. Пещера оказалась пустой.

Только бы успеть добраться до зала!...

Гарт бесшумно двинулся дальше. Один раз он прижался к стене и застыл, услышав далекие шаги. Но они быстро стихли.

Он вышел из последнего туннеля и увидел блеск кремниевой кожи зарно. Они приближались, но, судя по всему, даже не догадывались об его присутствии.

Гарт помчался к проходу, ведущему в пещерный храм. Если там находятся зарно, план провалится. Но удача улыбнулась землянину. Гигантский зал был пуст. В дальнем конце на троне сидел огромный робот.

Гарт понесся к нему. Он уже слышал голоса и шаги, становящиеся громче, но не смел оглядываться. Хватит ли ему времени сделать все необходимое?

Он резко остановился и пригнулся за троном, на время спрятавшись. Зарно уже были в храме, об этом говорил отчетливый стук шагов. Гарт торопливо нашел потайную защелку.

В черном металлическом кубе открылась дверца. Все выглядело так же, как показывала машина на треноге: небольшая каморка с тонкой щелкой для наблюдения, через которую пробивался свет. Гарт протиснулся внутрь, закрыл дверцу и облегченно вздохнул. Через щелку он мог видеть всю пещеру. К нему приближались три зарно.

Робот, сидящий на троне над ним, разумеется, оставался вне поля зрения. Гарт осмотрелся, пытаясь вспомнить все, что было показано в записи. Шлем-передатчик... вот он, висит на проводах, закрепленных на низком потолке. Гарт осторожно надел его на голову.

И что дальше?

Он пригнулся и увидел на стене чуть вышел головы плоскую черную пластину, похожую на мембрану. Затем понял, что это укрытие было создано для более крупных существ – Древних.

Закрыв глаза, Гарт попытался сосредоточиться. Док Уиллард говорил, что шлемы-передатчики работают именно так. Телепатия... сила воли...

– *Вставай!* – мысленно приказал он роботу над ним. – *Вставай!*

Что-то зашевелилось. Посмотрев через щелку, Гарт увидел, как три зарно резко остановились.

– Боги вернулись! – закричал один из них. – *Кра-енларнов! Боги!*

ГАРТ приложил губы к мембране. Его многократно усиленные слова, сказанные на Древнем Языке, прокатились по всему залу:

– Да... боги вернулись! Созовите всех зарно! Все должны подчиниться мне!

Послышались крики. Зарно развернулись и убежали. На секунду Гарт остался один.

Он снова сосредоточился на шлеме-передатчике и приказал роботу дойти до края возвышения, чтобы стала видна его спина.

– Подними руку. Шагни назад. Вперед. Назад.

Все работало. Робот исполнял мысленные приказы, неуклюже... но исполнял.

– Назад. Сядь на трон.

Металлический грохот на секунду оглушил Гарта. Он забыл, насколько велик робот. Создание явно должно постепенно опускаться на свое место, вместо того, чтобы рухнуть всей массой на металлический куб.

Снова послышались шаги. Зарно начали собираться в пещере. Несмотря на ее величину, она заполнилась практически полностью. Кремниевые существа легли на живот и поползли к возвышению, кивая уродливыми головами в такт странному ритму. Каменный зал наполнился хриплым пением, доносящимся из глоток зарно.

Гарт сосредоточился. По его приказу робот встал и медленно пошел вперед.

– *Кра-енлар!*

Гарт поднес губы к мембране.

– Боги вернулись! – загремел его голос. – Услышьте меня, зарно!

– *Мы слышим!*

– Все зарно должны спуститься в храм богов. Стражники оставили свои посты?

– Нет... нет!

– Позовите их, – заревел Гарт. – Все обязаны слышать то, что говорят боги. Все зарно должны прийти ко мне, иначе они умрут!

Несколько кремниевых существ выбежали из пещеры и через какое-то время вернулись с охранниками. Пение возобновилось.

— Кто-нибудь посмел ослушаться моего приказа?

— *Нет... нет! Мы здесь... все до единого!*

Гарт чуть не закричал от облегчения. Он прикинул, что в пещере собрались почти две тысячи зарно, преклонившихся перед возвышением. Это значило, что город остался без охраны — док Уиллард мог увести остальных землян в ангар, где Древние держали корабли, летающие на принципе антигравитации.

Если бы Гарт только смог достаточно долго продержаться тут всех зарно!

Он помотал головой, чувствуя легкое головокружение, и попытался сосредоточиться. По его мысленному приказу гигантский робот поднял руки, сделав символический, ритуальный жест, который демонстрировался в записи.

Головокружение не проходило. Гарт осознал, что у него болят легкие. Ему стало трудно дышать.

Воздух... нужен был свежий воздух! Нечеловеческие легкие Древних, вероятно, справлялись с недостатком кислорода гораздо лучше человеческого организма. Во всяком случае... Гарт понял, что воздух становится непригодным.

Он осмотрел щелку для наблюдения. Ее закрывала стеклянная, прозрачная панель, кажущаяся твердой, как сталь. Значит, придется приоткрыть дверцу в кубе — хотя бы на пару сантиметров. Гарт быстро нащупал рукой защелку. Она не была спрятана, потому что внутри трона зарно все равно не могли увидеть ее.

Гарт надавил на защелку. Послышался тихий скрежет, который почти сразу прекратился. Он попробовал еще раз.

Бесполезно. Механизм почему-то заклинило. Наверное, что-то перекосило, когда огромный робот рухнул на трон.

Это значило...

Гарт попытался нащупать какой-нибудь выступ на дверце, чтобы приложить силу. Тщетно...

Зарно задали какой-то вопрос. Гарт глянул в щелку, силясь прогнать головокружение. Он увидел, что кремниевые существа подняли головы, вопросительно смотря на него, словно чего-то ожидая. Что ж...

Гарт снова заставил робота сделать серию древних ритуальных жестов. Зарно ахнули от трепета.

Послышалось пение, хриплое, звучное и нечеловеческое.

ГАРТ почувствовал, как в висках стучит кровь. Он оказался в ловушке. Сколько ему еще удастся продержаться? В конце концов, он был человеком, а не Древним, и нуждается в воздухе...

Последними движениями робота, Гарт захватил внимание зарно, но ненадолго. Головы в форме луковицы снова поднялись, и овальные глаза вопросительно уставились на робота. Они чего-то ждали... но чего? Гарт попытался вспомнить, что еще видел в проигрывателе.

Еще какая-то часть зарно подняли головы.

Гарт заставит робота шагнуть вперед и поднять металлические руки. Он должен был что-то сказать — хоть что-нибудь, лишь бы задержать кремниевых людей еще ненадолго, дав возможность доку и остальным добраться до ангара. Внезапно Гарт вспомнил слова, которые забыл еще в детстве. Английские фразы не имели для зарно никакого значения, но звонкий, мощный голос, выходящий из динамиков, заставил их затихнуть.

— Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы... Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем... Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизятся...

Голову Гарта обожгла страшная, всепожирающая боль. Огромный робот на возвышении зашатался, но устоял, и пение продолжало разноситься по огромной пещере:

— Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, и там рука Твоя поведет меня...

Раздался далекий звон гонга. Гарт уже слышал его, когда переступил порог черного храма в лесу. Зарно зашевелились, и некоторые из них вскочили на ноги.

Гарт вытянул руку, борясь с болью, поедающей точно белое пламя.

Его голос все еще не давал зарно уйти из пещеры...

— Возвышают реки, Господи, возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои. Но паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь...

Зарно слушали Гарта, слушали язык, который не знали, пока его голова сотрясалась под ударами сводящей с ума боли. В его душу закралась противная горечь. Неужели он умрет здесь, в плену в чужом мире, так далеко от родной планеты?

Умрет... и ради чего?

Он перестал думать о том, что происходит вокруг, и мысленно провел дока и остальных по туннелю на поверхность, затем сопроводил в ангар. Они уже явно добрались до него! Пола...

Когда Гарт впервые увидел ее в притоне для пьяниц, где заправлял Толомо... на одну невероятную секунду ему показалось, что это Мойра.

Да, она походила на Мойру. Если пути судьбы вели бы не в Черный Лес Ганимеда, исход мог бы быть совсем другим. Гарт умирал бы не в одиночестве, не в таком ужасном одиночестве. Мойра... Пола...

Почему-то они были очень похожи. И тут Гарт понял, что должен дожить до тех пор, пока Пола Трент не окажется в безопасности. Протянуть бы еще чуть-чуть... чтобы не позволить зарно уйти из пещеры.

Гарта и Мойру лишили жизни. Он никогда не мог толком представить их совместное будущее. Но Пола еще жила. Она не должна умереть ни при каких обстоятельствах. Остальные тоже обязаны выбраться из леса.

— Эд.

Сердце Гарта ответило на этот беззвучный призыв. Одними губами он произнес имя *Мойры*.

ОНА БЫЛА здесь, рядом с ним. Гарт даже не удивился и не стал спрашивать, как такое возможно. Главное, что она вернулась. Каштановые волосы обрамляли лицо Мойры, как он помнил, а в голубых глазах светилась любовь и... что-то еще.

Послание.

— В чем дело, Мойра? Что... — Он жадно протянул руки.

— Эд, речь не только о нас. Не забывай о Земле. Еще не время отдыхать, Эд. Надо задержать зарно еще на пару минут, этого хватит. Будь сильным. Дай доку еще немного времени — совсем чуть-чуть, — затем ты сможешь расслабиться.

Гарт понимал, что это всего лишь призрак, рожденный в бреду, но Мойра рядом с ним не стала от этого менее реальной. Он попытался заговорить и не смог. Его грудь сдавила боль. Зарно в пещере тревожно ерзали.

— Я... я не могу...

— Ты должен.

Гарта охватил гнев.

— Почему? Нас лишили всего, Мойра! Наше наследие...

Она нежно улыбнулась.

— Трава все еще зелена на земных холмах, мой любимый. Разве ты забыл? Помнишь маленькие ручейки, звонко журчащие в долинах, и океанский прибой, омывающий песчаные пляжи? Солнце на Земле все еще встает, а мужчины и женщины будут наблюдать восход еще много веков. Мужчины, которые могли быть нашими сыновьями, а женщины, которые могли быть нашими дочерьми. Это наши дети, Эд, я в уверена в этом так, словно сама произвела их на свет. Ведь мы дарим им жизнь. Мы обеспечим человечеству будущее. Мы отдадим наши жизни, чтобы дети могли жить и до-

стигнуть славы, о которой мы даже не мечтали. Земле нужна твоя помощь — это гораздо важнее нас с тобой.

Гораздо важнее...

Зарно начали вставать, и некоторые уже бочком двигались к проходу. Гарт, хватая ртом воздух, призвал на помощь всю силу, оставшуюся в его теле. Ему казалось, что Мойра положила на его плечо теплую руку, молча призывая действовать.

Гораздо важнее...

— Дни человека — как трава, — прохрипел он, и его искусственно усиленный голос разнесся по храму, заставив зарно остановиться.

Они снова повернулись к алтарю.

— Как цвет полевой, так он цветет... Пройдет над ним ветер, и нет его, и место уже не узнает его...

Гарт каким-то образом смог задержать кремниевых существ, зная, что Мойра стоит рядом с ним. Под конец Гарт уже не понимал, что происходит вокруг. Зарно плыли перед глазами, менялись, преобразовывались... Вдруг они исчезли, и на их месте появилась... появилась...

Гарт увидел Землю, какой он ее помнил, самую прекрасную планету из всех. Увидел невероятную красоту пылающих закатов над изумрудными морями и белоснежные вершины, возвышающиеся над опаляемыми солнцем пустынями. Почувствовал лицом порывы колючего холодного ветра, приносящего бодрость и свежесть горных ручьев. В воздухе появился теплый запах золотистого сена на полях, резкий аромат эвкалипта и ели, а также дыхание ярких цветов, растущих только на Земле.

Гарт услышал земные голоса, журчание ручьев, свист ветра, мычание скота, шорох листьев и удары сердитых волн о скалы. Душа Земли заговорила с человеком, который уже никогда не увидит родную планету.

Он прислушался, произнося величественные, чередующиеся слоги, не дающие зарно сдвинуться с места. Рядом с Гартом была Мойра, а под ногами — его родной мир, зеленый и прекрасный.

На изумрудной планете мужчины и женщины шли по золотистому пути, подсвеченному солнцем, выводящему их из темноты в неизвестное, но яркое будущее. Люди были красивыми богами, длинноногие, с бесстрашными ястребиными глазами, наполненными смехом.

Перед ними разворачивалась дорога веков. Могучие города уходили в земные небеса, а корабли достигали звезд, соединяя галактики и Вселенную неразрушимыми цепочками жизни. Человечество и цивилизация постоянно расширяли свои владения.

Богopodobные мужчины и женщины не боялись познать более великую жизнь...

Они обратили взор на Гарта, задавая ему вопрос, от которого зависело их существование.

— Ты спасешь нас? Ты подаришь нам жизнь? Ты дашь нам будущее, которое тебе не суждено познать?

Гарт ответил по-своему, глядя на Мойру рядом с собой. Смерть перестала иметь для него значение, так как он нашел нечто гораздо более важное, чем все, что ему когда-либо доводилось постигать.

По храму, словно из медных труб, разносился его голос:

— ... над ним ветер... и место уже не узнает его...

ПАНЕЛЬ в стене над головой Гарта вдруг засветилась, став просто ярким квадратом. Он напряг глаза, чтобы рассмотреть, что изображено на странном экране, и увидел, как из Черного Леса по наклонной вылетает полупрозрачный корабль эллипсоидальной формы с доком Уиллардом за пультом управления и одиннадцатью мужчинами в сопровождении... девушки с золотисто-рыжими волосами. Корабль направлялся на Землю, неся знания, которые спасут человечество от вымирания.

Гарт не подвел родину.

Картинка на экране потемнела. Пылающая боль в легких Гарта усилилась. Если бы он сделал еще хоть один вдох...

Робот на возвышении закачался, и металлические ноги не выдержали его веса. От грохота его падения зарно вскочили с пола и на секунду застыли от изумления. Затем они ринулись вперед единой волной.

Гарт смутно видел их через смотровую щель. Белый занавес боли застилал глаза. Землянин понял, что умирает. До него, как будто издалека донеслись крики зарно.

— ... над ним ветер... и место уже не узнает его...

Но тут из семян выросли ростки будущего. Гарт еще раз увидел детей нерожденных поколений, и на этот раз вопроса в их глазах уже не было. Они будут жить дальше и достигнут бесчисленных звезд.

Мойра была рядом. Она взяла его за руку, затем обняла.

Боль в последний раз обожгла Гарта.

Затем она милосердно исчезла. Под черным тронem, ставшим странной гробницей, неподвижно лежало его тело.

Храм наполнили крики зарно, скорбящих о погибшем боге, ... но человек, спасший Землю, не услышал их.

Crypt-city of the deathless one, (Planet Stories, 1943, Winter), nep. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

THRILLING

WONDER

STORIES

15¢

WINTER
ISSUE

A THRILLING
PUBLICATION

A GOD NAMED KROO

An Amazing Novel
By **HENRY KUTHER**

SPACE COMMAND

*An Interplanetary
Novel*
By **ROBERT ARTHUR**

THE INVISIBLE ARMY

A Fantastic Novel
By **ROSS ROCKLYNN**

БОГ ПО ИМЕНИ КРУ

ГЛАВА I. Боги могут умирать

В древние времена существовали не храмы, а священные места, заполненные фетишами и изображениями. Все создания, обитавшие там или даже случайно заблудшие на неприкосновенную землю, являлись табу и принадлежали богу...

— Рейнак. «Орфей»*

КРУ РАЗМЫШЛЯЛ о своем яке.

За десять лет он привязался к этому животному, сосредоточив на нем всю отцовскую любовь, которую какой-либо великий бог мог дать своим поклонникам. Но у Кру больше не было поклонников. Последние из них умерли пятьдесят лет назад, а его сын стал буддистом. Поэтому Кру оказался богом без богомольцев — что всегда печально.

Разумеется, так происходило постоянно. Мардук, Аллат из Вавилона, Ормазд и Осирис умерли благородно, как большинство забытых богов, выбравших заточение вместо забвения. Да, они поступили мудрее Кру, который был всего лишь малоизвестным божеством в гималайском племени, наивным и весьма глупым.

Рожденный в невежественных умах крестьян, он походил на родителей. Когда-то ему приносили кровавые жертвы... а теперь жители деревни избегали заросшего сорняками храмового дворика на окраине городка. Они до сих пор немного боялись Кру и злобных сил, которыми он мог пользоваться, поэтому не заходили на его территорию. Крестьяне не обращали на него внимания, что было хуже всего. Никто не посещал его храм уже много лет. Никто, кроме яка.

Впрочем, як оказался там случайно. Однажды ночью, бродя в поисках корма, он порвал веревку и вбежал во двор через поваленный забор. Наутро его нашли местные жители. Кру до сих пор помнил хитрые, коварные глаза, уставившиеся на яка.

* Соломон Рейнак (1858— 1932), французский археолог, исследователь античности и филолог (прим. перев.)

Palms tinged and tingling, Danton slid down to the floor

A GOD NAMED KROO

By HENRY KUTTNER

When Dr. Horace Danton Is Transported to Burma and Made the High Priest of a Tibetan Deity, He Becomes the Startling Storm-Center of a Series of Fantastic Events!

— Позови его, быстрее, — сказал один из них. — До-ни ничего не узнает.

Кру даже затрясло от такого вероломства. Проклятые богохульники! Неужели они украдут собственность богов? Что ж...

Кру уже был готов сделать что-нибудь необдуманное, как вдруг замер, когда в поле зрения появился древний лама До-ни, сморщенный, как мумия, и одетый в примитивную голубую мантию. Лама сразу понял, что тут происходит.

— Назад! — проскрипел он. — Теперь як принадлежит Кру.

До-ни вошел в храмовый дворик.

— Но это мой як, — возразил худой крестьянин с печальным лицом. — Мне нужна его сильная спина. И мне...

— Молчите. Як оказался здесь по твоей вине. Теперь он священен и принадлежит Кру.

ВСПОМНИВ об этом, Кру позволил себе улыбнуться. Разумеется, До-ни был фанатиком, но он уважал традиции. Поэтому як остался в святилище и сейчас бродил по дворику, словно косматая куча коричневой соломы, ища хорошее место, чтобы прилечь. Наконец, он остановился, очень осторожно согнул передние ноги, плавно опустил могучую тушу на землю и вздохнул. Як о чем-то задумался. Кру ухмыльнулся.

Остальные боги могли умереть — слабые создания из молока и воды — но только не Кру. Он произошел от крепких крестьян, и упорство являлось одним из главных достоинств. Но ему все равно было не очень приятно думать о пышности и величии дворов Вавилона и Ниппура, о могучем храме в Карнаке и тысячах алтарей, где поклонялись другим богам. Это были настоящие алтари, а не обломки выветренного камня, на котором не осталось ни одного пятнышка крови. Кру ослаб от нахлынувших чувств. Он понимал, что это значит.

Он состарился. Он умирал. Пятьдесят лет он медленно погибал с голоду, не получая необходимого питания в виде молитв, жертв и веры. Жители деревни уже почти перестали верить в него. Они лишь сомневались и чуть-чуть побаивались, не желая рисковать.

Если у Кру не появятся поклонники — причем скоро, — он умрет.

Но он был слишком молод, чтобы умирать прямо сейчас. Ему еще не довелось толком пожить. На секунду он ослеп от зависти к великим богам, деяния которых вселяли ужас в тысячи... миллионы человек. Кру тоже мог творить чудеса, но его публика была строго ограничена. Он нуждался в послушнике. В верховном жреце. Вот бы хоть один местный житель забрел в храм... Но об этом не стоило и мечтать.

Кру поднял косматую голову с нечесаными волосами и прислушался. Из-за забора доносились возмущенные голоса. Группа местных жителей спорила с... белым человеком! Бог направил на них всевидящее око и увидел стройного человека с суровым лицом, тонкими губами и холодными голубыми глазами, сверкающими от гнева. Кру напряг слух.

— Мне нужен як, — выпалил белый человек. — Мы потеряли двух в лавине, а остальные едва не валятся с ног от усталости.

— Почему бы тебе не бросить часть добычи? — послышался наивный вопрос.

— Может, сразу выбросить снаряжение? Еще чего. На то, чтобы собрать все находки, у меня ушло шесть месяцев. Кроме того, я отморозил себе ноги и лицо, поэтому не собираюсь ничего оставлять.

Черт подери, почему вы не хотите продать мне яка? Или хотя бы одолжить ненадолго? Я отошлю его обратно, как только доберусь до реки.

— До-ни отправился в путешествие.

— И когда он вернется?

— Кто знает? Возможно, спустя много лун.

Зазвенели деньги. Деревенские жители зашевелились. Затем тревожно осмотрелись. В конце концов, лама отсутствовал, а золото оставалось золотом.

Но традиции восторжествовали.

— Нет. Мы не продадим тебе яка.

Белый человек бросил на землю горсть монет.

— Считайте, что я уже купил его. Мне он нужен. И я собираюсь его увести.

Тут он повернулся и пошел в направлении храма. Местные жители не попытались его остановить.

А Кру, напряженно подавшись вперед, затаил дыхание и улыбнулся, когда доктор Хорас Дентон прошел через ограду.

На следующий день белый человек со своей экспедицией двинулся на восток, а затем на юг, в сторону Индии. Хотя Дентон прежде тут никогда не ходил, он безоговорочно доверял местному проводнику, к которому прилагались отличные рекомендации.

ДЖЕНГ, СКОРЕЕ походил на ненадежную обезьяну, но зато часто бывал в Лхассе — Запретном Городе — и много лет водил экспедиции туда и обратно. Кроме кожаной накидки и *кукри* с острым лезвием в деревянных ножнах, он почти ничего не носил. В отличие от лица, его ноги были волосатыми. Могучие вершины Гималаев защищали путешественников, пока они пересекали ущелья, спускались по опасным склонам, ругая яка, когда тот начинал упираться, и не замечали, что за ними следует небольшая грозовая туча.

Дентон думал совсем о другом. Он пробыл в экспедиции почти два года, но теперь мог вернуться в Америку, выполнив задание музея. Будет здорово снова увидеть Нью-Йорк. И по пути на недельку остановиться на Гавайях.

Не знающий новостей, доктор Дентон пытался понять, как идет война в Европе. Ну, скоро ему все сообщат в ближайшем аванпосте, располагающем радиостанцией. Слухи, доходившие до Тибета, были малочисленными и искаженными. Дентон периодически раздумывал, оставила ли Япония надежду покорить Китай. Он считал, что да. Будучи человеком логичным, он не любил пустых многоречивых рассуждений. К тому же, все это не имело для него

никакого значения, так как он не собирался пересекать зону боевых действий. Дентон внимательно следил за этим, потому что найденные экспедицией образцы обладали огромной ценностью.

В этих обстоятельствах Дентон испытал сильный шок, когда с яком произошло чудо.

Обычный як — или, как говорят педанты, *poephagus grunniens* — это гигантское, косматое, мускулистое животное, напоминающее живую гору. Созерцание того, как этот зверь бежит или просто идет неуклюжей походкой, может сильно нарушить спокойствие любого человека. Но сейчас як поднялся в воздух...

Это случилось на тропинке, опасно извивающейся вдоль края отвесной пропасти. Экспедиция двигалась цепочкой, внимательно глядя под ноги, как вдруг какой-то маленький зверек, возможно, кролик, промчался прямо под приплюснутым носом яка, идущего впереди. Як издал хриплый, страдальческий вопль, затопал копытами и свалился в бездну, утащив с собой приличную кучу сланца, а также яка, купленного Дентоном в тибетской деревне. Мертвое безмолвие нарушил грохот небольшой лавины.

Дентон смотрел на происходящее, инстинктивно прижавшись спиной к каменной стене. Первый як продолжал падать. Сланец тоже. Но второй як опустился всего метров на тридцать и замер. Он завис в воздухе бесформенной темной массой, затем начал медленно подниматься. Глаза Дентона заметно вылезли из орбит.

Як взлетал, пока не оказался чуть выше уровня тропы. Зверь парил вверх ногами и смотрел на Дентона остекленевшим, необыкновенно жалким взглядом. Внезапно он перевернулся в воздухе так, что его ноги, как полагается, оказались внизу, переместился вбок и легко приземлился на тропу.

Тихий всплеск ознаменовал судьбу яка, не находящегося под защитой Кру.

Туземцы встревоженно забормотали. Дженг утихомирил их, взмахнув *кукри*, блеснувшим в солнечном свете. Потом уставился на Дентона маленькими яркими глазками и стал ждать.

Дентон дал сигнал идти дальше. Говорить было особо нечего. Случилось невозможное. Ни у кого бы не нашлось готовых реплик по поводу происшедшего.

НО ДЕНТОН насторожился. Когда путешественники разбили лагерь на ночь, он подозвал Дженга к небольшому костру из сухого навоза. Туземец сел на корточки и заговорил на своем диалекте, который Дентон отлично понимал.

— Ты видел, что случилось с яком, Дженг?

– *Пранам**, – раздался несколько неуместный ответ. – Разумеется, это была магия.

– Мы, люди с запада, не верим в магию.

– Многие не верят, – философски заметил Дженг. – Даже священники, знающие много мантр, втайне относятся к ней скептически. Сначала я посчитал яка волшебником, принявшим образ животного, или даже богом. Но, когда я задал ему несколько вопросов, он не ответил. Однако...

Дентон указал на небо, где облако загоразживало несколько звезд.

– Ты... гм... заметил эту тучу?

– Конечно. Небольшое грозное облачко. Оно следует за нами с тех пор, как мы покинули деревню. – Дженг пожал плечами. – Я невежественный человек, Пелинг. Мне мало что известно об этом. Возможно, вы стали живым Буддой или ламой *Гомпо*.

Дентон презрительно фыркнул.

– Чушь.

– Как скажете. Однако, когда живой Будда умирает, его душа мгновенно попадает в тело новорожденного.

– Ну, я-то не новорожденный. Кстати, зачем ты выставил на поч. охрану, Дженг?

– Враждебно настроенные местные жители... они идут за нами с полудня. Я слышу их.

Дентон давно знал, что у Дженга исключительно острый слух.

– Думаешь, нас ждет опасность?

– Возможно. Поэтому я вооружил людей. Но они трусы, хозяин, и боятся сражаться с жителями холмов.

– И что нам делать? Собрать лагерь и двинуться в путь ночью?

– Да не позволят этого духи! Жители только и ждут, чтобы перебить нас по одному.

Обезьянье лицо Дженга осталось бесстрастным. Казалось, ему нет дела до происходящего. Доктор Дентон спросил его об этом.

– Ну, я поклоняюсь Кали. Если я погибну, Кали позаботится обо мне. Она могущественная богиня. Ай! Что это было?

Дентон посмотрел на небо, чистое, за исключением маленького черного сгустка.

– Гром. Странно...

Дженг сгорбился у костра и стал походить на бесформенную кучу, прикрытую рваной кожаной накидкой.

* Пранам – Южно-Азиатское выражение почтения к какой-либо персоне или событию (прим. перев.)

– Я больше не буду упоминать... ее. Кажется, рядом еще один бог, и да узрят мои предки, что я терпимо отношусь ко всем богам.

– Ладно. Давай вернемся к... тому, что случилось сегодня. Что люди думают об этом?

– Кто их знает? Теперь, проходя мимо яка, они кланяются ему. О! Доставайте оружие, быстрее! Эти псы решили напасть!

Дженг не ошибся. Из темноты вокруг лагеря послышались крики. Лунный свет не особо помогал что-либо разглядеть, тем не менее, Дентон вскочил на ноги с револьвером в руке. В таких свалках это оружие гораздо удобнее винтовки.

Прерывистые крики походили на лай волков. Дентон то и дело видел, как дергающиеся фигурки подсакивают и исчезают, запущая в костер копьем. Низенький Дженг деловито увещевал туземцев, растерянной массой бегающих кругами. Внезапно они бросили оружие на землю и склонили головы. Вероятно, им стало ясно, что драться бесполезно. Увы, такова судьба. Уткнувшись плоскими носами в землю, они принялись повторять: «Ом мани падме хум».

Дженг подбежал к доктору Дентону.

– От наших туземцев не стоит ждать помощи. Что будем делать?

В качестве ответа белый человек поднял револьвер и выстрелил в плохо различимый силуэт. Незнакомый враг, казалось, остался невредимым. Снова раздались крики, послышался топот ног, и на костер обрушился дождь копий. Одно острие зацепило рукав Дентона.

Черная туча на небе, о которой все забыли, судорожно содрогнулась, словно от ярости. Она медленно зарокотала, затем донесся злоеший гром. А через мгновение сверкнула молния.

Меткий разряд нашел одного из жителей холмов, подсветив его ярким белым светом. Человек вскинул руки, взвизгнул и свалился на землю. Прежде чем он упал, сверкнула еще одна молния.

– Нам повезло, – прошептал Дентон.

– Я бы не стал называть это удачей, – сказал Дженг. – Ай! Еще одна!

Третий разряд небесного электричества уничтожил третьего нападавшего. Затем туча метнула четвертую молнию... и еще. Дентон невольно подумал о снайпере, сидящем на загадочной туче и метко пускающим молнии. Жители холмов сдались и побежали в разные стороны. Молнии кинулись в погоню. Несчастные рассеялись по всей равнине, но не смогли скрыться от всевидящего ока бога. Дентон и Дженг смотрели, как враги с шумом погибают один за другим.

ГЛАВА II. Чудо Кру

ТУЧА медленно вернулась. Она зависла прямо над Дентоном, что-то тихо бормоча. Выкрикнув предупреждение, Дженг отошел подальше. Белый человек внезапно оказался в воздухе.

Он ненадолго ослеп. Затем зрение вернулось к нему. Дентон с большой высоты смотрел на лагерь и плохо различимую равнину, освещенную лунным светом. Разбросанные тела туземцев уже были сложены в кучу. Дженг опять сел и сгорбился, став черным пятнышком. Дентон понял, что сидит на краю необычайно прочного облака метрах в пятнадцати над землей.

На него вдруг напало головокружение. Он раскачивался взад-вперед, растерянно пытаясь уцепиться за облако руками. Но это оказалось невозможным. Кроме того, Дентон мог упасть и разбиться насмерть.

— Дженг! — завопил он.

Дженг поднял голову и поклонился. Остальные туземцы ненадолго воздели белые лица к небу, затем последовали примеру Дженга. Дентон бесстрастно выругался.

Он сидел на облаке. Одно это было крайне необычным. Ощутив облако пальцами, белый человек обнаружил, что его поверхность напоминает нечто среднее между резиной и губкой, на чем довольно удобно сидеть. Впрочем, даже электрический стул может на какое-то время обеспечить комфорт. Наконец, что-то лизнуло шею Дентона.

Он осторожно повернул голову и встретился с тупым, дружелюбным взглядом яка. Огромное создание лежало рядом с ним, и близость рогатой головы, которой позавидовал бы и минотавр, несколько пугала. Рога выглядели опасно, несмотря на то, что походили на обломки растрескавшегося дерева.

Что-то — либо як, либо облако — заурчало. Дентон не понял, что именно.

Он уставился вниз и крикнул Дженгу:

— Помоги мне слезть, чертов дурак.

— Как? — не переставая биться головой о землю, спокойно спросил Дженг.

Проблема решилась сама собой, когда Дентон и як по чьей-то воле плавно опустились вниз. Дентон понял, что сидит верхом на гигантском животном. Он поспешно слез и только сейчас покрылся холодным потом.

— Мне надо выпить, — принявшись шарить в рюкзаке, пробормотал он. — Чертов Тибет... — Он сделал несколько больших глот-

ков виски, затем крикнул Дженгу: — Мы убираемся отсюда. Прямо сейчас.

— Одну минуту, — сказал Дженг. — Носильщики хотят поблагодарить бога, спасшего их от жителей холмов. Наверное, ты ему понравился. А як, судя по всему, его священное животное.

— Чушь, — подумав о ламе Гомпо и знатоках Тибета, фыркнул Дентон. — Это гипноз или что-то в таком духе. Нет, — внезапно охрипнув, продолжал он, — вы узрели силу Кру. Премудрого Кру! Ужасного Кру! Встаньте на колени и поклонитесь Кру!

— Да, великий Кру! — поспешно пробормотал дипломатичный Дженг и опять уткнулся носом в землю, как и все остальные туземцы.

Дентон с ужасом уставился на молящихся. Какого дьявола он это сказал?

Нет, он ничего не говорил. Слова сами вылетели из его рта. Он слышал их так, словно все это произносил кто-то другой.

— Встать! — раздраженно крикнул он. — Нет... Кру велик! Склонитесь перед Кру или умрете в мучениях на кольях.

— Да!

Дентон стиснул зубы. Он почувствовал, что сходит с ума, поэтому торопливо схватил бутылку с виски и глотнул обжигающую жидкость.

— **А ТЕПЕРЬ** уходите! — взревел белый человек. — Оставьте Кру наедине с Верховным Жрецом!

Туземцы, ведомые Дженгом, тут же начали пятиться, точно раки. Это было тревожное зрелище. Дентон не шевелился, пока последняя припавшая к земле фигура не скрылась в темноте. Затем снова глотнул виски.

— Я схожу с ума, — заметил белый человек. — Шизофрения. Джекил и Хайд. Два года в Тибете... Ух!

— Не бойся, — раздался его собственный голос, только более грубый и мощный. — Я Кру. И ты нужен мне.

— Вроде как это сказал я, но в то же время не я, — пробормотал Дентон. — Я узнаю свой голос, но...

— Не волнуйся, — перебил он сам себя грубым голосом. — Боги могут говорить устами Верховных Жрецов. Ну, по крайней мере, так было в древности. И я... я знаю все языки, которые знаешь ты, и еще множество других. Обдумай эти слова, — перейдя на английский, закончил Дентон.

— Я сошел с ума!

— Нет, но ты захмелел. Духи вина начали... — Дентон изверг из себя поток страшной, исключительно грязной брани на малоизвестном тибетском диалекте. — Ладно, — наконец, продолжал он. — Так вот, я — бог крестьян. Это настоящее клеймо! Если бы я был богом цивилизованных марионеток, живущих в больших городах, то мог бы говорить на их языке. Но это не так. Меня создала грязь и кровь. И что хорошо для моих первых поклонников, вполне подходит для современных детей безносых матерей. *Вашанг-я!*

Дентон не понял последнее слово, но оно походило на ругательство.

Он прикончил бутылку и открыл вторую. Происходящее казалось сном.

Он был один на огромной, холодной равнине, освещенной лишь крошечным костром, тусклой луной и далекими звездами. Туземцы исчезли. Дентон пребывал в полном одиночестве и говорил сам с собой.

— Дженг! — закричал он. — Вернись. *Да... вернитесь и познайте мой гнев, грязные псы!*

Дентон принялся за вторую бутылку. Она помогла. Хорошо помогла, особенно, когда все утратило четкие очертания и стало размытым. После этого разговор с самим собой перестал казаться чем-то странным. Не так ли?..

— Ты все еще сомневаешься? — спросил Дентон.

— Боже, конечно, — быстро ответил он.

— Значит, тебя надо убедить.

— Как? Ведь я слышу свой собственный голос...

— Я использую твои связки и язык так же, как ты играешь на музыкальном инструменте. Если тебе так хочется, я могу воспользоваться яком...

Дентон внезапно замолчал. Як дернулся в тусклом свете костра.

— ...или любым другим существом, над которым у меня есть власть, — заметил як. — Глотка зверя подходит гораздо хуже, поскольку не создана для речи, в отличие от человеческой. Тем не менее, это вполне возможно, как ты видишь. Ну, что, теперь ты веришь мне? Если да, то продолжим разговор.

— Это гипноз, — упрямо заявил Дентон. — Может, Дженг околдовал меня.

— Гм-м, — промычал як.

Дентон внезапно поднялся в воздух. Он выронил бутылку и вскрикнул.

— До сих пор не веришь? — спросил он сам себя.

– Нет! – хрипло крикнул он. – Галлюцина... – Он полетел вверх, как ракета.

Воздух стал ощутимо холоднее.

– А теперь?

– Н-нет...

– Я не могу доставить тебя на Луну, но моих сил хватит, чтобы ты завис на полпути. Скажи, когда поверишь в Кру.

Дентон медленно слотнул.

РАВНИНА начала быстро проваливаться вниз, а горные вершины, покрытые белыми ледниками, стали выглядеть, как на карте. Дентон быстро поднимался. Дышать уже было трудно.

– Дитя неуклюжей обезьяны! – с трудом воскликнул его собственный голос. – Ты заговоришь... или умрешь!

– Я... верю... – кивнул Дентон.

– Даже гностики не такие недоверчивые, как ты. Ладно.

Теперь он полетел вниз. Через какое-то время белый человек понял, что висит всего лишь в паре сотен метров над лагерем.

– Здесь, – сказал он голосом Кру, – мы можем поговорить.

– Ага, – слабо согласился Дентон. – Но если я выпью еще, то буду разговаривать охотнее.

– Почему бы и нет?

В небе появилась бутылка, летящая, словно пуля. Она плавно сбавила ход и легла в руку Дентона.

– Пей! Это хороший напиток – крепкий, настоящий, как *кумыс*. Я рад видеть, что тебя не интересуют пресные вина из жарких стран. Мои соплеменники пили *кумыс*. Когда-то они жили рядом с храмом, где ты купил священного яка.

Дентона словно озарил свет.

– А-а, так это твой храм?

– Ну, с виду так не скажешь, – в голосе бога чувствовалась печаль. – Полуразрушенная хижина! В деревне мертвецов... и дураков. Я умирал в этой тюрьме. Я, чьи поклонники кричали и убивали, пока земля не становилась красной – в мою честь! В моих жилах течет кипящая кровь! По крайней мере, раньше текла. Но теперь я снова чувствую жар. Верховный Жрец, мне нужен храм.

– О? Ну...

– И у меня будет храм. Я снова буду великим. Все будут кланяться мне и тебе, моему Верховному Жрецу.

– Но я не хочу быть твоим Верховным Жрецом, – отчаянно сказал Дентон. – Тебе нужен... лама или шаман. Я не знаю, что делают жрецы.

— Когда понадобится, я заговорю твоими устами. Ты будешь моим оракулом.

— Подожди! Не...

— Думаешь, Каррутеры будут недовольны?

— Точно не яками, — безнадежно ответил Дентон. — Послушай, разве ты не можешь просто отпустить меня? Мне нужно вернуться в Штаты...

— Ладно. Где они находятся?

Дентон шевелил мозгами. В Нью-Йорке он, по крайней мере, окажется в более знакомой среде и не будет так растерян. Возможно, там ему удастся справиться с Кру. Или даже...

Так или иначе, Дентон вернется домой. И больше не будет являться единственным белым человеком на сотни километров вокруг. В любом случае, хуже точно не станет!

— На востоке, — объяснил Дентон. — Неси меня на восток, пока не доберешься до Сент-Огастина во Флориде. Я покажу.

— На восток, так на восток.

Як поднялся в небо. Дентон осознал, что сидит верхом на животном. Внизу мелькал ландшафт.

Вдруг ему пришла мысль.

— Эй, подожди! Я не заплатил туземцам.

— Не заплатил за то, что они служат Верховному Жрецу?

Кру выругался так, что уши Дентона чуть не свернулись в трубочку. Полет на восток продолжался.

ГЛАВА III. Японцы

ДА, ОНИ двигались быстро... для Дентона.

Кру не использовал мгновенную телепортацию, потому что хотел осмотреть странный новый мир, в котором оказался. Он много столетий не покидал Тибет. Современные люди... интересно, какие огромные города и храмы они воздвигли?

Через час они уже летели над Бутаном. Перед закатом пересекли Брахмапутру и оставили позади северную точку Бирмы. За Садисей, где заканчивалась железная дорога, и начинались огромные нефритовые залежи, Кру заметил нечто любопытное.

По правде говоря, он немного устал. За многие годы забвения у него убавилось жизненных сил, и, хоть он и ни за что бы не признался в этом человеку или другому богу, ему стало страшно. Он пытался понять, какие божества сменили Амона, Баала и Анубиса.

У Кру был комплекс неполноценности.

Он был не виноват в этом. Его создала совсем не какая-то развитая цивилизация. Как Кру сказал Дентону, его сделали из грязи и крови. Если вкратце, он был крестьянином... варваром. Много столетий назад ему часто приходилось морщиться от колких насмешек более высокородных богов, смотревших на него, как на олуха. Даже в дни величия Кру, Исида называла его богатым выскочкой.

Эти слова причиняли боль. Разумеется, Кру знал свои слабости. Ему не доставало образования и манер. Да, у него была сила – ей обладали все боги. Но что случится, когда он появится в современном мире, где правят новые боги, красивые и уверенные в себе, и заявит о себе?

Вероятно, новые боги нахмурятся, пожмут плечами и отвернутся. Возможно, утонченность заставит их сделать вид, что они не видят Кру.

Древний, примитивный бог сердито потряс большими кулаками. Он им покажет! Может, он и малоизвестный бог, но...

Кру вздохнул. Он слишком хорошо знал их низость. Думать иначе – все равно, что рассчитывать попасть в загробный мир богов после смерти. Туда впускали только поистине великих и уж точно не больных, слабых богов, погибших от недостатка веры.

Но Кру был жив... живее, чем когда-либо. Отлично. Он будет править. Он сразит какого-нибудь более мелкого бога, займет его место в храме и воздвигнет новое королевство. У него уже был Верховный Жрец и священный як. Теперь надо обзавестись храмом и поклонниками.

Храм... Да вот и он!

Маяпур – это город в верхней Бирме, наполовину состоящий из примитивных лачуг и наполовину из современных зданий. Один британский инженер творил здесь чудеса, пока не погиб из-за неудачного стечения обстоятельств. Самым заметным строением в Маяпуре являлась крепкая железобетонная электростанция, которую инженер называл своей главной гордостью.

На рассвете Кру спустился к электростанции и беззвучно позвал местного бога. Ответа не пришло. Значит, тот спал, как и Дентон, удобно устроившийся на спине яка и поддерживаемый силой Кру.

У входа в электростанцию стояли несколько человек в форме. Когда двери внезапно распахнулись, охранники перепугались и подпрыгнули. Кру успел рассмотреть их. Это были приземистые люди с желтой кожей, темными волосами и карими глазами. В руках они держали винтовки.

Кру почувствовал опасность, исходящую от оружия. Он мог превратить солдат в пепел, но сейчас находился во владениях дру-

гого бога, поэтому проявил осторожность. И так, Кру предусмотрительно окутал электростанцию вуалью темноты и незаметно пронес Дентона с яком внутрь.

ЭТО БЫЛ самый настоящий храм, полный могущественных алтарей — огромных генераторов, которые сейчас не издавали ни единого звука. На ночь в Маяпуре выключали свет, чтобы не привлекать авиацию. Это был стратегически важный город для захватчиков, о чем пока не знали британцы.

Кру задумался. Местного бога на месте не оказалось. Возможно, он отправился к кому-то в гости. Что ж, лучшая защита — нападение. Кру решил двинуться на поиски ничего не подозревающего врага и разведать территорию, чтобы узнать, насколько опасен вражеский бог. Если что, Кру быстро уберется отсюда. Но в противном случае...

Кру злобно улыбнулся, оскалив желтые клыки. Он ушел, сняв с электростанции темную вуаль и оставив Дентона сидеть на неподвижном яке.

Кру вернется позже.

Тем временем, чьи-то руки схватили Дентона и стащили с косматого животного. Раздался бешеный вой вопросов и приказов. В электростанции застучали шаги. Охранники прибежали с галереи и принялись с воплями искать противогазы.

— Здравствуйте, — сонно поморгав, глядя на окруживших его людей в форме, сказал Дентон. — Я спал... Нет, я до сих пор сплю.

Он встряхнулся, и руки сжали его крепче.

Як рыгнул.

— Кто ты такой? Как ты сюда попал? — спросил офицер.

Дентон узнал язык. Его подозрения подтвердились, когда он понял, что оказался на *настоящей* электростанции. Значит, Кру был реален. Ночью бог, судя по всему, летел на север и приземлился в Японии, вместо того, чтобы обогнуть ее на пути в Америку.

Дентон не покидал пределов Тибета больше двух лет. Несомненный археолог просиял, осознав, что снова попал в цивилизованную страну.

— Меня зовут... — Его японский был слишком непонятным.

— Пристрелите его, — предложил кто-то.

— Нет, отведите к капитану Якуни. Его приказ был однозначным.

— Но этот человек шпион.

— Значит, его надо допросить. Капитан...

— Эй, — сказал Дентон. — Я не шпион.

— Молчать. Что делать с яком?

– Просто выведите его на улицу, пока он тут что-нибудь не сломал.

– Послушайте, – не понимая, что происходит, вмешался Дентон.

– Дайте мне возможность все объяснить.

– Молчать. Иди за мной.

– Но...

– Молчать.

Дальше он молчал. Дентона вывели из электростанции, оставив яка на попечение солдатам. Желтый свет рассвета ударил в глаза. Дентон поморгал и осмотрелся.

Он увидел, что электростанция заросла чампаком, перемежающимся тиком и другими гигантскими деревьями. Справа земля круто уходила в глубокое ущелье, откуда доносился сдавленный грохот бурлящей воды.

Вдалеке виднелся полуразрушенный *зайат* – бирманский домик для отдыха путников.

Бирма? Электростанция? Японцы?

Дентон протер глаза. Его вели на юг по протоптанной тропинке, спускающейся с крутого склона. Под холмом расположилась деревня.

Пагоды подтвердили, что это Бирма.

Дентон оглянулся. Электростанция пропала из виду. Только всевидящий глаз бога мог увидеть Дентона сверху.

– Сюда.

ОН ПОНЯЛ, что это строение когда-то было храмом. Его превратили в нечто менее эзотерическое. Охранники у входа что-то выпалили. Последовал быстрый обмен замечаниями, который нарушило грубое гэльское ругательство. Дентона толкнули вперед.

Дверь открылась. Он оказался в небольшой комнатке, похожей на рабочий кабинет. За столом, заваленным бумагами, сидел улыбающийся японец средних лет, щеголяющий бородкой. Она была маленькой, редкой и выглядящей так, словно ее поела моль, что не позволяло этому человеку иметь достойный вид. Как только Дентон вошел, японец поднял голову и кивнул.

Снова раздалась гэльская брань. У стола сидела темноволосая девушка, стройная и определенно красивая. На ней были брюки и обтягивающий свитер, выгодно подчеркивающий достоинства ее фигуры. Она взглянула на Дентона из-под длинных ресниц, кивнула и продолжила загадочно ругаться.

– Прошу прощения, мисс Хедли, – вставая, сказал японец. – Как бы нам ни было приятно ваше присутствие, дела важнее всего. Так

что извините нас. — Он говорил на английском практически без акцента.

— **ЛАДНО**, красавчик, — проворчала мисс Хедли. — Я буду неподалеку. Надеюсь, вы не станете возражать?

Японец осуждающе махнул рукой.

— Как вам угодно. Итак, мистер...

— Дентон.

— Мне рассказали про вас весьма занимательную историю. Где ваш самолет? Или вы спустились на парашюте?

— Может, сначала узнаете, кто это такой? — вставила мисс Хедли, достала тонкую сигару и ловко откусила кончик. — Поинтересуйтесь, как его зовут, перед тем, как пристрелить, чтобы упомянуть в отчете начальству.

— Извините меня. Мисс Дебора Хедли, могу я представить вам мистера Дентона...

— Гм... *доктора* Хораса Дентона. Рад познакомиться с вами, мисс Хедли.

— Зовите меня Дебби, — сказала девушка. — Однако я не буду звать вас Хорасом. Мне никогда не нравилось это имя. Перед тобой капитан Якуни, Ден. Это нынешний правитель Маяпура.

Якуни педантично поклонился.

— Пожалуйста, садитесь. У меня есть к вам вопросы.

— Как и у меня, капитан. А еще я хотел бы попросить вас кое о чем... Мне надо попасть в Мыичину.

— Неужели? А почему сразу не в Мандалай? Или в Рангун?

— Я не стану так давить на вашу доброту, — усмехнулся Дентон. — Мыичины мне вполне хватит.

— Могу я осведомиться о ваших планах?

— Конечно. Я собираюсь вернуться в Соединенные Штаты. Я собрал целую коллекцию важных материалов, и мне не терпится передать ее нужным людям.

— Неплохо, — заметила Дебора. — А дальше вы, наверное, упоминаете Пирл Харбор.

Дентон растерянно посмотрел на девушку.

— При чем тут Пирл Харбор?

— Послушай, Ден. Сумасшедшие не принадлежат здесь к числу священных созданий. Их просто убивают.

— Секундочку, — вставил Якуни. — Доктор Дентон, как вы попали на электростанцию?

На этот вопрос было трудно ответить, не упомянув Кру, поэтому Дентон заколебался.

— Я пробыл в Тибете два года, — наконец, сказал он. — Я этнолог и археолог. Работаю на нью-йоркский музей. Моя экспедиция собрала множество образцов и сведений.

— Не сомневаюсь. А где ваши образцы?

— Гм... Я уже отправил их. Теперь я хочу задать пару вопросов. Мы в Бирме, не так ли?

— **ВСЕ ВЕРНО**, — кивнул Якуни.

— Тогда что здесь делают японские солдаты? Я уверен, Англия ни за что не стала бы отдавать Бирму Японии.

Якуни молча подергал бороду.

— Как вы добрались до Маяпура? — выдержав паузу, спросил он.

— По воздуху.

— Из Тибета?

— Так точно.

— Где ваш самолет?

— Черт меня дери, если я знаю, — безнадежно сказал Дентон. — Дело в том, капитан Якуни, что все это время я находился под гипнозом. Во всяком случае, я предпочитаю считать так. Если я скажу вам правду, какой я ее видел, вы примете меня за сумасшедшего. Я знаю, что это не так. Но я искренне верю, что меня загипнотизировали в Тибете, и я пришел в себя лишь пару минут назад на электростанции.

— Пристрелите его уже, — махнув сигарой, предложила Дебора. — Невелика потеря. Для шпиона у него слишком мало мозгов.

Дентон прокашлялся.

— Что это за глупость? Капитан Якуни, я гражданин Соединенных Штатов. Не забывайте об этом!

— Я не забываю, — загадочно сказал Якуни и встал. — Не желаете прогуляться по Маяпуру, доктор? Мисс Хедли сопроводит вас.

Два солдата схватили Дентона и силой вывели из кабинета. Дебора вышла следом, не забыв подмигнуть Якуни.

— Прощай, головастик, — бросила она вслед на гэльском.

ГЛАВА IV. Осторожная игра

ДЕНТОН беспомощно стоял на улице, не зная, что делать дальше. Дебора фамильярно взяла его за руку.

— Идем, Ден, — настойчиво позвала она. — Я хочу выпить. Не переживай, Якуни выделил мне приличную часть реквизированных денег. Сюда. Я бы посоветовала джинслинг.

— Я надеюсь, ты меня не отравишь? — ухмыльнувшись, мрачно пошутил Дентон.

— Якуни умен, — пожала плечами Дебора. — Вот почему я посоветовала пристрелить тебя. Он предполагает, что у тебя есть важная информация, и живой ты представляешь большую ценность. Маленькая жаба доверяет мне не больше, чем я ему.

Дентон глянул через плечо на двух солдат, идущих за ними.

— Какой у нас план?

— Они не говорят и не понимают по-английски. Впрочем, жаль, что ты не говоришь на гэльском.

— Говорю. Я же этнолог.

— Черт меня подери, — выругалась Дебора. — Я думала, ты соврал.

Дентон все объяснил. Он все еще говорил, когда Дебора привела его в тусклое прохладное помещение, где на потолке висели *опахала*.

— Ладно, значит, ты не предсказатель. Если бы я знала это, то, возможно, не смогла бы замолвить за тебя словечко. Я решила, что ты пришел сюда с остальными.

— С какими остальными?

— С карнавалом. Так я зарабатываю себе на жизнь. Эй, Жук! — внезапно закричала Дебора.

Из тени вышел бирманец и поклонился. Когда он ухмыльнулся, Дебора сделала многозначительную гримаску.

— Джинслинг. И побыстрее. Пронто. *Рауи!*

— Аи! — кивнул Жук и ушел.

Дебора села за столик и жестом предложила Дентону присоединиться. Японские солдаты нашли себе места неподалеку, не сводя глаза с американцев.

— А теперь поговорим, — вздохнула Дебора. — Расскажи мне все. Нет, лучше я. Так будет быстрее. Перед тобой Дебби Хедли, лучшая танцовщица, певица и зазывала во всей Бирме. Раньше я была в Путешествующем Шоу Чудес Харта. Мы приехали сюда несколько месяцев назад. Я устроилась певицей в один из местных кабачков. Когда в страну вторглись япошки, я попыталась улизнуть на *сампане*. Слишком поздно. Меня поймали. Якуни решил меня не убивать. Наверное, потому что я обозвала его всеми словами, которые узнала за восемь лет странствований с карнавалом. Якуни просто улыбнулся. «Ты свободна», сказал он. «Маяпур твой. Если попробуешь убежать, тебя пристрелят». Теперь он просто сидит и облизывает палочки, ожидая, когда у меня не выдержат нервы. Тем временем, я медленно схожу с ума и держусь только за счет того,

что поливаю Якуни на гэльском, которого он не понимает. Вот и все. Ну, как?

Дентон сделал глоток джинслинга.

— Минутку, мисс...

— Дебби.

— Дебби. Ладно. Ты не объяснила, почему японцы торчат в Бирме. Если Токио узнает о действиях Якуни, его отправят под трибунал.

— Так ты, правда, пробыл два года в Тибете? — прищурилась Дебби. — И ничего не слышал?

— Ничего. Неужели Англия вступила в войну с Японией?

— Англия и Япония! — зажав сигару в зубах, сказал Дебора. — Ха-ха! Макартур плавает где-то вокруг Австралии, япошки обстреливают Калифорнию, Токио бомбят... А он спрашивает меня об Англии! Брат Ден, сядь и послушай.

ДЕБОРА говорила долго и убедительно. Когда она закончила, Дентона прошиб пот.

— Святые угодники, получается, идет война.

— Да. Именно так.

— Я все еще ничего не понимаю, — сказал Дентон. — Откуда в северной Бирме взялась современная электростанция? Гидроэнергетика развита только вокруг Мандалая и Рангуна.

— Ее построили англичане в соответствии с секретной военной стратегией. Они заплатили местным *саубва* и принялись за дело. Британский инженер составил проект.

— Тогда почему япошки не разбомбили электростанцию?

— Потому что предпочли ее захватить и использовать для своих нужд. Послушай, мистер, ты представляешь, как сложно доставить механизмы по Чиндуину? Генераторы и все остальное? Я не знаю, что именно требуется для создания электростанции, но, если британцы вернут себе Маяпур и взорвут станцию, то у них долго не будет энергии. Они лучше подождут. Кроме того, есть сомнения, что она имеет военную ценность.

— Скорее всего, нет, — сказал Дентон. — Если, конечно, поблизости не нашли нефть.

— Нефти тут нет. Только нефрит, рубины и все такое. Но электростанцию надо взорвать во что бы то ни стало. Маяпур — ключевая точка для японцев. Якуни производит тут «яйца» и отправляет вниз по реке в аэропорты.

— «Яйца»?

— Очень, очень гадкие маленькие бомбы. Японцы получили формулу в Берлине. Невероятно мощная штука, с помощью которой они уничтожают базы Союзников.

— Сжиженный воздух? — прищурившись, спросил Дентон.

— Не-а. И не нервно-паралитический газ. Чистая взрывчатка неизвестной формулы. Я знаю лишь то, что говорит мне Якуни. Для производства «яиц» требуется электричество.

— Я понял, электролиз.

— В общем, Союзники не знают, что Якуни устроил в Маянуре центр по изготовлению этих бомб. Японские летчики вытворяют ужасные трюки с этой дрянью. Разумеется, я делаю все возможное, чтобы сообщить об этом нужным людям.

Дентон опасливо глянул на японских солдат.

— Говори потише.

— Чем громче, тем лучше. Они не понимают английского. Ты умеешь управлять самолетом, Ден?

— Нет.

— Не страшно, зато я могу. Так что с этим все в порядке. Посмотрим, что можно сделать. Если мы передадим информацию Союзникам, бомбардировщики следующей ночью долетят до Маянура и взорвут генераторы Якуни к чертовой матери. А других электростанций тут рядом нет.

Дентон потянул джинслинг.

— А мы случайно не можем сплавиться вниз по реке на *сампане*?

— Исключено. Якуни весьма умен. Ты же ученый. Сделай радио. Тогда мы сумеем передать сообщение.

— Я не такой ученый, — заметил Дентон.

Дебора нахмурилась.

— А какой тогда? Кстати, ты до сих пор не пор не объяснил, как тут оказался.

— Ну, все довольно запутанно. Я лишь знаю то, что видел. Но, кажется, меня загипнотизировали.

— Не бойся, расскажи все Дебби. Можешь поплакаться мне и жилетку.

— Ладно, хуже уж точно не будет, — вздохнул Дентон. — Но сразу предупреждаю, ты не поверишь ни единому моему слову. Впрочем, я сам не верю. В общем, слушай.

Он рассказал все, что связано с Кру.

КОГДА Дентон замолчал, Дебора бесстрастно и серьезно посмотрела на него.

Дентон поерзал на стуле.

— Это все. Скажи что-нибудь.

— Ладно. Давай еще выпьем.

Они молча сделали по глотку. Через некоторое время Дебора потушила сигару и, прищурившись, взглянула на Дентона.

— Лучше забудь о Кру. Поверь мне, он не вернется, пока ты в своем уме. А теперь послушай, Ден. Пока Якуни считает, что ты располагаешь ценной информацией, он не станет тебя убивать. Возможно, применит пытки, но это маловероятно. Пусть и дальше пытается понять, как ты сюда попал, и что тебе нужно. Он хочет знать, подозревают ли Союзники о том, что происходит в Маяпуре... о производстве бомб. Не забывай старые психологические трюки. Разговаривай вежливо. Якуни повернут на современной культуре. Я здорово разозлила его, когда обозвала нецивилизованной крысой. Причем на крысу ему было наплевать. Все понял? Подыгрывай ему, не спеши и жди подходящей возможности.

— Сделаю все, что смогу, — кивнул Дентон.

— Хорошо. Но запомни, если мы не сумеем отправить сообщение, придется попробовать уничтожить электростанцию самим. Это похоже на несбыточную мечту, но генераторы дают Якуни энергию для производства бомб.

— Они лишь преобразуют энергию, а не дают ее.

— И что с того? Если эти генераторы перестанут работать, где японцы достанут в Бирме другие?

— Это самоубийство.

— Конечно, — сказала Дебора. — Так ты отказываешься? Ну и?..

— Я в деле, — кивнул Дентон.

— Отлично. А теперь давай прогуляемся по Маяпуру. Я проголодалась. У реки есть прокаженный, продающий отличный шиш кебаб. — У Деборы было странное чувство юмора.

ГЛАВА V. *Предоставьте все Кру*

КРУ ВЕЛИЧЕСТВЕННО летел вместе с ветрами над Бирмой. Невидимый, жестокий, хитрый, осторожный бог осматривал незнакомый ему мир и находил много всего пугающего. Он забрался довольно далеко. Линкоры в Тихом океане с грохотом выпускали тяжелые снаряды, а самолеты сражались и падали, ведя смертный бой. Война шла от Йокогамы до Хобарта, от Мидуэя до Пекина, в России, Китае и Германии, в Средиземном море и Атлантике, на покрытых снегом вершинах и в опаленных солнцем пустынях.

Для слабого бога места там не было.

Кру вернулся в Бирму, выбрав план действий. Он собрался выждать, как Амон и многие другие до него. Вначале нужно построить небольшое королевство, создать монотеистическую культуру, затем медленно расширять владения. Так действовали со времен появления Древних Людей. В час мамонта народ Кру пошел войной на соседей, победил, пополнил ряды верующих и окропил свежей кровью базальтовые алтари в храме Кру.

Ему нужно небольшое королевство... с толпой верных крестьян, которые будут работать изо всех сил и биться насмерть. Желтокожие, крепкие люди, которых увидел Кру в Маяпуре, казалось, отлично подходили для этой цели. Они напомнили богу о древних татарах и калмыках, когда-то давно поклонявшихся ему.

Да! Именно в Маяпуре Кру начнет строить свое королевство. Там уже стоял храм. Что касается бога, обитавшего там прежде... Ну, его не было в городе. Возможно, он умер. Кру позаботится о том, чтобы ему не разрешили вернуться. Только искренние молитвы могут призвать бога, но в Маяпуре никто не услышит их, если Кру захочет этому помешать.

Да, он определенно сможет это сделать.

Плоский нос Кру внезапно дернулся. Он уже почувствовал запах будущих подношений.

Вернувшись в Маяпур, он висел над головами Дентона и Дебора Хедли, пока те ходили по городу. Кру хитроумно уменьшил размер своего облака так, что заметить его было практически невозможно.

— Тут полнейший беспорядок, — сказал Дентон Деборе. — Я ожидал этого. Оккупация всегда нарушает спокойное течение жизни. Мы ведь единственные белые в Маяпуре, не так ли?

— Похоже на то. Но месяц назад... — Дебора пожала плечами. — Местные еще не привыкли к рабству. — Она указала на окно. Раньше этот базар был другим. Теперь тут никто не вопит.

Дебора не ошибалась. Прилавки были пустыми, хотя раньше они ломились от еды и других товаров. Бирманцы больше не торговались, потому что всегда чувствовали присутствие захватчиков, следящих за ними и ждущих, когда кто-нибудь выделится из толпы.

Двое японских солдат не отставали от белых людей, и один направился купить каких-то фруктов. Он заплатил за них оккупационными деньгами, который продавец бесстрастно принял. Дентон скривился.

— Вот они, гражданские улучшения. Например, на улице больше нет мусора. Только сделано это совсем не для простых людей, а для военных. Узри силу Кру!

— Что? — Дебора резко обернулась и уставилась на спутника. — В чем дело? О, Боже! Я не ожидала, что три порции джинслинга способны на такое. Ден, кончай с этим!

У Дентона вылезли глаза из орбит. Он медленно поднимался в воздух без видимой поддержки, пока у него над головой висела небольшая, темная, грозовая туча, едва заметно пульсирующая.

— Ден, спускайся.

— Кру творит чудеса, — услышал Дентон свой рев, заглушивший испуганные крики туземцев. — Ло! Узрите его!

— Ден!

ДЕНТОН продолжал подниматься. На его лице застыло паническое выражение.

— Дебби, — пробормотал он. — Это Кру. Меня... меня снова за-гипнотизировали... Псы и неверующие, забудьте о своих ложных и слабых богах, пока Кру не разгневался!

— Они пристрелят тебя.

Дентон сумел повернуть голову. Встревоженно посовещавшись, японские солдаты подняли винтовки и прицелились в летящего человека.

— Не стреляйте! — вскричал Дентон. — Я тут не причем!

— Спускайся, иначе мы прикончим тебя, — выпалил один из солдат. — Тебе запрещено покидать Маяпур.

Он говорил на японском, и Дентон ответил на том же языке:

— Бросьте оружие, вши, иначе от вас не останется ничего, кроме кучки пепла. Повинуйтесь Кру!

— Еще чего! — рявкнул солдат и нажал курок.

Дентон неожиданно для самого себя сделал фигуру высшего пилотажа и чуть не задохнулся. Грозовая туча зловеще громыхнула.

— Узрите мою мощь, — крикнул Дентон.

Из тучи вылетела молния. Солдат едва успел выбросить винтовку. Через мгновение она стала бесполезным куском расплавленного металла.

Одновременно с этим над крышами появился мирно ворчащий як, и Дентон понял, что сидит на нем верхом в шести-семи метрах над землей. Бирманцы кланялись, как механические игрушки, заведенные до предела. Дебора смотрела вверх, закинув голову. Ее глаза стали круглыми и увеличились раза в два.

— Кру требует жертву, — взревел Дентон и затем сумел взять язык под контроль. — Дебби! Хватай тушу на прилавке позади тебя. Подбрось ее в воздух. У меня есть одна мысль. — Кру снова заговорил через Дентона: — Не медли. Кру требует подношения.

Японские солдаты растерялись не так сильно. Один из них что-то прокричал и куда-то умчался, оставив второго встревоженно держать винтовку.

— Спускайся, иначе я выстрелю, — скомандовал второй. — Ты должен оставаться в Маяпуре. Это приказ.

— Я никуда не улетаю, — отчаянно начал спорить Дентон. — Капитан Якуни не запрещал мне отрываться от земли, не так ли?

— Нет, но...

— Мне тут нравится. Воздух на высоте гораздо лучше. Дебби, быстрее! Кру сейчас... *Ло! Устрашитесь гнева Кру! Шевелитесь!*

Заметно побелев, Дебора схватила освежавшую тушу козленка и швырнула ее в сторону Дентона. Раздался треск молнии, громыхнул гром, и туша исчезла, оставив после себя запах жареного мяса.

— Я доволен, — прокричал Дентон. — Вы познали величие Кру. Теперь идите в храм, чтобы поклониться передо мной. Следуйте за Верховным Жрецом.

После этих слов, як, несущий Дентона, плавно опустился на землю. Облако исчезло. Обильно потев, Дентон слез с животного и чуть не свалился в руки Деборы.

— Он... он ушел. Я это чувствую. Дебби, я не сошел с ума! Меня загипнотизировали. Ты видела?

— Д-да, я видела все, что произошло. Это ужасно. Что нам делать?

— Пожалуйста, пойдемте со мной, — велел холодный голос.

Дентон провел глазами по коричневым спинам кланяющихся бирманцев и увидел японского офицера, стоящего перед шеренгой солдат.

— Ладно, — тихонько сказал Дентон. — Я думаю, нам лучше подчиниться, Дебби.

— Но... разве Кру не велел тебе идти в храм? Тебе не кажется, что он имел в виду электростанцию?

— Наверное. Но как, черт побери, мне это сделать? Понимаешь, в чем загвоздка? — Дентон дернул головой в сторону солдат.

ДЕБОРА ничего не ответила. Краска до сих пор не прилила к ее лицу. Немного дрожа, она зажгла сигару и выдохнула дым через нос.

— За мной!

Дентон подчинился офицеру. Дебора шла рядом с ним, пока он шагал по Маяпуру в сторону храма, где находился капитан Якуни. За шеренгой следовала толпа местных, обменивающихся невнятные фразами, и намеренных следовать за жрецом Кру, несмотря

The Japanese soldier seized Deborah by the wrist

на приказы японцев разойтись. Туземцы не слушались, но держались на почтительном расстоянии.

ЯКУНИ встал из-за импровизированного стола. Его улыбка явно была неискренней.

— Могу я попросить объяснений, доктор Дентон? — спросил он.
— Не садитесь.

— Послушайте, это не его вина, — сказала Дебора Якуни.

— Помолчите, пожалуйста, мисс Хедли. Итак, доктор, во время нашего последнего разговора вы упомянули гипноз. И сообщили, что пробыли в Тибете два года. Я рекомендую вам не производить впечатления на туземцев дешевыми трюками. Они не вооружены и не смогут поднять бунт.

— Я не делал ничего такого, — объяснил Дентон. — Я не имею отношения к происшедшему.

— Значит, вашу свободу нужно ограничить, ради вашей же безопасности. В Маяпуре нам не нужны *факиры*. Лишать вас жизни я пока не намерен. Заключение кажется мне более эффективным. Кроме того, меня совершенно не удовлетворила рассказанная вами история. Давайте снова вернемся к ней. Итак, доктор Дентон, как вы добрались до Маяпура?

— Прилетел. Или мне так показалось. Капитан...

Якуни поднял руку.

— С какой базы вы вылетели?

— Из Тибета. Я был в районе перевала Гора.

— Зачем вы направились в Маяпур и сели рядом с электростанцией?

— Не смейте задерживать жреца Кру, — внезапно взревел Дентон.

Якуни отпрянул назад, вскрикнув от страха. Солдаты вскинули винтовки.

Дебора издала безнадежный, непонятный звук и схватила Дентона за руку.

— Ден, осторожнее, — пробормотала она. — Только не взлетай снова. На этот раз тебя точно убьют.

— Хо, — крикнул Дентон изумленному Якуни. — Встань на колени и склони голову перед Кру. Он защитит своих подданных. Его народ поднимется выше всех остальных людей. Подчинись!

— Доктор Дентон, — вставая, осторожно сказал капитан, — я должен попросить вас не изменять голос. А еще мне придется потребовать извинений. Как офицер и представитель моей страны, я не могу закрыть глаза на такое оскорбление.

— Замолчи, — взревел Дентон. — Отныне ты служишь Кру. Он делает тебя могущественным.

— Не обращайтесь на него внимания, — тихонько прошептала Дебора. — Он действительно сумасшедший. Не убивайте его, капитан Якуни. Он не понимает, что говорит.

Офицер медленно вытащил из кобуры пистолет.

— Я же сказал, что согласен принять извинения. Я цивилизованный человек, мисс Хедли, однако, также являюсь слугой Сына Небес.

— Ложный бог, — бестактно крикнул Дентон. — Могучий Кру скоро свергнет его. Впредь не смей даже упоминать своего жалкого бога в Маяпуре, где теперь находится святыня Кру. На колени, пес!

Якуни выпучил глаза.

— Ты сейчас умрешь! — подняв пистолет, дрожащим голосом воскликнул он.

Дентон, находясь во власти бога, позеленел, когда услышал собственный голос, грубый и звучный, изрыгающий невероятно жуткие проклятия. Говорил он на японском языке, но происхождение ругательств не было привязано к веку или расе.

Они уходили корнями в дни дольменов, когда косматые животные впервые научились издавать односложные слова, и получили развитие в древнюю эпоху варварства. Кру не являлся цивилизованным богом, поэтому его брань была бранью солдат и крестьян.

Дентон испытал некоторое облегчение от того, что Дебора не знает японского.

Но Якуни и его солдаты отлично понимали этот язык. Офицер впервые утратил маску равнодушия. Он пришел в явное замешательство.

Когда Якуни, закипев от ярости, спустил курок пистолета, Дентон с Деборой исчезли. Наконец, Кру принял мудрое решение.

ГЛАВА VI. Кру нападает

В МГНОВЕНИЕ ока Дебора Хедли и Дентон переместились из бирманского храма на электростанцию. Девушка растерянно поглядела на огромные генераторы и трансформаторы, затем поморгала.

— Проклятые молитвенные барабаны! — воскликнула она. — Как мы здесь оказались?

— Кру, — пробормотал Дентон. — Он сделал это. Понимаешь? Як тоже здесь.

Ошибки быть не могло. На электростанции як явно был не на своем месте, впрочем, с другой стороны, это животное хорошо смотрелось бы лишь в критском лабиринте. Не считая священного яка и двух белых людей, в здании было пусто.

— Узрите дом Кру, — торжественно произнес Дентон внезапно изменившимся голосом. — Посторонних тут больше нет. Отныне это священное место, куда могут входить только жрецы Кру.

Дебора кашлянула.

— Кажется, я все поняла.

— Дебби! Не уходи... нет! Раз он тебя сюда перенес, значит, тут ты и должна оставаться. Ты первая принесла жертву Кру. В награду ты станешь его жрицей.

— Я не хочу говорить так же, как ты, — прошептала Дебора. — Ден, как ты понимаешь, когда это ты, а когда... не ты... то есть Кру?

— Мой голос резко меняется, — объяснил Дентон. — Когда Кру берет надо мной власть, я реву, как резаный. Берегись. Опять началось... Подготовьте храм и выберите жертву! Кру уходит, но скоро вернется.

Наступило молчание. Як, шатаясь, немного прошел вперед, пристально глядя на бетонный пол. Издалека донеслись тихие крики.

— Ладно, — расслабился Дентон. — Он ушел. Я... я это чувствую. Фу-ух!

— Господи, Ден, во что ты ввязался? Каким демоном ты одержим?

— Он не демон, а бог. Кажется, тибетский. Что он задумал, знают лишь Небеса — точно не я.

— Значит, надо действовать быстро.

— Когда Якуни найдет нас здесь, нам крышка, — разумно заметила Дебора. — Электростанция священна, но только для Кру.

— Интересно, что случилось с работниками электростанции? — задумался Дентон. — Кру сказал, что... их больше нет.

— Не спрашивай меня. Как ты видишь, я обхожу стороной кучки пепла, лежащие на полу. А это еще что?

На одном из неработающих генераторов в неестественной позе лежала целая корова с перерезанным горлом.

— Кажется, жертва. Наверное, Кру решил, что это алтарь.

— Возможно, но для Якуни это *ка'аба*. Ден, ты понимаешь, что сотрудники станции со вчерашнего вечера занимались ремонтом одного из генераторов? Что-то случилось, и производство бомб прекратилось. Якуни угрожал пристрелить всех, кто не будет работать втрое быстрее обычного.

Дентон подошел к рубильнику и попробовал запустить генератор.

— Не работает. Починить я его не смогу. Я не техник.

— Техники есть у Якуни, как и солдаты.

Дентон безнадежно пожал плечами.

— И что нам тогда делать? Бежать в джунгли?

– Может, Кру сделал нам одолжение? Если мы как следует поломаем генераторы...

– Не надо! Лучше забудь об этом. Нам нужна бомба. Ты случайно не находила ничего подобного?

Дебора скривилась.

– Японцы не хранят здесь бомбы, болван. Генераторы представляют большую ценность. Вот кувалда. Попробуй ей. А я пока посмотрю, что еще тут можно найти.

Дентон поднял тяжелый инструмент.

– Возможно. Ну, если Якуни поймает меня за таким занятием, мне конец.

С этими словами он с силой замахнулся.

Внезапно сверкнула ослепительная вспышка огня, кувалда вылетела у него из рук и, преодолев приличное расстояние, ударилась в яка, который удивленно хрюкнул. Ладони Дентона закололо и защекотало, он сполз на пол, хватая ртом воздух и пытаясь что-то сказать, осознавая, что Кру хочет воспользоваться его языком. Без запаса воздуха в легких это было бесполезно, поэтому заговорил як:

– Жрец-предатель, зачем ты пытался разрушить алтарь Кру?

– Я... *зм...* э-э...

– Ложные жрец и жрица! Приготовьтесь к смерти!

Дебора подбежала к оглушенному Дентону и встала на колени рядом с ним, уставившись на яка.

– Кру! Подожди минутку. Ты ошибаешься. Это была часть церемонии. Мы не пытались разбить алтарь.

– Не лги, жрица, – предупредил як. – Кру всеведущ.

– Тогда... ну-у... тогда Кру знает, что алтари сделаны из металла и звенят, когда по ним ударяешь. Как гонг в храме. Так было всегда.

– Все верно, – вяло подтвердил Дентон. – Мы просто начали церемонию.

– О, ну, ладно. Вы согрешили по невежеству, а не намеренно. Но на будущее запомните, что к алтарям Кру надо относиться с почтением. Только мои жрец и жрица могут приближаться к ним, но прикасаться запрещено вообще всем людям.

– Мы больше так не будем, – пробормотала Дебора. – То есть, мы запомнили.

– Хорошо. Но если вы забудете... если я узнаю, что вы нарушили мои законы, тогда вы познаете гнев Кру. Да, вам нельзя прикасаться к моим алтарям. Это касается вас обоих. Такой поступок – святотатство, специально вы сделаете это или случайно. Запомните мои слова.

Дентон сумел кивнуть.

— Что ты хочешь от нас?

— Через вас я говорю с миром. Мои поклонники приближаются к храму. Входить им запрещено, но вы должны встать у дверей и принять подношения. Сообщите им, что Кру устраивает праздник. Скоро начнется фестиваль. Они должны провести игры в мою честь, как в древние времена, и все обязаны восхвалять имя Кру. Позже я покажу моему народу, как надо жить. Мужчины должны охотиться, а женщины возделывать землю. Самый сильный охотник становится вождем. Это единственный правильный уклад.

— Послушай, — почти что взмолился Дентон, — я согласен выйти на улицу и передать япошкам все, что ты хочешь, но они не станут мне повиноваться и просто пристрелят.

— Станут, — пообещал як. — Кру способен защитить своего жреца.

— Вот они, — прошептала Дебора. — С тобой все в порядке, Ден?

— Честно говоря, я чувствую себя ужасно. Оставайся внутри. Спрячься за генератором, где пули не достанут тебя.

— Я пойду с тобой.

— Делай, что я говорю. Прячься!

Дебора заколебалась, затем направилась к генератору. В полуметре она остановилась и с побелевшим лицом уставилась на Дентона.

— Я не могу... не могу подойти ближе.

— Я ведь *запретил* приближаться к алтарю, — заметил як.

Запрет был силен. Дентон понял, что им с Деборой не позволено прикасаться к генераторам, а Кру никак нельзя было назвать слабым. Он замахал рукой.

— Тебе необязательно подходить к генератору вплотную. Просто обойди... да, вот так. А теперь...

Дентон направился к дверям с уверенным видом, хотя внутри чуть ли не дрожал от страха. Когда он приблизился, двери открылись сами. На лестнице стояла толпа солдат, судя по всему, ждущих капитана Якуни, проталкивающегося ко входу в электростанцию.

Якуни увидел Дентона и указал на него рукой.

— Убейте его, — приказал он.

Полсотни рук зашевелились и... внезапно замерли. Японцы прервались в статуи. Кру не позволял им двигаться. Несколько человек упали с глухим стуком на землю.

Дентон заколебался. В трех-четырех метрах от него стоял капитан Якуни, дрожащий и пытающийся сделать хоть шаг. Ему лишь удалось содрогнуться всем телом.

— Кхм... я хочу кое-что сказать. У вас не получится застрелить меня... вы... я имею в виду... — Дентон беспомощно запутался в словах.

Кру потерял терпение и пришел жрецу на помощь. Из рта Дентон раздался мощный глас бога:

— Вы пришли с пустыми руками, что мне не нравится. Однако вы все же явились сюда, чтобы склонить головы, и за это Кру прощает вас. Теперь слушайте... забудьте своих прежних слабых богов и запомните, что Маяпуром правит Кру, который когда-нибудь покорит весь мир. Это храм Кру. Сюда не разрешается входить под страхом невыносимой боли. Слушайте дальше. Сегодня священный день. Пируйте, радуйтесь и устраивайте жертвоприношения. Много пейте и храбро деритесь. Аромат *кумыса* не менее приятен, чем запах только что пролитой крови. — Кру замолчал, но через несколько секунд продолжал: — И не нарушайте мои законы, — взревел он. — Я буду наблюдать за вами, и моя молния уничтожит всех, кого не радует мое правление. Теперь идите и веселитесь.

Толпа зашевелилась.

— Ай! Это же нат! — пронзительно закричал какой-то бирманец, стоящий вдалеке.

— Ни один демон не может сравниться со мной, — громогласно сказал Кру. — Доставайте *крисы* и ножи-*да*. Пейте и радуйтесь.

Туземцы беспорядочно выходили из леса, где росли деревья *шамтак*. Они были охвачены страхом и любопытством. Спрятавшись в кустах, они слышали все, что говорил Дентон.

— Стройтесь, — приказал капитан Якуни. — Живо.

Когда солдаты выполнили команду, он повел их к Дентону, но остановился буквально через пару шагов. Японцев снова охватил паралич.

— Псы, — завопил Дентон, — неужели вы собрались войти в священный храм Кру? Стойте, где стоите, пока я не разрешу вам двинуться с места. — Белый человек поднял руку и указал на небольшую группу бирманцев. — Я вижу радость на ваших лицах. Отлично. Продолжайте в том же духе.

Туземцы тут же помрачнели и с опаской посмотрели на японцев.

— Танцуйте! — взревел Кру. — Восхваляйте своего бога!

Они стали весьма неохотно танцевать, не сводя взгляда с Якуни и его парализованной когорты. Когда стало очевидно, что, по крайней мере, эти японцы покорены, туземцы начали радоваться искренне. Они продолжали выходить из леса и присоединяться к танцующим.

— Вы неплохо справляетесь, — великодушно кивнул Дентон. — Но вам явно не хватает *кумыса*. Ешьте и пейте в честь Кру.

Один туземцев собрал отвагу в кулак и вышел вперед.

— Нам нечего есть и пить, *саубва*, — крикнул он. — Завоеватели забрали у нас все.

— Держите! — взмахнув рукой, воскликнул Дентон, и перед толпой мгновенно появилась огромная куча съестного, словно прямо из рога изобилия. Бутылки там тоже были. Дентон уставился на печати и этикетки на продуктах, поняв, что Кру ограбил склады японского комиссариата в Маяпуре. Одного взгляда на Якуни хватило, чтобы подтвердить эти подозрения. Офицер густо покраснел от бессильной ярости.

ГЛАВА VII. Сомневающиеся японцы

УМИРАЮЩИЕ с голоду тощие бирманцы не стали долго раздумывать. С радостными криками они бросились на добычу. Через минуту Кру получил праздник, превзошедший его ожидания. Туземцы объедались, набивали рты и восхваляли Кру в перерывах между жеванием. Завтра они, возможно, умрут, но сейчас ели, пили и вполне искренне радовались.

— А теперь, — сказал Кру через Дентона, — послушайте меня и повинуйтесь.

Заклинание неподвижности, держащее японцев, рассеялось. Капитан Якуни с пистолетом в руке растерялся. Солдаты ждали его приказа. Дентон практически мог прочитать мысли офицера.

Наконец, Якуни пробормотал пару слов солдатам, стоящим рядом с ним. Те выстроились шеренгой и пошли прямо к дверям электростанции. Их намерения были очевидными. Прежде чем Дентон успел спрятаться, у него над головой появилась черная грозовая туча. Из нее вылетели молнии.

Шесть японских солдат были испепелены под грохот грома. Расплавленный металл винтовок увенчал небольшие кучки пепла.

— Танцуйте, — взревел Дентон. — Повинуйтесь или умрите.

У Якуни скривились губы.

— Доктор Дентон, — внезапно сказал он, — я должен попросить вас прекратить это... это... безобразие.

— Молчать. Не смей обращаться к моему жрецу без почтения.

Туча зловеще зарокотала. Якуни прищурился. Он выпалил какой-то приказ, и в ответ японские солдаты присоединились к пиру туземцев. Они бросали на офицера растерянные взгляды, но инстинкт подчинения оказался слишком сильным, чтобы не повиноваться. Пока слишком сильным.

Бирманцы старались держаться подальше от японцев. Ощущалась слабость духа товарищества. Тем не менее, языческая церемония обожания продолжалась к вящей радости Кру. Даже Якуни взял себе бутылку и сделал пару плотков. Танцевать он все же не стал, чего Кру, судя по всему, не заметил, придя в восторг от количества поклонников.

— Ден, как дела? — раздался сзади голос Деборы. — Мне можно выйти?

— Оставайся внутри, — велел он через плечо. — Я скажу, когда будет безопасно.

Дентон чувствовал то, что не заметил нецивилизованный, необразованный Кру. Якуни лишь притворялся и не собирался сдаваться. Японцы скорее умрут, чем повинуются врагу.

Он оказался прав. Некоторые японские солдаты, скачущие с мрачным видом — в отличие от бирманцев, никто из них не смеялся — потихоньку подобрался к лестнице в электростанцию, а затем внезапно, без всякого предупреждения, обступили Дентона. Быстрота нападения вызвала восхищение. Двое схватили его за руки, а третий приставил к голове пистолет. Грозовая туча опять зарокотала, этнолог резко взлетел вертикально вверх, и пуля лишь задела его каблук. Сверкнула молния.

Трое солдат превратились в пепел.

Кру вышел из себя. Туча внезапно увеличилась во много раз. Проливной дождь хлынул, как на туземцев, так и на японцев. Постоянный грохот грома и вспышки молний значительно усиливали театральный эффект. Какой-то солдат бросился в лес в поисках убежища и был испепелен.

Якуни поднялся в воздух, словно туча подхватила его при помощи лассо. Он пролетел по захватывающей дух кривой и приземлился в паре метров от американца. Гром все еще оглушительно гремел, поэтому попытки Кру что-то сказать через Дентона не увенчались успехом.

Тогда Дентон и Якуни поднялись в воздух так высоко, что туча внизу стала походить на яркое чернильное пятнышко на географической карте.

— А теперь, — сказал Кру устами Дентона капитану Якуни, — мы можем поговорить. Ты разочаровал меня, желтый человек. Кажется, ты здесь *саубва*. Ты должен подчиняться мне.

ЯКУНИ ничего не ответил и не смотрел вниз. На его лице застыло бесстрастное выражение.

— Ты будешь повиноваться. Как и твои люди. Иначе я превращу их в пепел, а тебя разорву на мелкие кусочки. Тебе все ясно?

Якуни молчал. Кру внезапно развернул офицера на триста шестьдесят градусов с такой скоростью, что тот на мгновение стал размытым пятном в глазах Дентона.

— Тебе ясно?

— Да, — снова оказавшись в неподвижном состоянии, сказал Якуни. — Я согласен.

— Отлично! Тогда отправляйся в деревню со своими людьми и устрой там фестиваль. Поклоняйся Кру. Проведи турнир, чтобы пролилась кровь, и был избран Старейшина племени Кру.

— Понятно.

— Сражайтесь острыми камнями, как подобает, булавами, а также зубами и ногтями. Кру не любит... гм... винтовки, убивающие на расстоянии. С их помощью слабак может убить сильного. Это неправильно, желтый *саубва*! Так сказал я, Кру. Я не люблю слабаков. Они должны служить сильным. Поэтому устрой бои и найди сильнейшего человека в деревне.

— Да.

— Теперь иди.

В этот момент Дентон испуганно вскрикнул.

— Кру... смотри! — воскликнул он и указал вниз.

Охваченная паникой, вызванной ужасными событиями, Дебора выбежала из электростанции и бросилась к бирманскому дому. За ней тут же погнался японский солдат с мерзкой улыбкой. Он поймал ее за руку и повалил на землю. Кру с задумчивым видом чесал подбородок, пока Дентон нетерпеливо не ткнул бога локтем.

— Она твоя жрица, Великий, — завопил Дентон. — Разве ты не собираешься защитить ее?

— Да, жрица Кру священна, — приняв решение, кивнул бог. — Смотри. Я покажу, как умею управлять молнией. Девушка останется невредимой, иначе... в общем, смотри. Будет красиво.

Кру поднял волосатую руку и кинул в солдата сверкающее огненное копье. Раздался страшный грохот. В воздух взлетели комья земли и клубы дыма. Когда пыль рассеялась, стало видно Дебору, с ошарашенным видом сидящую на тропинке. От солдата не осталось ни следа. Затем Кру плавно поднял девушку, донес до электростанции и опустил на ступеньки.

Потом бог двинул тучу в сторону деревни, гоня перед собой туземцев и японцев. Якуни помчался следом. Кру отнес Дентона обратно на ступеньки электростанции, где Дебора Хедли стояла рядом с яком.

— Я пойду, посмотрю игру, — услышал Дентон собственный голос. — А ты оставайся здесь, вместе с жрицей, и охраняй храм Кру. С народом я буду говорить через яка.

Як поднялся в воздух, пролетел мимо Дентона и скрылся за верхушками деревьев. Наступила тишина, нарушаемая лишь журчанием ручейков, текущих в сторону реки. Издалека доносились тихие крики.

Дентон сел и почувствовал слабость.

— Дебби, — тихонько позвал он. — Ты здесь?

— Ага.

Она подошла к нему с округлившимися глазами, затем сочувственно вздохнула и расположилась рядом с Дентоном, положив руки ему на плечи.

— Ты ужасно выглядишь.

— Мне плохо, — сообщил он. — Быть верховным жрецом совсем непросто.

— Да. — Дебби облизнула губы. — Мне очень хотелось бы предложить тебе выпить, но у меня ничего нет. Держи сигару.

— Нет спасибо. *Фу-ух!*

— Радуйся, что ты не Якуни, — сказала Дебора.

— С ним же все в порядке.

ДЕВУШКА с сомнением посмотрела на Дентона.

— Да ну? Я видела часть из того, что произошло. Как только японцу приходится подчиниться, он уже не знает, как жить дальше.

— Неважно, Якуни слишком умный. Он будет притворяться послушной овечкой. Кроме того, он не легковерный и умеет использовать мозги. Сейчас Якуни не верит в Кру. И, могу поспорить на фальшивую *анну*, считает меня йогом, применившим массовый гипноз. Понимая, что в открытом бою ему не победить, он попробует зайти с другой стороны. Капитан будет притворяться, пока не найдет способ одолеть меня.

— Главное, что япошки не могут пользоваться генераторами, — заметила Дебора. — Кру не позволит им.

— Да, но я не знаю, как долго Кру будет поддерживать статус-кво. Я не бог, поэтому не знаю, как мыслят боги, пусть и примитивные. Если он уйдет — а это возможно — нам придется несладко. Якуни быстро вернет электростанцию под свой контроль.

— Ты напрашиваешься на неприятности.

— Угу. На всякий случай, надо поломать генераторы. Прикасаться к ним мы не можем, но бомба Якуни способна сделать это за нас.

— Конечно... однако, как только Кру услышит взрыв, нас постигнет судьба генераторов.

— Нам надо лишь притвориться невинными. Мне кажется, я смогу заставить Кру сделать то, что хочу. Или, по крайней мере, отговорить его убивать нас. Он не всемогущий. У меня есть идея.

— Ладно. Какая?

— Мы найдем бомбу. Подойти к генератору невозможно, но, если бомба взорвется снаружи электростанции, так будет даже лучше.

— Я все сделаю. Идем!

— Умница, — улыбнулся Дентон. — За мной.

Когда они побежали через джунгли вниз по склону, Дебора внезапно остановилась, тихонько простонав.

— Ден, я тут кое о чем подумала.

— О чем?

— Об очевидном. Разве ты сам не догадываешься?

— Хочешь сказать, Якуни попросит поддержки? Вызовет парашютистов и бомбардировщики? У меня проскочила такая мысль. Мы в безопасности, Дебби. Якуни не станет привлекать внимание к Маяпуру. Массовые перемещения войск могут дать подсказку самолетам-разведчикам Союзников. И он точно не хочет, чтобы электростанцию разбомбили. Но тут есть кое-что еще более важное.

— И что же это?

— Потеря лица. Ты можешь представить, что Якуни посылает сообщение, говорящее, что Маяпур захватили гипнотизеры... американская девушка и американский этнолог? Нет. Якуни будет до последнего стараться решить проблему самостоятельно.

Склад боеприпасов никто не охранял. Судя по всему, Кру либо согнал всех обитателей Маяпура в деревню рядом с храмом, либо испепелил. Дентон поковырялся в замке и, наконец, взломал его. Внутри он устался на одну из бомб.

— Ты сможешь активировать ее? — поинтересовалась Дебора.

— Наверное. Надо ударить по ней... как мне кажется. Если «яйца» такие мощные, как ты говоришь, возможно, они способны выдерживать сильную тряску, прежде чем взорваться. Так что... я понял. Вот. — Дентон показал девушке, что надо сделать.

— Ради Бога, не здесь. Давай вернемся в электростанцию.

— Ладно. Нам понадобятся веревки.

ГЛАВА VIII. Кру защищается

ДЕНТОН с Деборой не смогли затащить бомбу в здание. На пороге их остановила какая-то неосязаемая сила, не дающая пройти в электростанцию с бомбой.

– Черт побери, – выпалил Дентон. – Я не ожидал этого.

Дебора побледнела.

– Неужели... Кру наблюдает за нами?

– Я уверен, что нет. Это условный рефлекс. Он запретил нам совершать святотатства.

– Насколько я помню, Кру лишь велел нам не прикасаться к генераторам.

– Это включает в себя все остальное. Наше подсознание индуктивно. Мы физически не способны сделать то, что приведет к уничтожению алтарей Кру. Вот такие мы везучие! – Дентон нахмурился. – Если бы мы верили, что бомба не причинит никакого ущерба, то, вероятно, смогли бы затащить ее внутрь. Но в любом случае нам не удастся активировать ее.

Дебора задумалась.

– Если ты придашь бомбе вид чего-то другого и скажешь мне закатить это внутрь, возможно, у нас получится.

– Ага. Только ты зря сказала об этом. Теперь мы оба в курсе.

– Может, попросим какого-нибудь туземца затащить бомбу?

– Бирманцы не станут этого делать, так как им запрещено входить в электростанцию. Японцы тоже нам не помогут, но по иным причинам. Может, соорудим какой-нибудь блок, чтобы затащить бомбу внутрь, находясь снаружи?

Эксперимент подтвердил, что все уловки бесполезны. Кру был мастером постгипнотических внушений. Наконец, американцы спрятали бомбу в джунглях и стали просто ждать с мрачным видом.

– Якуни может одержать победу, если проявит терпение, – почесав голову, предположил Дентон. – Кажется, у яка блохи. Из всех разговоров с Кру, я понял, что одним Маяпуром он не ограничится. Ему хочется расширить владения. Пока мы в относительной безопасности, поскольку Кру способен приглядывать за всем городом. Но потом он улетит... Как я уже говорил, он не всесилен и не сумеет защитить все свои храмы. Рано или поздно Якуни захватит электростанцию.

– Это правда, но потом Кру вернется для проверки.

– Ага, однако, к тому времени нас уже пристрелят. Вероятно, Кру надоест этот храм, и он отдаст его японцам. Так или иначе, у нас незавидное положение.

— Я понимаю примерно половину из того, что ты говоришь, — сказала Дебора. — Но только половину.

Дентон продолжал размышлять.

— Надо уничтожить генераторы. Самим нам не справиться. Поэтому мы должны связаться с Союзниками, чтобы они разбомбили электростанцию. Нам нужно радио. Давай проникнем в штаб-квартиру Якуни.

Американцы так и поступили.

Но капитан Якуни предусмотрительно убрал все важные устройства.

— Дай подумать. — Дентон потер виски. — У меня есть еще одна идея. Она может сработать, но потребуется время. Надо надавить на больное место Кру, но слишком резко этого делать нельзя.

— Больное место?

— Ага. У него комплекс неполноценности. Он хочет быть важной шишкой. Итак, что нам нужно?

— Ты мне скажи.

— Мы хотим сбежать из плена, перед этим уничтожив генераторы. Давай вернемся в электростанцию. Предлагаю привести план в исполнение.

Через пару часов в храм медленно влетел як с венком из цветов на шее.

— Кру приветствует жреца и жрицу, — с грохотом приземлившись, поприветствовал як. — Вы верно защищали алтарь. Не так ли?

ДЕНТОН дипломатично поклонился.

— Защищали, о, великий Кру.

— Воистину великий. Мой народ поклоняется в деревне. Они отвернулись от ложных богов.

— Бедный Якуни, — пробормотала Дебора. — Он до сих пор держится.

— Просто ждет своего шанса, — глянул Дентон на девушку.

— Что ты хочешь сказать? — резко спросил як.

— О, великий Кру, — поспешно ответил Дентон. — Мы — твоя жрица и я — говорили про то, что ты должен прославиться и в других местах. В конце концов, Маяпур довольно маленький город.

— Мое имя узнают везде. Но не прямо сейчас. Жизнь всех богов следует определенному циклу, — объяснил Кру. — Тут нет исключений. Местные боги бури уже стали великими. Но у всего есть начало.

— У всех богов есть апостолы, — сказал Дентон. — Я прав?

— Безусловно.

— Ну, так почему бы нам не стать твоими апостолами? Позволь нам отправиться в другие города и рассказать людям о тебе. Реклама приносит большую пользу. — Як ничего не ответил, и Дентон поспешно продолжал: — Может, ты перенесешь нас в какой-нибудь крупный город — в Австралию или даже в Америку — где мы сможем обратиться сразу к сотням тысяч людей?

— Я не сомневаюсь, что в Австралии и Америке есть тамошние боги, — хитро парировал Кру. — Однако прежде чем забираться так далеко, мне надо набраться сил. Для начала я установлю свою власть в Бирме. Если я переоценю себя, то мои дни будут сочтены. Другие боги очень завистливы. Нет, верховный жрец Кру, ты останешься в Маяпуре и будешь служить мне.

— Тем лучше, — сказала Дебора. — Кру, ты не возражаешь, если я окурю храм благовониями?

Дрожащими руками она зажгла тонкую сигару.

Дентон почесал подбородок.

— Кру, великий Кру, могу я говорить с тобой откровенно?

— Можешь, но не забывай об осторожности.

— Ну, дело вот в чем. Что, если жреца Кру убьют оружием смертных? Разве это не станет... неприятным событием?

— Неприятным для убийц, — проворчал як. — Они умрут.

— Тем не менее, это плохо скажется на твоей репутации. Я представляю тебя в человеческом теле. Все верно?

— Наверное... Да, ты прав.

— Значит, если меня убьют, вера людей во всемогущество Кру может пошатнуться.

— Кто посмеет поднять на тебя копьё? Укажи на него, и я покараю его.

— Тогда тебе придется уничтожить целую деревню, но ты не можешь уничтожить всех, иначе у тебя не останется поклонников. Ты же понимаешь, что одарил меня больше других. Разве не естественно, что остальные позавидуют?

— Только для людей. — Кру секунду обдумывал слова Дентона, осознавая, что учел не все.

— Ну, вот, — кивнул Дентон. — К тому же, ты сказал, что жизненные циклы всех богов схожи. Как насчет неуязвимости?

— Ты имеешь в виду Бальдра? Но он был богом.

— Тогда давай возьмем для примера Ахиллеса. Он был человеком, но неуязвимым, благодаря богам. Они отметили его печатью. А ты можешь сделать меня и жрицу неуязвимыми, чтобы доказать свою силу?

— Ладно, — сказал Кру. — Исполнено.

— **ТАК ПРОСТО?** — удивилась Дебора.

— Да. Только Бальдра убила белая омела, а Ахиллеса сразили, пронзив пятаку. Я не должен отклоняться от схемы. В броне всегда остается уязвимое место. Вы двое в полной безопасности, пока находитесь в храме Кру.

— Подожди минутку, — поспешно сказал Дентон. — Ты уверен, что хочешь именно этого? Если тебе придется покинуть Маяпур по делам, разве мы не должны заправлять тут всем, искореняя богохульство и приглядывая за народом?

— Ты умеешь убеждать, — кивнул як. — В твоих словах есть смысл. Вы не осмелитесь покинуть храм, и, пока меня нет, люди, вероятно, снова обратятся к ложным богам. Гм... это вполне возможно.

— Так почему ты не даруешь нам полную неуязвимость?

— Сына Аполлона сгубила гордость, — загадочно заметил Кру. — Вот мое решение. Пока вы находитесь вблизи священного яка, ничто не может вам навредить. А теперь я вернусь на фестиваль. *Ай-йя!*

— Яка-то оставь! — отчаянно закричала Дебора.

Она едва не опоздала. Животное описало в воздухе красивую дугу и плавно приземлилось туда, где стояло секунду назад.

— Для того чтобы приглядывать за поклонниками мне не нужны ни люди, ни животные, — сказал як.

Под потолком появилась грозовая туча, послышался тихий треск, и Кру улетел в сторону деревни.

ГЛАВА IX. Ложный жрец

КРУ полностью покориł Маяпур, благодаря внимательному наблюдению за всеми обитателями. Казалось, он был всевидящим наставником, правила которого не стоило нарушать. Кру оставался невидимым. Грозовая туча не всегда предвещала его появление. Грешники получали суровое наказание. Обычно они просто превращались в пепел. А капитан Якуни не хотел лишиться солдат.

Ничто не нарушало невозмутимость японского офицера, за исключением очевидных недостатков своего положения. Поскольку, как Дентон подозревал, Якуни ни на секунду не поверил в Кру. Напротив, он во всем обвинял массовый гипноз. По его мнению, испепеленные солдаты не были поражены божественной молнией, так как молнию можно было контролировать лишь в хорошо оснащенных лабораториях. Скорее всего, Дентон просто пристрелил

или зарезал неповиновавшихся солдат, а под гипнозом все увидели целое театральное представление.

Да, такие гипнотические возможности были поистине исключительными. Но Якуни предпочел бы поверить в любое объяснение, нежели признать существование Кру. Вообще, он, в принципе, не мог поверить в какого-либо бога. Потому что просто не рассматривал такой вариант.

Итак, грязь и кровь преобразовали Маяпур. Мужчины охотились. Отлынивать не позволялось. Огнестрельное оружие находилось под запретом. Як ясно выразился на этот счет и даже не стал ничего говорить про трусость. Кру хотел, чтобы его народ был смелым, возможно, потому что сам питал несколько смутных страхов. Бирманцы давно привыкли пользоваться холодным оружием. Они с радостью охотились на тигров, бросая в них копья с удивительной точностью. Японцы были менее довольны таким положением дел.

Винтовки и пистолеты, собранные туземцами в кучу, были переправлены по воздуху в электростанцию.

Но солдаты все же припрятали несколько пистолетов, поэтому в Дентона с Деборой периодически стреляли. Не смея отходить от яка, они оставались невредимыми. Кру всегда жестоко расправлялся со стрелками, когда мог найти их.

Через неделю Якуни должен был получить очередную партию бомб для обработки электролитом. Тогда все вскроется, и Японская империя узнает, что американский гипнотизер захватил Маяпур и превратил завоевателей в своих рабов. Якуни не собирался дожидаться этого момента. Да, его стрелки не смогли убить американцев, но существовали и другие методы.

Только Якуни ничего не приходило в голову.

Прежде чем неделя закончилась, Кру расслабился, удовлетворенно фыркнув. У него опять появились подданные.

В Маяпуре почти не осталось лживых и трусливых людей, осмеливающихся лицемерить, к чему он привык уже давно. Племя радовало Кру, особенно бирманцы.

В мире не существовали столь великие боги. Ни один другой бог не обладал таким храмом с гигантскими алтарями. Ну, по крайней мере, Кру надеялся, что их мало.

Он позволил себе помечтать. В будущем – разумеется, через много столетий – Кру станет таким же великим, как Молох или Красный Ормазд по имени Пламя. Тем не менее, надежды Кру были слишком смелыми.

Хотя нет, во имя самого великого бога, не слишком! Даже Ормазд когда-то был слабым. Как и Осирис и Аллат из Вавилона. А также

Мардук. Теперь они все обитали в мире богов, куда могли попасть только самые могущественные.

НО, ЕСЛИ Кру станет могучим воином, повелителем многих рас и владыкой десятков храмов, ворота этого мира могут когда-нибудь открыться и перед ним. Он подождет. А тем временем будет довольствоваться житейскими радостями и править своим племенем... пока племенем, а в будущем целой страной.

Кру Воитель! Как звучит, а? Да, звучит отлично – осталось только воплотить это в жизнь.

Кру взглянул на электростанцию. На одном из алтарей лежал козленок. Жрица окуривала храм благовониями и молилась Кру!

Кру спустился на землю и вошел в яка. Прежде чем подчинить себе грубые мышцы горла яка, ему пришлось немного повозиться.

– Кру все слышит. Кру принимает жертву.

Дентон, заметно осунувшийся, взглянул на Дебору и едва заметно кивнул.

– Великий Кру, ты позволишь мне обратиться к тебе?

– Ты мне дорог, жрец. Говори. Разве я не даровал тебе неуязвимость?

– Даровал, – мрачно ответил Дентон. – Она очень пригодилась. Но я хотел сказать... У меня есть одна мысль. Тебе же приходится следовать жизненному циклу других богов, не так ли?

– Не совсем. Все боги следуют общему циклу.

– Ну, я про это и говорю, – сказал Дентон. – Мне кажется, ты кое-что пропустил, Кру. Миф о Солнце. Все великие боги были убиты, а потом они восстали из мертвых. Египетский Хорус, Бальдр, Кетцалькоатль... ирландские, американские... все. Разве у друидов не было бога по имени Мидир, который переродился? Весенним равноденствием?

– Весеннее равноденствие. Да. Он перерождается во время каждого затмения. Жрец, ты очень мудр. Однако я не уверен, что готов.

– Почему нет? Сейчас самое подходящее время.

– Ты отличный прорицатель, жрец. Мне нравится твоё предложение. Я, действительно, зря не думал об этом. Решено, я умру и воскресну. Много времени на это не уйдет. Лунный цикл... Месяц.

– Хорошо. Какой у нас план?

Кру все объяснил. Церемония обещала быть интересной. Кру согласился проспать тридцать дней. Во время этого периода поклонники должны скорбеть и воздерживаться от всех удовольствий, пока бог не проснется.

– Да, – с жадностью сказал як. – Кру поистине велик!

Дентон выразительно взглянул на Дебору.

— Ну, — сказала она, — пожалуй, я пойду, посмотрю, как дела у плавающих храмов.

— Хорошо, — ответил легковерный бог. — Неплохая идея.

Он продолжал обсуждать детали церемонии с Дентоном, пока Дебора шла к деревне.

Пару дней назад Дентон придумал построить плоты, на которых народ будет поклоняться Кру. Он легко убедил бога, что тут нет ничего подозрительного — якобы, это лишь значит, что Кру владеет рекой так же, как землей. Плоты уже были почти готовы. По приказу Дентона один сделали прочнее других, привязали к нему пустые канистры из-под бензина и снабдили удобным рулем. В общем, на нем должен был плыть як.

Это являлось необходимым, если Дентон и Дебора хотели выжить.

Присутствие яка давало неуязвимость. Ничто не могло навредить им во время путешествия до ближайшей базы Союзников. Ведь, пока Кру спит, об излишней безопасности речи идти не могло.

Все прошло гладко. План сработал практически идеально. Дентон не переставал беспокоиться. Кру совершенно не тревожился во время ритуала, а капитан Якуни не пытался поднять бунт. Церемония началась на

Danton was left on the steps of the powerhouse beside Deborah and the yak

рассвете и продлилась почти два часа, как обычно, закончившись пьяной оргией.

В итоге, Дентон понял, что не зря все это затеял. Грозовая туча над головой уменьшилась и исчезла. Американцы не сомневались, что Кру исчез.

Бог заснул. Разумеется, довольно скоро он проснется, но до этого надо было много успеть сделать.

БЕЛЫЕ ЛЮДИ направились к реке, Дебора сидела на яке, Дентон вел животное за собой. Туземцы медленно шли за ними. Насколько они знали, это просто часть церемонии. Они ничего не понимали, даже когда як зашел на плот, и американцы поплыли вместе с ним вниз по течению.

— Я принесу жертву Кру в тайном месте, — объявил Дентон толпе на берегу. — Если я не вернусь до заката, Маяпур станет запретным городом. Найдите дома в других деревнях. Это приказ Кру. — Затем он повернулся к Деборе. — Это спасет бирманцев, если Маяпур разбомбят с самолетов.

Плот скрылся за изгибом реки. Последнее, что увидел Дентон, был задумчивый и что-то подозревающий капитан Якуни с растерянным выражением лица. Погони не было.

Дентон осмотрел плот. Под шкурами лежала еда, пара винтовок, а также несколько ножей-*да*, которые он сложил сюда еще до начала церемонии.

— Держи шест и отталкивайся от берега, если мы подплывем слишком близко, — сказал он Деборе. — Таким рулем чертовски тяжело работать, но, к счастью, течение довольно медленное, иначе мы могли бы опрокинуться. Когда начнутся стремнины, наоборот, подтащи нас к берегу, и мы покинем плот вместе с яком и грузом.

Дебора содрогнулась.

— Я пытаюсь понять, — пробормотала она, — что случится с нами, когда Кру проснется.

Пока они плыли по течению, Якуни не преследовал их. Крокодилы, похожие на бревна, застрявшие у илистых берегов, смотрели, как мутный поток несет плот. Стояла жара. Воздух был тяжелым и удушающим даже на реке. Джунгли молча обступали с обеих сторон.

Всепроникающий запах гнилых цветов неотступно следовал за американцами. Ветер не принес прохлады даже перед закатом, когда небо стало зеленым, как бирманский нефрит. Сигары Деборы пропитались влагой и не загорались. Як, привыкший к более при-

ятным условиям, ворчал и что-то печально бормотал, уставившись на белых людей большими, грустными глазами.

Один раз они увидели самолет, пролетавший слишком далеко, чтобы можно было привлечь его внимание. Деборе показалось, что это американский «Р-40». Кроме того, однажды, когда река в очередной раз повернула, их встретила бешеная пальба. Нападавшие прятались в джунглях. Пули не причинили беглецам никакого вреда.

Кобра укусила Дентона, Дебору и защищающего их яка. Хищники шли следом по берегам. Крокодилы периодически бросались на плот. Мощь Кру оставалась неоспоримой, хотя бог спал.

Американцы плыли, пока на реке не появились стремнины. Дальше они двинулись пешком. Ножами-да они разрубали спутанные кусты и лианы. Як сам проделывал себе тропу. Но большую часть пути Дентон двигался по хорошо протоптанной дорожке. Кроме жажды и голода, бояться было нечего. Даже когда они наткнулись на разведотряд японцев... но это тоже не имело никакого значения.

Однако время шло быстро. Американцы слепо двигались на юг, идя вдоль реки, поскольку не знали, где именно находится база Союзников. В небе часто появлялись самолеты. Дважды Дентон разжигал сигнальные костры. В первый раз он опоздал, и самолет исчез до того, как пилот успел бы увидеть дым. Во второй раз прилетели японцы, и на западе завязался воздушный бой.

Як радовался избытку пищи, хотя его шуба испачкалась и спуталась в такой жаре. Дебора ни разу не пожаловалась, но к началу второй недели похода начала худеть. Как и Дентон. Впрочем, это было даже хорошо, поскольку лишняя плоть приманивает лихорадку.

ИЗНУРЕННЫЕ, осунувшиеся, в рваной одежде они продолжали идти. Прошла неделя. Две. Три. И, наконец, четыре. Базу Союзников американцы так и не нашли.

Очнулся Кру.

Животные после спячки всегда слабые и голодные. Но к богам это не относится. Проснувшись, Кру наполнился радостным ожиданием. Целый месяц ему снились приятные сны о Маяпуре, его народе и будущем. Кру размял могучие мышцы и громогласно засмеялся. Рассветное солнце жемчужным светом пробивалось через туман. Это был день пробуждения. Теперь Маяпур может перестать скорбеть о спящем боге и возрадоваться. Кру возродился, и теперь в городе будет слышен его смех.

Но из деревни на берегу не доносилось ни одного звука. Из труб хижин не шел дым. Жизни тут не было.

– *Ай-ия!* – заставив ветер подуть, закричал Кру. – Проснись! Проснись, мой народ.

Джунгли уже начали захватывать Маяпур. Шакалы ходили по улицам, сорняки пробивались из щелей между камнями. Храм разграбили.

Алтари Кру исчезли.

Маяпур пал так же, как Вавилон, словно его отравило проклятие. Кру тупо уставился на руины.

Он неподвижно стоял, возвышаясь над Маяпуром. Коршун спланировал вниз, пронзительно крича. С реки доносился сдавленный грохот.

– *Ай... ай!* Мой народ! Мои верные жрец и жрица!

Удивление исчезло с лица Кру. В утреннем свете заблестели его желтые клыки.

– Мои огромные блестящие алтари! *Ах...*

Сверкнула молния. Небо внезапно заволочло тучами.

Взревев, Кру понесся на юг. Ветер мчался вместе с ним. Гром предупреждал о его приближении. Джунгли преклонились перед Кру.

Наконец, он увидел цель. Он искал не вслепую, так как неосызаемая связь между богом и жрецом, между богом и священным животным, безошибочно привела его к яку и Дентону. Кру увидел их и ринулся вниз.

ГЛАВА X. Награда воина

МОЩНЫЙ порыв воздуха разбудил Дентона. Он почувствовал, как задыхается, попытался сесть и с ужасом увидел, что джунгли быстро уменьшаются внизу. Вместе с ним взлетала девушка и як.

– Ден, – протянув руку, испуганно вскрикнула девушка, и Дентон с побелевшим лицом притянул ее к себе. – Ден! Это... это Кру!

– Да. Я знаю.

Они замерли в полукилометре над землей. Як помотал косматой головой. Из пасти животного вырвался голос Кру.

– Да, это Кру. Вы обманули своего бога. Маяпур опустел, храм осквернен и разграблен. Алтари исчезли. Люди разбежались. Вероломные стражники... умрите!

У Дентона скрутило узлом желудок.

– Подожди, – прохрипел он. – Кру, послушай. Дай нам еще один шанс.

– Я слушал вас слишком долго. Теперь вы умрете.
– Кру, – внезапно взмолилась Дебора, – мы ничего не могли по-
делать. Япошки ворвались в храм и выгнали нас.
– Вы могли остановить их.
– Мы пытались. Тебя не было. Они... они...
– Почему вы убежали? Вас невозможно убить.
– Мы отправились за помощью, – тихонько сказала Дебора и по-
никала, не в силах говорить дальше.

Но она все же успела подкинуть Дентону идею. Он взялся раз-
вивать легенду.

– Жрица сказала правду. Нас выгнали. Бирманцы пытались по-
мочь нам, но японцы оказались слишком сильны. Мы пошли за по-
мощью, чтобы отбить алтари.

– Мои алтари. Мои огромные, блестящие алтари, какими не об-
ладал ни один бог. Где они?

Дентон взглянул на Дебору.

– Якуни разобрал электростанцию. Он понял, что мы направи-
лись к Союзникам, которые разбомбят Маяпур, как только узнают,
что здесь творится. Наверное, он перенес генераторы в другое
место.

– Куда? – взревел як. – Найди мои алтари, жрец, иначе я испе-
плю тебя.

Дентон сглотнул.

– Что ж, я попытаюсь. Ты можешь отнести нас обратно в Маяпур?

– Да.

На этот раз Кру выбрал быстрый способ. Он мгновенно перенес
пленников в бирманскую деревню.

– *Ло!* Вы только посмотрите, что осталось от моего храма!

– Это дело рук японцев, – облизнув губы, сказал Дентон.

– Найдите алтари.

– Я сделаю все возможное. Мы можем... лететь над рекой вниз
по течению со скоростью километров сто в час?

Кру ничего не ответил, но Дентон, Дебора и як направились в
нужную сторону, оставаясь на полукилометровой высоте.

– Гм, лучше немного опуститься. Спасибо.

– Как бы я хотела оказаться в другом месте, – дрожащим голосом
сказала Дебора. – Как мы найдем эти чертовы алтари?

Дентон стиснул ее руку.

– Соберись. У меня нет приборов, но я догадываюсь, куда нап्रा-
вился Якуни.

– Куда?

— Вниз по реке. Ему ведь надо было как-то перетащить генераторы. Даже разобранные, они очень тяжелые, значит, японцы воспользовались плотами. Вполне очевидно, что вверх по течению можно не искать.

— Но мы же не можем обыскать всю реку, Ден.

— Нам и не придется. Генераторы преобразовывают энергию. Якуни нужна река. Я думаю, он разместил генераторы рядом с каким-нибудь водопадом. Не забывай, у него было больше месяца.

— Но... даже месяца...

— Ты же знаешь, как работают японцы. Среди подчиненных у Якуни есть инженеры. Они знают, что такое эффективность. Возможно, новая электростанция еще не закончена, но Якуни определенно движется к этому. Само собой, она замаскирована. Капитан не стал бы убирать генераторы из Маяпура, чтобы избежать бомбардировок, не собираясь их хорошенько спрятать. Смотри в оба.

НО, В КОНЦЕ концов, это Кру нашел электростанцию. Как и предполагал Дентон, она находилась рядом с рекой, и прикрытые лиственной бетонные каналы отводили воду, куда надо.

Бог с тремя спутниками спланировал вниз. Листья секунду били людей по лицам. Затем они оказались в импровизированной электростанции, сооруженной Якуни. Она выглядела весьма примитивно, но техники работали круглые сутки, выслушивая угрозы Якуни. Алтари Кру были уже установлены.

Более того, они работали. Турбины ревели, преобразовывая энергию воды в электричество. Да, японцы умели действовать быстро.

Рассмотреть что-либо еще Дентон не успел. Хватая ртом воздух, он понял, что уже находится на другом берегу, чуть выше водопадов. Дебора с яком были рядом. Стояла тишина. Кру молчал.

— Он снова взялся за свое, — пробормотала Дебора. — Капитан продолжает клепать дьявольские бомбы.

— Жрец, что это? — спросил как прежде, чем Дентон успел ответить девушке. — Почему мои алтари так шумят? Что с ними случилось?

Внезапно Дентон понял, что делать. Он бросил на Дебору предупреждающий взгляд.

— Желтокожие люди вероломны, Кру. Они увели верных бирманцев и прокляли Маяпур. Главный японец... он сказал, что ты слаб и убежишь, когда проснешься и увидишь, что все разрушено.

— Ден, — прошептала Дебора.

— Я ведь прав, жрица? — Дентон уставился на девушку.

— Д-да. Именно так все и было.

— Мои алтари! — простонал Кру.

– Кру. – Дентон побледнел, как простыня. – Изгони злого бога. Ты же сильнее его. Победи его. Уничтожь.

– Уничтожить?

– Он творит зло. Он изготавливает смерть, убивающую твой народ. Неужели ты... боишься?

– Ждите, – сказал як. – Никуда не уходите. Смотрите.

– Ты будешь... сражаться с ним?

– Ждите, – повторил Кру, – и смотрите.

Кру взглянул на генераторы. Они ожили. Их рев перерос в монотонное погребальное пение. Вокруг них возились желтые люди, исполняющие приказы и кланяющиеся. Кланяющиеся новому богу, проклявшему Маяпур.

– Я боюсь, – сказал Кру сам себе. – *Ай-йя*, я боюсь.

Он внезапно возненавидел нового бога.

До его ноздрей дошел запах благовоний. Дентон закурил последнюю промокшую сигару Деборы. Он молился.

– Отомсти за свой народ, Кру. Изгони захватчика. Вызови его на бой, великий Кру.

У меня один поклонник, а у него много, подумал Кру. *Один... нет, два, жрица тоже начала молиться.* Желтые клыки угрожающе сверкнули. Он с высоты уставился на импровизированную электростанцию.

А затем, поначалу практически бесшумно, принялся изрыгать проклятия. Людям это казалось ветром, сильным, порывистым, ураганным. Кру проклинал нового бога. Он вызывал его на бой.

– Кру велик. Кру сильнее всяких захватчиков. Ты украл мои алтари. Ты будешь за них драться? Так будешь или нет? Будешь сражаться с Кру? *Ай-йя...* я великий бог и сокрошу тебя.

Небо заволочло тучами, и поднялся свистящий ветер. Находящийся внутри электростанции Якуни растерянно поднял голову. Буря?

ВНЕЗАПНО он взглянул на генераторы. Ему показалось, или они, действительно, стали гудеть по-другому. Неужели они заревели в такт свистящему ветру... словно отвечая ему?

Отвечая на вызов ветра? И турбины приняли его!

Свист перерос в крещендо. В нем уже практически слышались слова. А генераторы...

Якуни выпучил глаза и начал поворачиваться к рубильникам, но так и не закончил движение.

Вместе с ветром налетел Кру. Невидимый, могучий, ужасный Кру опустил косматую голову и ринулся в бой с богом генераторов.

Внезапно джунгли сотряс мощный взрыв! Дентон на противоположном берегу с трудом поднялся на ноги и понял, что у него из ушей и носа течет кровь. Затем он помог встать Деборе. Як позади них пытался устоять, ворча и фыркая, но внезапно рухнул на землю и больше не шевелился.

Дебора заплакала.

— Он умер, Ден. То есть Кру. Мы... мы...

— Я знаю, — прохрипел Дентон. — Я ведь... послал этого невероятного дикаря на самоубийство... Но другого выхода не было.

— Наверное, ты прав.

— Несомненно, — потеряв лоб, сказал Дентон. — Я... я не ожидал этого. По моим расчетам, Кру должен был уничтожить генераторы или погибнуть сам. Так даже лучше. Якуни и его солдаты мертвы, а генераторы превратились в кучу искореженного металла.

— Як тоже погиб.

— Он погиб вместе с Кру. Дебби, а ты уверена насчет Кру? Что он... что его больше нет?

— Уверена, Ден, — медленно кивнула она. — Я чувствую, что он исчез. Разве ты ничего такого не ощущаешь?

— Да, ощущаю. Конечно, в душе он был неандертальцем, но я ненавижу себя за то, что мне пришлось его так обмануть.

Дентон дернул плечами, собираясь пожать ими, но жест остался незаконченным.

Девушка посмотрела в небо.

— Ден, а это что, самолет?

На фоне облаков на западе появилось маленькое пятнышко.

— Да, — через некоторое время ответил Дентон. — К тому же, наш. Наверное, он увидел взрыв. Впрочем, это неудивительно.

Дентон снял рубашку и принялся махать ей.

Самолет качнул крыльями, тем самым показав, что увидел сигнал. Затем начал кружиться, ища место для посадки.

Дентон подобрал брошенную сигару и зажег ее, взглянув в небо. Дебора неуверенно улыбнулась, поняв смысл жеста.

— Самолет сел, — сказал Дентон. — Идем, Дебби.

Он бросил сигару в реку, и огни на алтаре Кру потухли навечно.

* * *

Стоял густой туман. Он неприятно лип и душил холодной влагой. Кру проехал на яке чуть дальше и понял, что туман постепенно редет и распадается на клочки. Через секунду в дымке показались четыре огромные фигуры, охраняющие мост. Арочная переправа

уходила в бесконечность. Могучие и ужасные, точно быки, гиганты молча ждали.

Они поприветствовали Кру странными, официальными жестами. Затем назвали свои имена.

Мардук и Огненный Ормазд... Осирис и Аллат из Вавилона. Ормазд покачал рыжей головой и улыбнулся Кру.

– Добро пожаловать, Кру-Воитель.

Кру на какое-то время потерял дар речи.

– Но ведь это не загробное царство, – сказал он. – Я малоизвестный бог...

– Мост ведет в мир богов, – объяснил Мардук. – Погибшие боги попадают туда, если они не слабаки. Там есть место и для тебя.

Кру вскинул волосатые руки, не веря своим ушам.

– Ормазд! Великий Осирис... Мардук и Аллат! Но я не великий бог, хотя мог им стать через тысячу лет, если бы не умер так рано.

– Ты пал в бою, – сказал Осирис. – Ты бросил вызов самому могущественному созданию во всех вселенных. Никто из нас не осмеливался встретиться лицом к лицу с врагом, сразившим тебя. Ай-йя – ты один из нас, брат. Проходи!

Мардук и Ормазд шли слева и справа от Кру. Аллат впереди. Осирис замыкал процессию.

Так Кру-Воитель въехал по мосту в загробное царство.

A God named Kroo, (Thrilling Wonder Stories, 1944, Winter), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПОМНИ БУДУЩЕЕ. Повесть	5
Remember tomorrow. (Thrilling Wonder Stories, 1941 № 1), пер. Андрей Бурцев	
ЖЕСТОКИЕ БОГИ ВЕНЕРЫ	65
War-gods of the void, (Planet Stories, 1942, Fall), пер. Андрей Бурцев	
ГОРОД-СКЛЕП БЕССМЕРТНЫХ. Повесть.....	105
Crypt-city of the deathless one, (Planet Stories, 1943, Winter), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	
БОГ ПО ИМЕНИ КРУ. Повесть.....	171
A God named Kroo, (Thrilling Wonder Stories, 1944, Winter), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим	

Читайте в
следующем томе:

Пол Андерсон

В следующем выпуске БААКФ № 38 выйдет первый том из двухтомника Пола Андерсона под названием «Угроза безопасности», в который вошли его рассказы и повести. Думаю, нет нужды представлять этого выдающегося мастера американской фантастики. На русском уже выходили сотни его произведений, но почти столько же еще ждет своих переводчиков.

Андрей Бурцев

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

Запомни будущее